

Научный журнал

Основан в 2010 г.
Выходит 6 раз в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки

Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№5(45)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2020

Главный редактор:

академик А.М. Асхабов

Зам. главного редактора — чл.-корр. РАН В.Н. Лажинцев

Ответственный секретарь — к.х.п. А.Я. Полле

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И.Л. Жеребцов (ответственный редактор),
к.и.н. И.О. Васкул (зам. ответственного редактора),
д.филол.н. Е.А. Цыпанов (зам. ответственного редактора),
к.и.н. Д.В. Милохин (ответственный секретарь), д.и.н. Е.Т. Артемов, д.и.н. А.М. Белагин,
д.и.н. А.А. Бровина, член-корр. РАН А.В. Головинев,
д-р наук И. Желникова (Польша), д.и.н. А.Е. Загребин, д.филол.н. Т.И. Зайцева,
к.и.н. Н.М. Игнатова, д.и.н. В.А. Исупов, д. филол.н. Л.Л. Карпова,
д-р наук Г. Клушп (Эстония), к.и.н. П.П. Котов, к.филол.н. Ю.А. Крашенинникова,
д.и.н. Е.Ф. Кринко, д.филол.н. Р.А. Кудрявцева, к.филол.н. Т.Л. Кузнецова,
д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р философии А. Леэте (Эстония),
д-р философии Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М.А. Мацук,
д.и.н. В.И. Меньковский (Беларусь), к.филол.н. А.Г. Мусанов,
д-р философии З.Надь (Венгрия), д. филол.н. О.И. Налдеева, д.и.н. П.Ю. Павлов,
д.и.н. И.В. Побережников, д.филол.н. В.А. Поздеев, д.и.н. С.А. Прокопенко,
д.и.н. А.В. Репневский, акад. М.П. Рошеский, д.и.н. Т.С. Садыков (Казахстан),
д.филол.н. Т.Г. Владыкина, д.геогр.н. В.И. Силин,
д.и.н. А.В. Сперанский, к.и.н. М.В. Таскаев,
д.и.н. И.Фодор (Венгрия), д.и.н. Ю.П. Шабаев, д.философии М.Шмидель (Словакия),
к.и.н. С.Ю. Шокарев

Редакционный совет:

акад. В.В. Алексеев, чл.-корр. РАН В.Н. Анфилов,
чл.-корр. РАН А.А. Барях, д.м.н. Е.Р. Войко, акад. В.И. Бердышев,
акад. В.Н. Большаков, д.э.н. Н.М. Большаков, проф. Т.М. Вречко, д.б.н. М.В. Гецен,
акад. А.Д. Гвишиани, д.б.н. С.В. Дёгтева, д.э.н. В.А. Ильин, акад. В.А. Коротеев,
чл.-корр. РАН С.В. Кривовичев, чл.-корр. РАН А.В. Кушин,
чл.-корр. РАН Ю.Б. Марин, акад. В.П. Матвеев, акад. Г.А. Месян,
чл.-корр. РАН Е.В. Пименов, к.г.-м.н. А.М. Плякин,
чл.-корр. РАН В.Н. Пучков, чл.-корр. РАН И.М. Рошеская, акад. М.П. Рошеский,
д.х.н. С.А. Рубцова, д.и.н. Э.А. Савельева, к.и.н. А.В. Самарин, чл.-корр. РАН А.Ф. Титов,
акад. В.Н. Чарушин, д.т.н. Ю.Я. Чукреев, д.б.н. Е.В. Шамрикова, акад. В.С. Шацкий,
д.б.н. Д.Н. Шмаков, д.т.н. Н.Д. Цахадя

Адрес редакции:

167982, Республика Коми, Сыктывкар, ул.Коммунистическая, 24
Коми научный центр УрО РАН, каб. 317.
Тел. (8212) 24-47-79, факс (8212)24-22-64
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия. Свид.
о регистрации средств массовой информации ПИ №
ФС 77- 26969 от 11 января 2007 г.

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН», 2020

Science Journal
Founded in 2010
Published 6 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№5(45)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2020

Editor-in-chief:

academician *A.M. Askhabov*

Deputy editor-in-chief — RAS corresp. member *V.N. Lazhentsev*

Executive Secretary — Cand. Sci. (Chemistry) *A.Ya. Polle*

Editorial Board "History and philology":

Dr. Sci. (Hist.) *I.L. Zherebtsov* (Executive editor), Cand. Sci. (Hist.) *I.O. Vaskul* (Deputy Executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) *E.A. Tsypanov* (Deputy Executive editor),
Cand. Sci. (Hist.) *D.V. Milokhin* (Executive Secretary), Dr. Sci. (Hist.) *E.T. Artemov*,
Dr. Sci. (Hist.) *A.M. Belavin*, Dr. Sci. (Hist.) *A.A. Brovina*, RAS corresp. member *A.V. Golovnev*,
Dr. Sci. *I. Zhepnikovska* (Poland), Dr. Sci. (Hist.) *A.E. Zagrebin*, Dr. Sci. (Philol.) *T.I. Zaitseva*,
Cand. Sci. (Hist.) *N.M. Ignatova*, Dr. Sci. (Hist.) *V.A. Isupov*, Dr. Sci. (Philol.) *L.L. Karpova*,
Dr. Sci. *G. Klumpp* (Estonia), Cand. Sci. (Hist.) *P.P. Kotov*, Cand. Sci. (Philol.) *Yu.A. Krashenninnikova*,
Dr. Sci. (Hist.) *E.F. Krinko*, Dr. Sci. (Philol.) *R.A. Kudryavtseva*, Cand. Sci. (Philol.) *T.L. Kuznetsova*,
Dr. Sci. *S. Lallukka* (Finland), PhD *A. Leete* (Estonia), PhD *D. Lozovanu* (Moldova), Dr. Sci. (Hist.) *M.A. Matsuk*,
Dr. Sci. (Hist.) *V.I. Men'kovsky* (Belarus), Cand. Sci. (Philol.) *A.G. Musanov*, PhD *Z. Nagu* (Hungary),
Dr. Sci. (Philol.) *O.I. Naldeevea*, Dr. Sci. (Hist.) *P.Yu. Pavlov*, Dr. Sci. (Hist.) *I.V. Poberezhnikov*,
Dr. Sci. (Philol.) *V.A. Pozdeev*, Dr. Sci. (Hist.) *S.A. Prokopenko*, Dr. Sci. (Hist.) *A.V. Repnevsky*,
acad. *M.P. Roshchevsky*, Dr. Sci. (Hist.) *T.S. Sadykov* (Kazakhstan),
Dr. Sci. (Philol.) *T.G. Vladykina*, Dr. Sci. (Geogr.) *V.I. Silin*, Dr. Sci. (Hist.) *A.V. Speransky*,
Cand. Sci. (Hist.) *M.V. Taskaev*, Dr. Sci. (Hist.) *I. Fodor* (Hungary), Dr. Sci. (Hist.) *Yu.P. Shabaev*,
PhD *M. Shmigel* (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) *S.Yu. Shokarev*

Editorial Council:

acad. *V.V. Alekseev*, RAS corresp. member *V.N. Anfilogov*, RAS corresp. member *A.A. Baryakh*,
Dr. Sci. (Med.) *E.R. Bojko*, acad. *V.I. Berdyshev*, acad. *V.N. Bolshakov*, Dr. Sci. (Econ.) *N.M. Bolshakov*,
Prof. *T.M. Brechko*, Dr. Sci. (Biol.) *M.V. Getsen*, acad. *A.D. Gvishiani*, Dr. Sci. (Biol.) *S.V. Degteva*,
Dr. Sci. (Econ.) *V.A. Ilyin*, acad. *V.A. Koroteev*, RAS corresp. member *S.V. Krivovichev*,
RAS corresp. member *A.V. Kuchin*, RAS corresp. member *Yu.B. Marin*, acad. *V.P. Matveenko*,
acad. *G.A. Mesyats*, RAS corresp. member *E.V. Pimenov*, Cand. Sci. (Geol. & Mineral.) *A.M. Plyakin*, RAS corresp.
member *V.N. Puchkov*, RAS corresp. member *I.M. Roshchevskaya*, acad. *M.P. Roshchevsky*,
Dr. Sci. (Chem.) *S.A. Rubtsova*, Dr. Sci. (Hist.) *E.A. Savelyeva*, Cand. Sci. (Hist.) *A.V. Samarin*,
RAS corresp. member *A.F. Titov*, acad. *V.N. Charushin*, Dr. Sci. (Tech.) *Yu.Ya. Chukreev*,
Dr. Sci. (Biol.) *E.V. Shamrikova*, acad. *V.S. Shatsky*, Dr. Sci. (Biol.) *D.N. Shmakov*,
Dr. Sci. (Tech.) *N.D. Tskhadaya*

Editorial Office:

Office 317, Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +78212 241779 Fax +78212 242264
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection. The certificate of mass
media registration - ПИ № ФС 77-26969 dated 11
January, 2007

*The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific publications
of the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation*

СОДЕРЖАНИЕ

М.Г. Меерович, В.И. Меньковский, И.Л. Жеребцов. Дискуссия об «обобществленном быте»	5–16
А.М. Мурыгин. Некоторые вопросы освоения крайнего Северо-Востока европейской части России в эпоху железа по археологическим данным	17–23
В.Я. Шумкин. Хозяйственные и культурные доминанты разных сообществ Европейской Арктики	24–28
М.А. Мацук. Феодализм в Коми крае: структура и хронология.....	29–32
Д.В. Вишнякова. Половозрастная структура населения Коми края (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897г.)	33–41
Д.Г. Брагина. О явлениях тенгрианства в современной культуре якутов.....	42–46
Л.А. Максимова, И.В. Минин. Изучение истории репрессивной политики Советского государства 1930–1950-х гг. в Сыктывкарском государственном университете им. Питирима Сорокина	47–52
А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина. Новая мезолитическая индустрия в бассейне р.Ижма: стоянка Ухтинская	53–57
М.М. Шахнович. Александр Линевский и петроглифы Карелии: хроника 1926–1929 годов	58–68
Г.У. Ахметшина, С.К. Кабылтаева, И.Л. Жеребцов. Вклад архивов в развитие источниковой базы исторических исследований в Республике Казахстан в первые годы независимости (по материалам Национального архива Республики Казахстан)	69–74
И.И. Лейман. Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам "Вологодских губернских ведомостей" за 1838–1860 гг.)	75–82
РЕЦЕНЗИИ	83–87
ЮБИЛЕИ	88–91

C O N T E N T S

M.G.Meerovich, V.I.Men'kovsky, I.L.Zherebtsov. Discussion about socialization of everyday life	5–16
A.M.Murygin. Some issues of development of the Far North-East of the European part of Russia in the Iron Age according to archaeological data	17–23
V.Ya.Shumkin. Economic and cultural dominants of different communities in the European Arctic	24–28
M.A.Matsuk. Feudalism in the Komi region: structure and chronology	29–32
D.V.Vishnyakova. Gender and age structure of the population of the Komi region (based on the materials of the First General Population Census of the Russian Empire of 1897)	33–41
D.G.Bragina. On the phenomena of Tengri in modern Yakut culture	42–46
L.A.Maksimova, I.V.Minin. Studying the history of repressive policy of the soviet state in the 1930s–1950s in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University	47–52
A.V.Volokitin, N.A.Volokitina. New Mesolithic industry in the Izhma river basin: Ukhta site	53–57
M.M.Shakhnovich. Alexander Linevsky and petroglyphs of Karelia: chronicle of 1926–1929	58–68
G.U.Akhmetshina, S.K.Kabyldaeva, I.L.Zherebtsov. The contribution of archives to the development of the source base of historical research in the Republic of Kazakhstan in the first years of independence (on materials of the National Archive of the Republic of Kazakhstan)	68–74
I.I. Leyman. Charitable activities of provincial merchants in the middle of the XIX century (based on materials of the "Vologda Provincial Gazette" for 1838-1860)	75–82
REVIEWS.....	83–87
ANNIVERSARIES.....	88–91

УДК 930.2:332.82:330.342.151(47+57)
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-5-16

М.Г. МЕЕРОВИЧ*, В.И. МЕНЬКОВСКИЙ,
И.Л. ЖЕРЕБЦОВ*****

ДИСКУССИЯ ОБ «ОБОБЩСТВЛЕННОМ БЫТЕ»

**ФГБУВО «Иркутский национальный
исследовательский университет,
г. Иркутск*

***Белорусский государственный университет,
г. Минск*

****Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

*menkovski@bsu.by
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru*

M.G. MEEROVICH*, V.I. MEN'KOVSKY,
I.L. ZHEREBTSOV*****

DISCUSSION ABOUT SOCIALIZATION OF EVERYDAY LIFE

** Irkutsk National Research
Technical University,
Irkutsk*

*** Belarusian State University,
Minsk, Belarus*

****Institute of Language, Literature and
History, Federal Research Centre Komi
Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar*

Аннотация

В статье рассматриваются разрабатывавшиеся на рубеже 20-х и 30-х гг. XX в. планы организации «социалистического быта» в будущих «социалистических» городах, которые предполагалось создавать как новые промышленные центры, возводимые в рамках индустриализации Советского Союза. Отражена дискуссия об общественлении быта будущих соцгородов и показаны диаметрально-противоположные точки зрения на их пространственно-планировочное решение, территориальное структурирование.

Ключевые слова:

Л.Сабсович, обобществление быта, социалистический город, социалистическое расселение, индустриализация, Советский Союз, Коммунистическая академия, дискуссия

Abstract

The paper discusses the plans developed at the turn of the 1920s and 1930s of the XX century for organizing "socialist life" in future "socialist" cities that were supposed to be created as new industrial centers built as part of the industrialization of the Soviet Union, as well as gives a discussion concerning the works of L. Sabsovich, in which these plans were presented in a concentrated form. The authors believe that the total forced labor of the population of socialist new-build cities was introduced in order to make the "socialist way of life" in new-build cities more economical and cheaper than the "capitalist way of life". But this goal was not openly proclaimed. On the contrary, it hid behind ideological calls to "free women from domestic slavery – to liberate them", to free them from the need to run a "household", to free them "from the cares of raising small children"... It is this doctrine that has received the name "socialized life". "Socialized life", considered in the economic aspect, was interpreted as a serious way to reduce the cost of maintaining labor resources – to reduce the cost of daily maintenance of workers and employees, which was supposed to be assumed by the state. It was on the basis of such a "socialized" state of everyday life, that a new type of settlements – socialist cities were to be built in the USSR. In the discussion about socialization of the life of future social cities, diametrically opposite points of view on their spatial planning solution and territorial structuring were expressed. The organization of "socialized life" was largely determined by the way residents were placed: concentrated in new cities or dispersed, in individual "sleeping cabins" scattered across the country along transport communications.

Keywords:

L.Sabsovich, socialization of everyday life, socialist city, socialist settlement, industrialization, Soviet Union, Communist Academy, discussion

Светлой памяти Марка Мееровича

В статье, над которой авторы начали работать в 2018 г. и завершение которой надолго задержалось из-за скоростной смерти ее основного автора, замечательного ученого М.Г.Мееровича, рассматриваются разрабатывавшиеся на рубеже 20-х и 30-х гг. XX в. планы организации «социалистического быта» в будущих «социалистических» городах, которые предполагалось создавать как новые промышленные центры, возводимые в рамках индустриализации Советского Союза, а также дискуссия относительно работ Л.Сабсовича, в которых в концентрированном виде излагались эти планы. Авторы считают, что тотальная принудительная трудообязанность населения социалистических городов-новостроек вводилась для того, чтобы сделать «социалистический быт» в городах-новостройках более экономным, более дешевым, чем «быт капиталистический». Но эта цель не провозглашалась открыто. Наоборот, она пряталась за идеологическими призывами «освободить женщину от домашнего рабства – раскрепостить ее», «освободить от необходимости вести «домашнее хозяйство», «освободить «от забот по воспитанию маленьких детей»... Именно эта доктрина и получила наименование «обобществленный быт». «Обобществленный быт», рассматриваемый в экономической плоскости, трактовался как серьезный способ уменьшения расходов на содержание трудовых ресурсов – удешевить расходы на повседневное содержание рабочих и служащих, которые, предполагалось, возьмет на себя государство. Именно на основе подобного «обобществленного» государством повседневного быта, должны были строиться поселения нового типа в СССР – соцгорода. В дискуссии об обобществлении быта будущих соцгородов были высказаны диаметрально противоположные точки зрения на их пространственно-планировочное решение, территориальное структурирование. Организация «обобществленного быта» во многом определялась способом размещения жителей: концентрировано в новых городах или рассредоточено в индивидуальных «кабинах для сна», разбросанных по территории страны вдоль транспортных коммуникаций.

7 ноября 1928 г. в «Торгово-промышленной газете» появилась статья Леонида Сабсовича «Через 2530 лет после Октября» [1]. В ней он как сотрудник Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) обосновывал позицию этого государственного супер-органа, руководившего развитием всех отраслей производства, энергетики и транспорта, прямо или косвенно связанных с военно-промышленным производством. Начиная с декабря 1927 г. ВСНХ под руководством В.В. Куйбышева, в противостоянии с вариантом Госплана, разрабатывал свой собственный очередной план первой пятилетки.

Основной целью этого плана было приоритетное развитие тяжелой промышленности. Реали-

зуя позицию Сталина по ускоренному формированию военно-промышленного комплекса, ВСНХ намечал наиболее высокие темпы для черной, цветной металлургии, машиностроения, химической и строительной отраслей. В плане ВСНХ показатели роста тяжелой промышленности были непропорционально завышенные в сравнении с темпами развития других отраслей: легкой, мелкой местной, кустарной, ремесленной.

Госплан не соглашался с ВСНХ, доказывая, что его план, перетягивая ресурсы страны в пользу тяжелой промышленности, ущемляет и сдерживает развитие других отраслей производства и это с неизбежностью приведет к дефициту продуктов питания и сельскохозяйственного сырья, материалов для гражданского строительства, предметов повседневного пользования и проч. [1]. Несмотря на все возражения специалистов, политиков и отдельных представителей руководства страной, ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б) предписал увеличить показатели первого пятилетнего плана. Не согласный с этим Госплан для поддержки своей позиции в разработке сбалансированного пятилетнего плана созвал V съезд президиумов Госпланов, который проходил с 7 по 14 марта 1929 г. В целом съезд высоко оценил работу Госплана, признав его вариант научно и экономически обоснованным.

Книга Л. Сабсовича под названием «Советский Союз через 15 лет», рисовавшая радужные перспективы воплощения плана ВСНХ, была опубликована в марте 1929 г. Скорее всего, ее издание было специально приурочено к съезду президиумов Госпланов, как «визуализация» аргументов в пользу позиции ВСНХ.

29 апреля 1929 г. состоялась XVI партконференция, которая под названием «Пятилетний народнохозяйственный план на период 1928/29–1932/33 гг.» утвердила сталинский план «ускоренной» индустриализации, названный «оптимальным» [1]. А в августе 1929 г., после доклада В. Куйбышева на Президиуме ВСНХ СССР, план был еще раз пересмотрен в сторону повышения.

Публицистическая деятельность Л. Сабсовича всецело предопределялась его причастностью к ВСНХ и была напрямую связана с борьбой И. Сталина за интенсификацию планов пятилетки. В частности, книга «Советский Союз через 15 лет» опубликована в самый разгар борьбы между сталинской группой в Политбюро и «правой оппозицией», т. е. группой Рыкова и, безусловно, усиливала позицию В. Куйбышева, а тем самым И. Сталина и стоявшей за ним группы членов Политбюро.

В частности, именно этим можно объяснить то, что почти сразу в том же 1929 г., вслед за первым изданием книги, последовали еще два, причем все более увеличивавшимся тиражом: 13 тыс., а затем и 30 тыс. экземпляров. В том же 1929 г. вышла книга Л. Сабсовича «Города будущего и организация социалистического быта», которая являлась докладом, сделанным Л. Сабсовичем 11 июля 1929 г. на заседании индустриально-технической и социально-культурной секции ВАРНИТСО (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для

содействия социалистическому строительству) [2]. В 1930 г. появляются еще две книги – «Советский Союз через 10 лет» и «Социалистические города», в которых автор рисует фантастическую картину будущего процветания Советского Союза при условии выполнения сталинских планов ускоренной индустриализации.

Л. Сабсович не был архитектором, он был экономистом, и как экономист проектировал такие процессы формирования поселений, которые обеспечивали минимизацию расходов по возведению и эксплуатации, давали бы как можно большую экономию затрат на размещение и обеспечение трудовых ресурсов всем необходимым. Он предлагал принять оптимальную численность населения таких городов-новостроек в количестве 50 тыс. чел., выводя эти цифры из мощностей промышленных предприятий, запланированных к строительству в первой пятилетке. Забегая вперед, следует заметить, что постоянное увеличение плановых показателей развития тяжелой промышленности, закладываемых в программу ускоренной индустриализации, вызывало изменение расчетных предложений Л. Сабсовича, поскольку приводило к росту мощностей градообразующих предприятий, т.е. тех, для обслуживания которых трудовыми ресурсами и возводились поселения-новостройки. Как следствие, это приводило к стремительному стихийному росту потребности возводимых фабрик и заводов в количестве рабочей силы, повсеместно превращая рабочие поселки, первоначально запроектированные на 10–15 тыс. чел., и сабсовичевские «оптимальные» соцгорода, рассчитанные максимум на 50 тыс. чел., в бескрайние поля барачной застройки, вмещавшей 100–200–300 и более тысяч человек.

В условиях жесточайшего жилищного кризиса в стране, при котором обеспеченность населения жилищем оценивалась в 4–6 кв.м на человека, Л. Сабсович обещал увеличение роста жилого фонда в 20 раз за 15 лет. В качестве основного средства снижения затрат на повседневное существование рабочих и членов их семей он предлагал вводить повсеместное трудоустройство всех работоспособных членов семьи – подростков, женщин. Поскольку «использование женщин наравне с мужчинами в качестве полного работника в общественно-обязательном труде» [3], включение их в обязательное трудоустройство в качестве фабрично-заводских рабочих позволяло в два раза сократить нормативную численность жителей поселка. Например, если по расчету промышленному предприятию требовалось 5 тыс. рабочих-мужчин и соответственно нужно было построить 5 тыс. квартир для размещения их семей; то в том в случае, когда женщины включались в труд наравне с мужчинами, для заполнения рабочих мест на заводе требовалось 2500 рабочих мужчин, потому что остальными 2500 работниками становились их жены. Получалось, что для той же общей расчетной численности рабочих нужно было возводить в два раза меньше квартир. Как следствие, подобное решение позволяло в общегосударственном масштабе почти вдвое сократить средства, направляемые на жилищное строительство.

Эти расчеты не были мечтательной фантазией сотрудника ВСНХ. Они явились прямым следствием серии решений руководства СССР о всеобщем трудоустройстве населения. Так, 15 июня 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об очередных задачах партии по работе среди рабочих и крестьянок», которое предписывало в общегосударственном масштабе обязательное включение женского труда в реализацию программы индустриализации. Причем в тех отраслях, в которых ранее женский труд не использовался: «При проведении плана применения женской рабочей силы ЦК предлагает исходить из: а) Увеличения применения женского труда в тяжелой промышленности, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т. д.); <...> в) Максимального заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности; г) Максимального расширения применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, вожатые, шоферы и т. д.); д) Расширения применения постоянного труда с.-х. работниц и батрачек в совхозах и плантациях ...»[4]. Тотальное вовлечение женской части трудоспособного населения в реализацию программы индустриализации выдвигало задачу освободить ее от необходимости растить и воспитывать детей. Отсюда романтические повествования Сабсовича о том счастливом времени препровождении, которое дети обретут в круглосуточных детских комбинатах – «домах ребенка».

Тотальная принудительная трудообязанность населения соцгородов-новостроек вводилась для того, чтобы сделать «социалистический быт» в городах-новостройках более экономным, более дешевым, чем «быт капиталистический». Но эта цель не провозглашалась открыто. Наоборот, она пряталась за идеологическими призывами «освободить женщину от домашнего рабства – раскрепостить ее», освободить от необходимости вести «домашнее хозяйство», освободить «от забот по воспитанию маленьких детей»... Именно эта доктрина и получила наименование «обобществленный быт».

Уничтожение индивидуального домашнего хозяйства, «освобождение» женщины от воспитания детей, отказ от домашнего питания и прочие концептуальные предложения влекли за собой требование замены всех традиционных функций нормального жилья новыми формами «общественного обслуживания потребностей трудящихся». Этот процесс маскировочно прикрывался идеологической пропагандой «нового образа жизни», призванного заменить старый – «мелкобуржуазный». Все функции городского образа жизни население должно было получать по месту работы или в городе: личная гигиена (душ и бани на производстве); приготовление пищи (приготовление пищи в государственных «фабриках-кухнях»); питание (получение еды в общественных городских столовых или столовых при предприятиях и советских учреждениях); культурные мероприятия (коллективные походы в

театр, на выставки и демонстрации), клубные формы досуга, спорт, обрядность (спортивные соревнования среди заводских бригад, коллективное чтение газет и прослушивание радио, замена церковного венчания на комсомольские свадьбы, дореволюционных крестин – на советские «звездины» и «октябрины» и т.п.); воспитание детей до трудоспособного возраста (в специальных детских учреждениях) и проч. [3].

«Обобществленный быт», рассматриваемый в экономической плоскости, трактовался как серьезный способ уменьшения расходов на содержание трудовых ресурсов – удешевить расходы на повседневное содержание рабочих и служащих, которые, предполагалось, возьмет на себя государство. Именно на основе подобного «обобществленного» государством повседневного быта, должны были, по мнению Л. Сабсовича, строиться поселения нового типа в СССР – соцгорода: «В социалистических поселениях ... полное обобществление питания почти совершенно уничтожит индивидуальное распределение пищевых товаров, которые в нынешней торговле занимают весьма важное место. Обобществление жилищ изымет из индивидуального распределения почти все предметы, относящиеся к группе мебельных товаров. Весьма вероятно, что в эту группу попадет и постельное белье, которое, как и мебель, будет являться принадлежностью комнат, предоставляемых трудящимся для жилья (как это делается в нынешних гостиницах или санаториях). Изъяты будут из индивидуального распределения и все посудные товары, которые будут являться принадлежностью общественных столовых. То же самое относится и к многочисленным предметам обихода, как-то: ведра, топоры, утюги, гвозди, лампы, дрова, керосин и т. п... Благодаря такому обобществлению быта, на долю индивидуального распределения останется сравнительно небольшое количество изделий промышленности, преимущественно готовая одежда, белье, обувь, мелкие предметы индивидуального обихода (галантерея и пр.), такие предметы, как фотографические аппараты, деликатесы и пр... государственный распределительный аппарат будет иметь целью обслуживание главным образом обобществленного удовлетворения потребностей населения социалистических поселений (снабжение всем необходимым жилых домов, фабрик, кухонь, столовых, библиотек и т. д.)» [3, с. 42–44].

«Обобществленный быт» в такой трактовке означал заведомый отказ от строительства квартирного жилья и замену его коммунальным, т. е. общежитиями, где ведение домашнего хозяйства и традиционная семейная жизнь становились невозможными [2].

Государственное изъятие функций повседневности, присущее капитализму (торговля, ремесленничество, предпринимательство в сфере услуг и сервисов, частный транспорт и проч.), и тотальная замена их государственным распределением тех «благ», которые руководство страной считало нужным предоставлять населению (с полным запретом производить все недостающее са-

мостоятельно), составляли основу идеи «обобществленного быта».

«Обобществленный быт» был одной из мер экономии средств, затрачиваемых на содержание контингентов принудительного труда, сформированных из заключенных и вольной части трудовых ресурсов, используемых на стройках пятилетки, что позволяло перераспределять планируемые затраты, делая дополнительные вложения в промышленное строительство. Тексты, подобные книгам Л. Сабсовича, рисовавшие картины светлого будущего, были остро востребованы властью в качестве средства пропаганды как на внутреннем идеологическом пространстве, так и во внешнем. Именно поэтому в 1930 г. книга «Социалистические города» была переведена и издана в Париже на французском языке.

Публичные выступления, а также статьи и книги Л. Сабсовича, обосновывавшие необходимость перекоса программы индустриализации в сторону приоритетного развития тяжелой промышленности (военно-промышленного комплекса) и, соответственно, доказывавшие целесообразность принятия ускоренного плана ее реализации, именовавшегося «оптимальным», которую разрабатывал и продвигал к утверждению ВСНХ, вызвали ответную реакцию госплановских разработчиков, отстаивавших иной, сбалансированный план, именовавшийся «отправным».

Собственно Госплан и инициировал проведение рабочего совещания по обсуждению содержания книг, статей и выступлений Л. Сабсовича, прошедшее 26 октября 1929 г., которое можно считать началом широкомасштабной дискуссии о соцрасселении [5]. К этому обсуждению незамедлительно подключилась Коммунистическая академия ЦК ВКП (б) – прародительница современной Российской академии наук. В это время (и далее, вплоть до 1936 г.) Коммунистическая академия являлась главным государственным научным учебным органом по общественным и естественным наукам. Основана она была Декретом ВЦИК РСФСР от 25 июня 1918 г. под названием «Социалистическая академия общественных наук»; в апреле 1924 г. переименована в «Коммунистическую академию»; а со 2 февраля 1936 г. «в целях объединения в одном государственном научном центре ведущих деятелей науки», институты и сотрудники Комкадемии будут введены в состав Академии наук СССР [6].

По инициативе руководства Комкадемии 31 октября 1929 г. в ее помещениях прошло заседание, посвященное докладу М. Охитовича – главного оппонента Л. Сабсовича (доклад был сделан Охитовичем здесь же – в Кооперативной секции Комкадемии 1 октября – за месяц до заседания 31 октября [7]). М. Охитович сотрудничал с Объединением современных архитекторов (ОСА) и поэтому свою «антисабсовичевскую» позицию зафиксировал, прежде всего, на страницах журнала «Современная архитектура», издававшегося ОСА, в статье «К проблеме города» [8]. Следующее заседание, посвященное дискуссии о соцрасселении, проходило также в стенах Комкадемии через несколько

дней – 6 ноября 1929 г. [9]. А следующие два были проведены в Госплане СССР (26 и 29 ноября 1929 г.) [5], а затем еще два снова в Комакадемии (20 и 21 мая 1930 г.) [10].

Дискуссия не исчерпывалась только публичными обсуждениями – в ходе ее делались и отдельные тематические доклады. Так, например, 22 февраля 1930 г. в помещении Комакадемии выступал с докладом о коллективизации быта один из активных участников дискуссии Ю. Ларин. Позднее содержание доклада было изложено им в статье «Коллективизация быта в существующих городах» [11]. В дискуссии участвовали многие известные государственные и общественные деятели, ученые и архитекторы. Одно лишь заседание в мае 1930 г. в Комакадемии собрало более чем тысячную аудиторию [11, с. 109].

В специальной архитектуроведческой литературе «дискуссия о социалистическом расселении» обычно трактуется как спор между «урбанистами» и «дезурбанистами». Такая трактовка дает понятную градостроительную формулу, способствующую систематизации позиций участников дискуссии, но не позволяет вскрыть существо проблемы, лежащей в основании, длившихся почти год, бурных обсуждений концепции соцгорода и стратегии соцрасселения. Во всяком случае, суть проблемы социалистических городов, как ее понимали и ставили основные участники дискуссии, не исчерпывалась вопросом о плотности или композиции структуры расселения, хотя за Л. Сабсовичем прочно закрепилось определение «урбаниста», а М. Охитовичем – «дезурбаниста» [12].

Основным утверждением, которое в ходе дискуссии не оспаривал практически никто, было то, что «новые поселения» должны быть совершенно иного вида, нежели существующие [3, с.22]; что они призваны заменить старые города, которые должны быть уничтожены [13] и воплотить новые формы организации производства, быта, общественного обслуживания, отдыха, досуга, воспитания детей, профессионально-технической подготовки подрастающего поколения и проч. в особых формах: «обобщественного жилья», «обобщественного питания», «обобщественного воспитания» и т.п.

Для участников дискуссии было очевидным, что старые города, несоизмеримо сложнее реформировать под новые формы жизни, нежели изначально возводить города-новостройки в соответствии с новыми концептуальными постулатами. Поэтому в ходе дискуссии основное внимание обращалось на принципы проектирования новых поселений. В отношении же старых практически всеми участниками дискуссии однозначно фиксировалось, что они должны быть реконструированы «...под углом зрения возможного их переустройства на социалистических началах» и разукрупнены, т.е. часть промышленности и часть населения из них должны быть перемещены на новые места [14]. Эта позиция полностью соответствовала установкам Госплана, зафиксированным в программном документе: «Перспективы развертывания народного хозяйства на 1926/27–1930/31 гг.»: «Стихийное притяжение к се-

бе крупных городских центров неизбежно будет вести к дальнейшему скоплению населения в немногих, наиболее перепруженных и перенаселенных городах-левиафанах. Плановый подход требует от нас решительного противодействия этой стихии. Мы должны планировать не дальнейший гиперτροφический рост немногих центров, а децентрализацию и возможно равномерное распределение новых промышленных поселений по всей стране» [15]. Как следствие, участники дискуссии безоговорочно разделяли призыв к тому, что «... социалистическая реконструкция существующих городов СССР (Москва, Ленинград, Харьков и т.д.) ... должна заключаться в систематическом, но экономически безболезненном выводе из городов по мере истечения амортизационных сроков промышленных предприятий, научных институтов, вузов, лабораторий, которые не связаны сырьевой базой или рынком потребления с этими городами. С другой, должно быть прекращено всякое жилищное строительство внутри этих городов и всячески должно проводиться обезлесение всех свободных и освобождающихся частей их. И наконец, уменьшившаяся в связи с этим потребность в новом жилье должна быть удовлетворена вне городской черты ...» [16].

Кстати, тезис о равномерности соцрасселения и «равномерности распределения социалистического жилища» разделяли как урбанисты, так и дезурбанисты [8]. О неразрывной связи новой системы расселения с равномерным размещением новых производств говорили и многие другие участники дискуссии – А.Зеленко, Г. Пузис, Ц. Рысс, П. Кожаный, Н. Милютин и др. [13]. В частности, Н. Милютин, открывший своим докладом заключительный (20–21 мая 1930 г.) диспут о планировке социалистических городов, прямо заявлял о том, что новое жилищное строительство это, прежде всего, «следствие» промышленного строительства и осуществляться оно будет в полном соответствии с планом индустриализации [17].

Вопрос равномерного распределения населения по территории страны имел, условно говоря, свои ограничения. Так, например, практически все участники разделяли тезис о том, что возводимая промышленность и обслуживающее ее население должны быть равномерно распределены по территории страны. А вот предложение о равномерном размещении на территории страны индивидуального жилища и об автономном, а не коллективном проживании людей в нем, встречал резкую критику, так как противоречил основополагающим принципам марксистской теории, рассматривавшей концентрированное сосредоточение пролетариата, как базовый принцип организационно-управленческой стратегии партии.

В полном соответствии с принципами промышленного районирования, разработанными Госпланом и безоговорочно принятыми ВСНХ, как незыблемое основание для пространственной стратегии размещения новых производств, Л. Сабсович рассматривал размещение новых промышленных предприятий как не зависящее от существовавших

транспортных путей. Он трактовал формирование новой транспортной сети как производную от размещения новых производств, предлагая формировать ее как максимально плотную, создающую связность промышленных предприятий друг с другом и с аграрными зонами в любых местах. Кстати, с этими предложениями соглашались и многие оппоненты Л. Сабсовича, считавшие наличие развитой транспортной сети обязательным условием формирования любого, в том числе и линейного расселения [18].

Ни урбанисты, ни дезурбанисты не видели никакой альтернативы политике соцрасселения, осуществлявшейся властью. Ни те, ни другие не возражали против скорейшего возведения добывающих сырье и перерабатывающих предприятий, тепловых и электрических станций, ускоренного строительства железных и автомобильных дорог и т. п. Никто из них не сомневался в необходимости возведения около новых фабрик и заводов соцгородов и соцпоселков, концентрирующих необходимые этим фабрикам и заводам трудовые ресурсы. Никто не оспаривал планы массового вовлечения в производительный труд женщин и подростков. А в некоторых основополагающих принципах, например, в вопросе о равномерности соцрасселения и «равномерности социалистического жилища», о необходимости «селитебного обслуживания» программы индустриализации, концептуальные предложения урбанистов и дезурбанистов совпадали полностью [19].

Следует заметить, что сами участники дискуссии отдавали себе отчет в том, что позиции урбанистов и дезурбанистов различались по вопросам, которые не являлись принципиальными для социалистической расселенческо-градостроительной доктрины. Они указывали на то, что «совершенно неверно пытаться противопоставить урбанистов и дезурбанистов ...» [20]. Об этом, в частности, говорил Н. Милютин на последнем диспуте в Комкадемии 20–21 мая 1930 г.: «...проблемы урбанизма или дезурбанизма не существует, как и не стоит проблемы строительства так называемых зеленых городов и городов-садов» [21].

То, что объединяло позиции урбанистов и дезурбанистов при всех расхождениях их профессиональных взглядов и творческих позиций, оказывалось несоизмеримо более глубоким и значимым в отношении государственной расселенческой политики, нежели моменты разногласий, которые, безусловно, были, но относились к второстепенным аспектам урбанистического обеспечения индустриализации, а не к основополагающим постулатам социально-политического, административно-управленческого, социально-пространственного реформирования страны, начавшего реализовываться со стартом первой пятилетки.

Так, в подготовленной в конце 1929 – начале 1930 г. редакционной статье журнала «Современная архитектура» члены редколлегии – урбанисты открыто характеризовали совпадение своей позиции с позицией других членов редколлегии, их оппонентов – дезурбанистов. Урбанисты особо под-

черкивали тот факт, что они, как и дезурбанисты, «разделяют общие предпосылки теории социалистического расселения»: «Для нас, как и для дезурбанистов, не подлежит сомнению: 1) что способ общественного производства определяет формы общественного расселения и что, следовательно, новому социалистическому производству должно соответствовать в итоге новое социалистическое расселение; 2) что осуществление социализма означает уничтожение "кретинизма деревенской жизни" (К. Маркс) и "утонченностей" специфически городской, "столичной", "асфальтовой культуры", культуры скученных, лишенных природы людей, означает уничтожение противоположности между "городом" и "деревней"; 3) что осуществление социализма означает более или менее равномерное распределение высокой культуры по всей территории страны и что, следовательно, в процессе социалистического строительства желательно планомерно проводить постепенную децентрализацию элементов, сосредоточенных в "мировых городах" – децентрализацию промышленности, высшей школы, административно-управленческого и хозяйственного аппарата и т. д., подымая культуру "деревни" до уровня "столицы"; 4) что осуществление социализма ведет к максимальному развитию и творческому росту каждой отдельной личности в коллективе и, следовательно, проектируя жилище, необходимо предусмотреть в нем необходимый максимум пространственных возможностей для личного культурного досуга, остающегося после общественной жизни, для развернутых личных способностей и удовлетворения личных потребностей ...» [22].

При этом урбанисты, конечно же, оговаривали принципиальное отличие своих представлений от предложений дезурбанистов: «Мы выступаем против конкретных проектов дезурбанистов, предлагающих как систему расселения, рассеяние индивидуальных домиков ... Мы выступаем против перепрыгивания через реальные условия Мы выступаем против сквозящего в проектах дезурбанистов фетишизирования природы ...» [22]. Но, при всех отличиях, как мы видим, убеждения урбанистов и дезурбанистов совпадали в главном – в согласии с провозглашенными властью, основополагающими принципами осуществления социалистического расселения [23]. После закрытия дискуссии и официального осуждения (в постановлении «О работе по перестройке быта», принятом 16 мая, опубликованном 29 мая 1930 г.), именно это содержание осталось неизменным и определявшим дальнейшее развитие советской архитектурно-градостроительной теории и практики. В последующие годы именно это содержание составило суть воплощения советской доктрины расселения и государственной градостроительной и жилищной политики.

При этом власть, принимая за основу расселенческой и архитектурно-градостроительной политики то общее, что объединяло урбанистов и дезурбанистов, делала это вовсе не из желания справедливо разрешить их спор или найти устраивавший все стороны компромисс. Это было ей в высшей степени безразлично. Какое бы решение не

было принято властью, она была уверена, что обязательно найдется способ принудить всех исполнять это решение вне зависимости от характера личных или групповых профессиональных воззрений. Предложения и урбанистов, и дезурбанистов были отвергнуты высшим партийным распоряжением. Прежде всего, потому что, несмотря на совпадение профессиональной терминологии, используемой архитекторами, с принятой в тот период политической риторикой, употребляемой представителями партийно-государственных органов, смыслы, вкладывавшиеся в одни и те же слова: «децентрализация», «равномерное распределение населения», «культурное обслуживание», «новые формы быта», «связь с промышленностью» и т. п., с одной стороны, разработчиками плана индустриализации, а с другой, проектировщиками-градостроителями, абсолютно не совпадали.

Идея равномерного распределения населения по территории страны, доведенная до своего логического градостроительного воплощения в виде системы равномерно рассредоточенных стационарных индивидуальных жилищ или мобильных домов, свободно перемещаемых их владельцами по территории страны, была революционной по отношению ко всей предшествовавшей градостроительной теории и практике, но она не отвечала положениям марксистско-ленинской доктрины об «организующей и направляющей роли пролетариата», концентрируемого в пролетарских центрах. Поэтому в ходе дискуссии предельно четко и однозначно было сформулировано требование: «Все разговоры о "дезурбанизации", воспроизводящие настроение буржуазии, боящейся скопления пролетариата, толстовская ненависть к большим городам, должны быть откинута» [24].

Власть, провозглашая принципы равномерного распределения объектов индустрии по территории страны и создавая «законы» формирования поселений при них, не отрицала возможности концентрации пролетариата вокруг промышленных предприятий. Напротив, она стремилась к этому, так как подобная концентрация являлась условием осуществления диктатуры пролетариата, основой административного членения территории страны, при котором новые населенные пункты (социалистические города) становились «пролетарскими центрами», распространявшими свое влияние на непролетарское (сельскохозяйственное) население прилегающих местностей.

Градостроительная «дезурбанизация» и политическое «равномерное распределение населения по территории страны» по смыслу, вкладываемому в эти слова архитекторами и политиками, оказывались далеко не одним и тем же. Реализуя требование равномерного размещения промышленности по территории страны, власть не могла и не желала отказываться от концентрации производственных сил, наоборот, она стремилась к объединению пролетарских масс в «административно-политические ядра» – «опорные пункты диктатуры пролетариата» [24], так как не способна была опираться на разобщенные пролетарские элементы, не

умела руководить рассредоточенными человеческими массами. Поэтому постулаты дезурбанистов о «рассеянии населения» однозначно и жестко трактовались партийным руководством страной, как призывы «к распылению организованных пролетарских кадров, обессиливающих их в настоящий момент в борьбе с мелкобуржуазным окружением» [25].

Власть считала стратегически правильным перемещение промышленности в осваиваемые сырьевые регионы – тем самым она сводила к минимуму транспортные издержки на перевозку сырья, колонизировала территории, формировала рассредоточенную, более неуязвимую для противника структуру предприятий военно-промышленного комплекса, отрывала от земли и «опролетаривала» значительные массы крестьянства.

В сравнении с этой стратегией, неверными оказывались и предложения архитекторов-урбанистов, которые в качестве главных центров индустриального развития страны рассматривали существовавшие города, так как в них функции государственного управления в структуре централизованной власти были уже сформированы. Неверными оказывались и предложения архитекторов-дезурбанистов об отказе от городов вообще и переходе к совершенно иному – рассредоточенному способу расселения.

В итоге получалось, что логически выстроенные и последовательно сформированные советскими архитекторами-теоретиками градостроительные идеи как урбанизации, так и дезурбанизации, а также концептуальные предложения в отношении существовавших и будущих городов, публично высказанные ими в дискуссии о соцрасселении, одинаково не отвечали уже полностью сформировавшейся к этому времени административно-управленческой, промышленно-индустриальной и расселенческой стратегиям власти. Тезисы о разукрупнении городов, о концентрации населения понимались теоретиками-градостроителями с одной стороны, и партийно-государственными органами, с другой, совершенно по-разному. Подобное рассогласование концептуальных предложений, теоретических моделей, проектных подходов, предлагавшихся участниками дискуссии, с той политической направленностью общегосударственных планов и программ, которые формировались в Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б), СНК, Президиуме ВЦИК, Госплана, СТО, ЭКОСО, наркоматах, было недопустимым. Прежде всего, с точки зрения механизма функционирования единой централизованной машины тоталитарного управления государством, издававшей свои приказы и плановые задания для немедленного и безоговорочного их исполнения, а не для обсуждения.

Именно поэтому власть, в конечном счете, категорически запретила дальнейшее развитие в рамках советской градостроительной теории как позиций «урбанизма», так и «дезурбанизма», какими бы целостными, логически завершенными и последовательно выстроенными с точки зрения, собственно, градостроительства они не являлись. Но при этом сама предельно парадоксальным как

это может показаться на первый взгляд образом, призывала одновременно и к дезурбанизации (равномерному распределению промышленности), и к урбанизации (концентрации пролетариата в новых поселениях).

Почти за год до публичной дискуссии о соцрасселении, фактически, все основные положения концепции соцрасселения были не только интеллектуально проработаны, но и законодательно зафиксированы. Там, «наверху», все уже было давно решено: сверстаны списки объектов ВПК; распределен бюджет на индустриальное строительство, определена потребность в трудовых ресурсах, намечены планы ее доставки на новостройки; под эту численность выделены финансовые и материальные средства, предназначенные для возведения временного примитивного жилища для основной части населения и капитального (деревянного и каменного) – для руководства; сформулированы нормативные представления о распланировке соцпоселения; проектно разработана типология жилья и т.п. И вдруг выяснилось, что где-то там «внизу», в широких массах архитекторов, экономистов, транспортников, планировщиков, эконом-географов, партийных деятелей среднего звена, в рядах профсоюзной общественности, рабочих и служащих; причем, с активным участием официальной прессы – государственных газет и даже партийных журналов, через книги и брошюры, издаваемые государственными издательствами, по всей стране распространяется совершенно иная «картина ближайшего будущего». Картина, формирующая неверные ожидания населения, опасные в будущем совершенно непредсказуемой негативной реакцией на несбывшиеся мечты.

Публичная дискуссия о соцрасселении, таким образом, оказалась не просто сильно запоздавшей и поэтому бесполезной, но и резко деструктивной в отношении к уже принятым партийно-государственным решениям и именно поэтому крайне вредной для реализации той политики, которая в этот период уже последовательно и неуклонно практически осуществлялась властью. Вредной, прежде всего тем, что отвлекала архитекторов и планировщиков от решения конкретных, текущих проектных задач, поставленных перед ними с началом индустриализации. Власти было нужно, чтобы архитекторы не спорили о том, какую стратегию градостроительного развития страны следует избрать, а безоговорочно воплощали ту, которую предписывала осуществлять власть. Диспутировать было уже не о чем. Нужно было воплощать в чертежах и сметах спускаемые свыше постановления, инструкции, приказы и распоряжения. Именно поэтому высшее руководство страной решительно остановило дискуссию.

Следует заметить, что к началу 1930-х гг., наряду с позициями урбанистов и дезурбанистов, оказалась законодательно запрещенной и идея города-сада. Госплан разработал проект базовых положений о строительстве новых городов, в которых предписывал в качестве основного типа застройки применять исключительно многоквартирное, много-

этажное жилище: «при планировании строительства городов ... избегать ... рассыпного характера стройки в виде мелких домов, разбросанных на большой территории», «строить жилые здания в 3–4 этажа (не больше пяти) на несколько сотен жителей» [26].

Участники дискуссии об обобществлении быта и соцрасселении, прежде всего, стремились дать ответы на вопросы о том, каким должен быть «социалистический город» в пространственно-планировочном отношении: как он должен быть территориально структурирован; на какие составные части расчленен; по какому принципу должны соотноситься друг с другом различные его планировочные элементы; какую «пространственно-композиционную» роль по отношению к селитьбе призвана играть промышленность, т.е. как соцгород должен планироваться, рассчитываться, проектироваться и т. д.

Позицию некоторых участников дискуссии о соцрасселении предопределяло то жесткое размежевание социалистического и капиталистического городов, которое было проделано классиками марксизма. В частности, резкой критике подвергался мелкобуржуазный индивидуалистический быт – индивидуальные квартиры – «апология индивидуалистически-семейного быта», «долой коттеджи» [26, с.14]. В соответствии с партийно-мобилизационной стратегией соцгород трактовался как центр, не только «формирующий коллективное производство», но и «организующий коллективную жизнь», являющийся «организационно-территориальным выражением мощного расцвета новой общественной формации» [26, с.11].

При этом в дискуссии была представлена и противоположная точка зрения – «даешь коттеджи». Она основывалась на том, что строительство малоэтажного жилища, во-первых, являлось более экономичным в противоположность существовавшим мифам о его дороговизне и якобы дешевизне многоэтажного строительства [13, с.343].

Во-вторых, возведение малоэтажного жилища позволяло «проскочить» переходный период к тому состоянию стройиндустрии, которое позволит возводить дома будущего: «Правильно ли строить города и дома, рассчитанные на многие десятки лет, если знать, что очень скоро современное строительство ... будет обречено на уничтожение динамитом» [13, с.343].

В-третьих, обеспечивало повышенную обороноспособность (по причине рассредоточенности и легкой разборки завалов): «...мелкоэтажное строительство и децентричное расселение имеют огромнейшую обороноспособность и нам в ожидании грядущих боев с капитализмом этого не следует забывать» [13, с.343].

В-четвертых, позволяло широко вводить стандартизацию, унификацию и обеспечивать быстроту и легкость сборки: «Необходимо решительно перейти на производство передвижных, сборных, стандартных одно- и двухэтажных массового производства жилищ...» [13, с.342]. Оно, хотя и не способствовало «обобществлению», но «в наших пока тяжелых условиях» позволяло избежать отвращения к

идее коллективного проживания – «практика же говорит о том..., что большие дома с множеством жильцов не улучшают общественные настроения живущих» [13, с.343].

Идея города-сада (тесно связанная с индивидуальным жилищем), несмотря на то, что к этому времени она была уже всесторонне раскритикована с марксистско-ленинских позиций, также оказалась до конца не забытой и некоторые участники дискуссии пытались вернуть ее в теоретическую действительность будущего расселения: «... реакционная идея города-сада реакционна лишь в капиталистических условиях и соответственно преобразованная, может оказаться полезной для дела революции» [13, с.343].

Концептуальные представления о соцгороде основывались на идее «искусственно-технической» организации процессов функционирования поселений. «Труд», «быт», «отдых» в них должны были быть организуемы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов так, чтобы сформировать новые типы межличностных отношений и исключить любые неконтролируемые процессы жизнедеятельности [13, с.343].

В дискуссии о соцрасселении столкнулись две точки зрения на то, как следует размещать новое население: концентрировано в новых городах или рассредоточено в индивидуальных «кабинах для сна», разбросанных по территории страны вдоль транспортных коммуникаций. При этом вопросы: откуда возьмется это «новое» население, для чего его нужно перемещать по территории страны, почему оно обязательно должно хотеть перемещаться туда, куда ему прикажут и как поступать с теми, кто никуда переселяться не желает, никем из представителей этих точек зрения не обсуждались. Предложения урбанистов и дезурбанистов не касались основополагающих принципов государственной политики расселения, не критиковали и никак не оспаривали ее. Они лишь обосновывали те или иные предложения о конкретной направленности ее урбанистического (архитектурного и градостроительного) воплощения.

Реализуя план индустриализации, партийно-государственное руководство страной приняло решение создавать новые населенные пункты – соцгорода – таким образом, чтобы они были изначально в значительно большей степени, нежели старые, приспособлены к задачам социального управления: а) содержали точно рассчитанное, искусственно пополняемое количество населения; б) включали предписываемые свыше типы жилищ; в) основывались на конкретных планировочных структурах; г) включали конкретный список объектов обслуживания; д) удерживали фиксированный социально-профессиональный состав населения и проч.

Существовавшие города к выполнению этих задач были абсолютно не приспособлены. Именно поэтому советская власть, в полном соответствии с призывами участников дискуссии (но вовсе не потому, что прислушивалась к их рекомендациям), отказывалась опираться на существовавшие поселения в достижении своих планов и готова была

разукрупнять старые города, рассредоточивать и даже разрушать, передавая их функции городам-новостройкам. Только неспособность справиться с существовавшим дефицитом жилья не позволяла осуществить эту цель практически. Поэтому в рамках стратегии пространственного освоения территории страны, в ходе реализации плана индустриализации и осуществления обеспечивавшей его расселенческой программы, советская власть отводила существовавшим крупным городам временную роль своеобразных «перевалочных пунктов», предназначение которых состояло в том, чтобы принимать «раскрестяненное крестьянство», опролетаривать его, включая в трудо-бытовые коллективы существующих промышленных предприятий, а затем в организованном виде направлять в города-новостройки – в создаваемые центры хозяйственного развития индустриально осваиваемых территорий.

Литература

1. *Рогачевская Л.С.* Как составлялся план первой пятилетки // Альманах «Восток». 2005. № 3 (27). URL.: http://www.situation.ru/app/j_art_692.htm (дата обращения: 25.05.2018)
2. *Хмельницкий Д.* Леонид Сабсович или кто придумал обобществление быта? URL.: https://www.academia.edu/35577651/ЛЕОНИД_САБСОВИЧ_или_КТО_ПРИДУМАЛ_ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ_БЫТА (дата обращения 25.01.2018).
3. *Сабсович Л. М.* Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929. С. 28–29.
4. *Постановление ЦК ВКП(б)* «Об очередных задачах партии по работе среди рабочих и крестьянок» от 15 июня 1929 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 4. М., 1983. С. 515.
5. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. С. 105.
6. *Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.): Сборник документов и материалов / Сост.: Э. С. Кузьмина, Е. И. Олиферовская, А. Д. Тупицына.* Челябинск: Юж. Урал. кн. изд-во, 1965. С. 137.
7. *Охитович М.* Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36. С. 334–338.
8. *Охитович М.* К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.
9. *Гинзбург М.* Социалистическая реконструкция существующих городов // Революция и культура. 1930. № 1. С. 50–53.
10. *К проблеме соцгорода* // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 109.
11. *Ларин Ю.* Коллективизация быта в существующих городах // Революция и культура. 1930. № 7. С. 54–62.

12. *Верезубов И. К.* вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 15; *Пастернак А.* Споры о будущем города // Современная архитектура. 1930. № 1/2. С. 57–62; *Пузис Г.В.* Выступление // К проблеме строительства социалистического города. Дискуссия в клубе плановых работников им. Г.М.Кржижановского. М.: Плановое хозяйство, 1930. С. 39–43; *Милютин Н.А.* Соцгород. Проблема строительства социалистических городов // Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 83 с.; *Михайлов А.* ВОПРА-АСНОВА-САСС // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 48–54; *Яловкин Ф.* К вопросу о новом расселении // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 5–6 и др.
13. *Зеленко А. Х.* Проблема строительства социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 5–9; *Пузис Г.* Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36. С. 339–342; *Верезубов И.К.* Указ. соч. С. 14–16; *Заславский А.* Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 24–25; *Кожаный П.* Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья». М., 1929.
14. *Сабсович Л.М.* Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 3.
15. *Цит. по: Колычев А.* Город прошлого и будущего // Советское строительство. 1928. № 10 (27). С.38.
16. *На новом этапе. САСС.* Сектор архитекторов социалистического строительства: Тезисы // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 99–100.
17. *К проблеме планировки соцгорода.* Реферированная стенограмма // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 110–111.
18. *Охитович М.* К проблеме города... С. 134; *Рысс Ц.* Прения по докладу М. Охитовича... С. 342–343.
19. *Сабсович Л.М.* СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана построения социализма в СССР. М., 1929; *Охитович М.* К проблеме города.; *Охитович М.* Социалистический способ...
20. *Пузис Г.* О новом способе расселения // Революция и культура. 1930. № 7. С. 52.
21. *Вестник Коммунистической академии.* 1930. № 42. С. 110–111.
22. *Цит. по: Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда. М.: Стройиздат, 1996. С. 208.
23. *АСНОВА.* Ассоциация новых архитекторов // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 44–45; Декларация Всероссийского архитектурного научного общества при профсоюзе строителей // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 1; Декларация объединения архитекторов-урбанистов (АРУ) // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 19–20; Декларация объединения молодых архитекторов // Современная архитектура. 1928. № 1. С. 39; Декларация объединения пролетарских архитекторов // Строительство Москвы. 1929. № 8. С. 25–26; Декларация художественного объединения «Октябрь» // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 73–74; *Пузис Г.* О новом способе ... С. 46–53; *Михайлов А.* ВОПРА - АСНОВА - САСС. К вопросу об идейно-методологических разногласиях // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 73–77; *Мордвинов А.* ВОПРА. Всеобщее объединение пролетарских архитекторов // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 65–66; Программно-идеологическая установка сектора АСНОВА // Советская архитектура. 1931. №1–2. С. 46–47; САСС (Сектор архитекторов социалистического строительства). На новом этапе: Тезисы // Советская архитектура. 1931. №1–2. С. 99–102 и др.
24. *Крупская Н.* Города будущего // Комсомольская правда. 1929. 15 дек.
25. *Мордвинов А.* Строительство новых городов // Литература и искусство. 1930. № 1. С. 140.
26. *Хроника строительства* // Строительство Москвы. 1930. № 11. С. 40.

References

1. *Rogachevskaya L.S.* Kak sostavlyalsya plan pervoi pyatiletki [How the first five-year plan was prepared] // Almanac "The East". 2005. No. 3 (27). URL.: http://www.situation.ru/app/j_art_692.htm (accessed: 25.05.2018)
2. *Khmelnitsky D.* Leonid Sabsovich ili kto pridumal obobshchestvlenie byta [Leonid Sabsovich or who came up with socialization of everyday life?] URL.: <https://www.academia.edu/35577651> ЛЕОНИД САБСОВИЧ или КТО ПРИДУМАЛ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ БЫТА (accessed 25.01.2018).
3. *Sabsovich L.M.* Goroda buduschego i organizaciya socialisticheskogo byta [Cities of the future and the organization of socialist life]. Moscow, 1929. P. 28–29.
4. *Postanovlenie SK VKP(b)* "Ob ocherednyh zadachah partii po rabote sredi rabotnits i krestyanok" ot 15 iyunya 1929 [The resolution of the Central Committee of the CPSU(b) "Immediate tasks of the party on the work among the women - workers and peasants" of June 15, 1929] // CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1988). Vol. 4. Moscow, 1983. P. 515.
5. *Khazanova V.E.* Sovetskaya arhitektura pervoi pyatiletki: Problemy goroda buduschego [Soviet architecture of the first five-year plan: Problems of the future city]. Moscow: Nauka, 1980. P. 105.

6. *Iz istorii Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata i goroda Magnitogorska* (1929-1041) [From the history of the Magnitogorsk metallurgical combine and Magnitogorsk (1929-1941)]: Collection of documents and materials / Comp.: E.S. Kuzmina, E.I. Oliferovskaya, A.D. Tupitsyna. Chelyabinsk: South-Ural Publ. House, 1965. P. 137.
7. *Okhitovich M.* Socialisticheskii sposob rasseleniya i socialisticheskii tip zhilya [The socialist method of settlement and the socialist type of housing] // Bull. of the Communist Academy. 1929. Book 35/36. P. 334-338.
8. *Okhitovich M.* K probleme goroda [To the problem of the city] // Modern architecture. 1929. No. 4. P. 130-134.
9. *Ginzburg M.* Socialisticheskaya rekonstrukciya suschestvuyushchih gorodov [Socialist reconstruction of the existing cities] // Revolution and culture. 1930. No. 1. P. 50-53.
10. *K probleme goroda* [On the problem of the socialist city] // Bull. of the Communist Academy. 1930. No. 42. P. 109.
11. *Larin Yu.* Kollektivizaciya byta v suschestvuyushchih gorodakh [Collectivization of everyday life in existing cities] // Revolution and culture. 1930. No. 7. P. 54-62.
12. *Verezubov I.* K voprosu o probleme socialisticheskogo goroda [On the problem of the socialist city] // Construction of Moscow. 1930. No. 1. P. 15; *Pasternak A.* Spory o buduschem goroda [Disputes about the future of the city] // Modern architecture. 1930. No. 1/2. P. 57-62; *Puzis G.V.* Vystuplenie // K probleme stroitelstva socialisticheskogo goroda [Speech // On the problem of building a socialist city]. Discussion in the club of planned workers named after G.M. Krzhizhanovskiy. Moscow: Planned economy, 1930. P. 39-43; *Milyutin N.A.* Sotsgorod. Problema stroitelstva socialisticheskikh gorodov [Socialist city. The problem of building socialist cities] // The main issues of rational planning and construction of populated areas of the USSR. Moscow-Leningrad: State Publ. House, 1930. 83 p.; *Mikhailov A.* VOPRA-ASNOVA-SASS // Soviet architecture. 1931. No. 3. P. 48-54; *Yatoukin F.* K voprosu o novom rasselenii [On the issue of new settlement] // Modern architecture. 1930. No. 3. P. 5-6, etc.
13. *Zelenko A.Kh.* Problema stroitelstva socialisticheskikh gorodov [The problem of building socialist cities] // Construction of Moscow. 1930. No. 1. P. 5-9; *Puzis G.* Preniya po dokladu M.Okhitovicha "Socialisticheskii sposob rasseleniya i socialisticheskii tip zhilya" [Debate on the report of M. Okhitovich "The socialist method of settlement and the socialist type of housing"] // Bull. of the Communist Academy. 1929. Book 35/36. P. 339-342; *Verezubov I.K.* Ukaz. soch. [The previously mentioned essay]. P. 14-16; *Zaslavsky A.* Protiv iskrivleniya klassovoi linii v stroitelstve socialisticheskikh gorodov [Against the curvature of the class line in the construction of socialist cities] // Construction of Moscow. 1930. No. 1. P. 24-25; *Kozhany P.* Preniya po dokladu M.Okhitovicha "Socialisticheskii sposob rasseleniya i socialisticheskii tip zhilya" [Debate on the report of M.Okhitovich "The socialist method of settlement and the socialist type of housing"]. Moscow, 1929.
14. *Sabsovich L.M.* Novie puti v stroitelstve gorodov [New ways in the construction of cities] // Construction of Moscow. 1930. No. 1. P. 3.
15. *Cit. po [Quote by]: Kolychev A.* Gorod proshlogo i buduschego [City of the past and future] // Soviet construction. 1928. No. 10 (27). P. 38.
16. *Na novom etape.* SASS. Sektor arhitektorov socialisticheskogo stroitelstva [At a new stage. SASS. Sector of architects of socialistic construction]: Theses // Soviet architecture. 1931. No. 1-2. P. 99-100.
17. *K probleme planirovki socgoroda.* Referirovannaya stenogramma [On the problem of planning a socialist city. Reviewed transcript] // Bull. of the Communist Academy. 1930. No. 42. P. 110-111.
18. *Okhitovich M.* K probleme goroda... [To the problem of the city]. P. 134; *Ryss Ts.* Preniya po dokladu M. Okhitovicha... [Debate on the report of M. Okhitovich...]. P. 342-343.
19. *Sabsovich L.M.* SSSR cherez 15 let. Gipoteza generalnogo plane postroeniya socializma v SSSR [USSR in 15 years. Hypothesis of the General plan for building socialism in the USSR]. Moscow, 1929; *Okhitovich M.* K probleme goroda [To the problem of the city]; *Okhitovich M.* Socialisticheskii sposob [The Socialist method...].
20. *Puzis G.* O novom sposobe rasseleniya [On a new method of settlement] // Revolution and culture. 1930. No. 7. P. 52.
21. *Vestnik Kommunisticheskoi Akademii* [Bulletin of the Communist Academy]. 1930. No. 42. P. 110-111.
22. *Cit. po [Quote by]: Khan-Magomedov S.O.* Arhitektura sovetskogo avangarda [Architecture of the Soviet avant-garde]. Moscow: Sroizdat, 1996. P. 208.
23. *ASNOVA.* Associaciya novykh arhitektorov [Association of new architects] // Soviet architecture. 1931. No. 1-2. P. 44-45; *Deklaraciya Vserossiiskogo arhitekturnogo nauchnogo obshchestva pri profsoyuze stroitelei* [Declaration of the all-Russian architectural scientific society under the Trade Union of builders] // Modern architecture. 1930. No. 3. P. 1; *Deklaraciya Obyedineniya arhitektorov-urbanistov (ARU)* [Declaration of the Association of urban architects (ARU)] // Soviet architecture. 1931. No. 1-2. P. 19-20; *Deklaraciya Obyedineniya molodykh arhitektorov* [Declaration of the Association of young architects] // Modern architecture. 1928. No. 1. P. 39; *Deklaraciya Obyedineniya proletarskikh arhitektorov* [Declaration of the Association of proletarian architects] // Construction of Mos-

- cow. 1929. No. 8. P. 25–26; *Deklaraciya hudozhestvennogo obyedineniya "Oktyabr"* [Declaration of the art Association "October"] // *Modern architecture*. 1928. No. 3. P. 73–74; *Puzis G.* O novom sposobe... [On the new method...]. P. 46–53; *Mikhailov A.* VOPRA - ASNOVA - SASS. K voprosu ob ideino-metodologicheskikh raznoglasiyah [On the issue of ideological and methodological differences] // *Soviet architecture*. 1931. No. 1-2. P. 73–77; *Mordvinov A.* VOPRA. Vsesoyuznoe obyedinienie proletarskikh arhitektorov [All-Union Association of proletarian architects] // *Soviet architecture*. 1931. No. 1-2. P. 65–66; *Programmino-ideologicheskaya ustanovka sektora ASNOVA* [Program-ideological setting of the ASNOVA sector] // *Soviet architecture*. 1931. No. 1-2. P. 46–47; *SASS (Sektor arhitektorov socialisticheskogo stroitelstva)*. Na novom etape. [(Sector of architects of socialist construction). At a new stage]: Theses // *Soviet architecture*. 1931. No. 1– 2. P. 99–102, etc.
24. *Krupskaya N.* Goroda buduschego [Cities of the future] // *Komsomolskaya Pravda*. 1929. December 15.
25. *Mordvinov A.* Stroitelstvo novykh gorodov [Construction of new cities] // *Literature and art*. 1930. No. 1. P. 140.
26. *Hronika stroitelstva* [Chronicle of construction] // *Construction of Moscow*. 1930. No. 11. P. 40.

Статья поступила в редакцию 01.06.2020

УДК 902 (407.13) «638»

DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-17-23

А.М. МУРЫГИН

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ
КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ
В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

alek-murygin@yandex.ru

A.M. MURYGIN

**SOME ISSUES OF DEVELOPMENT
OF THE FAR NORTH-EAST OF THE EUROPEAN
PART OF RUSSIA IN THE IRON AGE
ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA**

*Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktывkar*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности расселения разноэтничных групп по Вычегодско-Мезенской равнине и Печорской низменности в I тыс. н. э. и характер взаимодействия между ними. Анализируются процессы становления и развития региональных культур на Северо-Востоке европейской части России. Сделан вывод, что заселение территории протекало в форме перманентно происходивших разнотипных миграций. На природно-экономическую специфику хозяйственного освоения жизненного пространства, определявшую степень овладения территорией, влияли особенности формирования локальных коллективов, их географическое положение и присущие им средства и способы деятельности.

Ключевые слова:

северо-восток Европы, эпоха железа, освоение, взаимодействие, миграции

Abstract

The paper discusses the features of settlement of different ethnic groups on the Vychegda-Mezen plain and the Pechora lowland in the 1st millennium A.D. It was established that the development of natural resources on the territory of the European northeast took place, as a rule, within the boundaries of the populated area and was inseparable from the processes of interaction between indigenous and foreign groups, i.e., it was not colonization or annexation. There are two main initial types of development of living space and corresponding territorial and economic anthropogenic complexes: hunters and fishermen of the Northern taiga forests and hunters of the tundra and forest-tundra with linear-focal settlement in the taiga zone and areal settlement in the tundra.

The natural and economic specifics of the economic development of the region were objectively influenced, first of all, by the peculiarity of the geographical location of the territory inhabited by local groups, large zonal mobility, dispersion of settling and migration mobility of various types. The probable reasons for resettlement to new lands are noted.

For the Pechora Urals, this is a sharp deterioration of the climate at the turn of the sub-boreal and sub-Atlantic periods, which resulted in a prolonged infiltration of the Arctic population south of the Arctic Circle. For the Vychegda basin, the main factor can be the events of the era of the Great Migration of Peoples, which led to the appearance of the Kharinsky type necropolises there. The latter are also known in the Pechora basin, where West Siberian sites with figured-stamped ceramics are simultaneously distributed. Later, the multi-sectoral development of natural resources in most of the European North-East by different ethnic mobile hunting and fishing groups, based on the traditions of the appropriating economy, probably took place mainly within the boundaries of local habitats.

Keywords:

European North-East, Iron Age, development, interaction, migration

Введение

Археологические работы на северо-востоке Европы являются одними из первостепенных в решении ряда актуальных фундаментальных научных проблем финно-угорской (уральской) археологии эпохи железа.

Между тем, один из узловых вопросов древней истории региона, крайне важный для понимания становления современных народов Севера, до сих пор не нашел должного освещения в археологии Северного Приуралья. К нему относится исследование специфики освоения ресурсов природно-географической среды обитания на севере Евразии.

Изучение хозяйственного освоения пространств европейского Северо-Востока позволяет более детально рассмотреть динамику заселения этого региона России, миграционные процессы и взаимодействие коллективов.

Обсуждение материалов

На рубеже раннего железного века-средневековья освоение территории европейского Северо-Востока проходило при постоянном взаимодействии местных и пришлых групп населения. В бассейне Вычегды и Печоры появляются могильники под насыпями, широкое распространение получают поселения с гребенчатой, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой – памятники *шойнатыйского культурного типа* [1]. Сформировавшись в восточной части бассейна Вычегды в результате смешения, в основном, местных позднегляденовских и привнесенных извне харинских (прикамских) этнокультурных традиций, они в таком двухкомпонентном виде впоследствии распространяются в таежное Припечорье.

В таежной полосе Припечорья заметно проявляют себя культурные традиции северно-тундрового и восточно-нижеобского происхождения. Однако здесь, в отличие от бассейна Вычегды, где гляденовские коллективы (джуджыдъягская культура) существуют до V в. н. э., на Печоре гляденовские традиции практически полностью были трансформированы к III или IV в. н. э. [2]. Показателем изменений, произошедших на северо-восточной окраине гляденовской культурной общности, явилось сложение при участии одной из культур этой общности – пиджской, *бичевницкого культурного типа* с каннелированной глиняной посудой [1, 3]. Не исключено, что на сложение раннебичевницкого керамического комплекса оказали также влияние контакты с теми же северными группами западно-сибирского прасамодийского населения, которые приняли участие в формировании культуры предшествующего (гляденовского) времени на Печоре (пиджской). В то время, когда вычегдское позднегляденовское население испытывало существенные изменения в культуре из-за вхождения в его состав харинских групп, родственные коллективы пиджской археологической культуры таежного Припечорья начали контактировать с носителями кулайской культуры Зауралья. Наблюдается и обратный про-

цесс: раннебичевницкие группы осваивают районы бассейна р. Вычегда, Большеземельской тундры и Северного Прикамья, достигая устья р. Чусовая (свыше 400 км южнее верховий р. Вычегда), восточного Приуралья.

Появление субарктических групп населения к югу от Полярного круга согласовывается с ухудшением климата на рубеже суббореального и субатлантического периодов (Л.Н. Андреичева, Н.Я. Кац, В.А. Климанов, М.И. Нейштадт, Л.Д. Никифорова, Н.А. Хотинский, А.В. Шнитников и др.) [1, с. 170, 171]. На европейском Северо-Востоке происходит сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении и расширение тундровой зоны – граница лесной растительности смещается на 150 км к югу от современной [4, с. 160]. Такое кардинальное изменение среды обитания является серьезной побудительной причиной для оттока части населения из Заполярья и освоения ими более благоприятных для проживания южных районов Печорской низменности.

Принципиальное значение для понимания особенностей взаимодействия на этом этапе имеет то, что проникновение в гляденовский ареал Припечорья и Привычегодья групп инородного населения происходило постепенно, в течение длительного времени (начиная, вероятно, с последней четв. I тыс. до н. э.) и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося лесного ландшафта. Гляденовская керамика с каннелюрами на европейском Северо-Востоке появляется уже в конце III–II вв. до н. э. [2, с. 379], что опосредованно указывает на вероятное начало этого затяжного по времени процесса. Однако долгое время в предложенной культурно-исторической схеме и ее обосновании имелось одно слабое место. Арктический компонент бичевницкого культурного типа должен был быть старше самого типа. Это не согласовывалось с первоначальной датировкой, согласно которой арктический компонент был примерно синхронен бичевницким древностям. В последнее время появились данные, которые снимают это противоречие. Серьезным аргументом в пользу предложенной схемы культурогенеза бичевницкого населения таежного Припечорья стали результаты ^{14}C -датирования. Они позволили выделить в средневековых керамических комплексах Большеземельской тундры материалы более раннего этапа развития субарктической культуры – раннего железного века [3]. Ранее достоверные доказательства наличия в европейских тундрах поселений местного населения того времени отсутствовали.

К началу втор. пол. I тыс. н. э. в регионе сложились новые археологические образования. Между Тиманом и Уралом продолжается развитие культуры типа Бичевник, ареал которой сократился до районов таежного Припечорья. Появляются поселения выходцев из Нижнего Приобья. К западу от Тимана на основе шойнатыйских формируются *ламатники ванвиздинской культуры*. Основной территорией обитания ванвиздинского населения была средняя, в меньшей степени верхняя и нижняя Вычегда, откуда они распространились в бассейн

средней и верхней Мезени [5]. Взаимодействие с нижеобским и/или родственным ему печорским населением наложило свой отпечаток появлением на типичной ямочно-гребенчато-шнуровой вычегодско-мезенской ванвиздинской глиняной посуде узоров из различных фигурных штампов, мотива свисающих фестонов, отступающей техники орнаментации и утолщения края сосудов.

Не менее существенными для ванвиздинского населения являлись контакты с коллективами верхнего Прикамья. Через территорию ломоватовской культуры на среднюю Вычегду шло поступление вещей, относящихся к импорту из областей сасанидского Ирана и античного мира. Такие изделия найдены в поздней (безкурганной) группе погребений Веслянского I могильника, датированных VII – нач. VIII в. н. э. В это же время на вычегодских и мезенских памятниках появляется керамика ломоватовско-ванвиздинского облика с многошнуровой орнаментацией тохтинского типа [6]. Наблюдается и обратное движение. Не позднее чем с конца VI в. н. э. север Прикамья становится областью хозяйственно-культурного освоения со стороны вычегодских групп ванвиздинского населения, а миграции небольших групп ванвиздинцев в верхнее Прикамье прослеживаются вплоть до конца существования ломоватовской культуры. В последней четверти I тыс. н. э. ванвиздинские группы стали фактором постоянного или периодического присутствия не только в северных районах Прикамья, где начинают контактировать с продвигающимися сюда же коллективами позднеломоватовского времени, но и в междуречье нижней Вычегды, Малой Северной Двины и Юга [5].

В то же время на территории Припечорья длительное взаимодействие различных по происхождению групп (начиная с эпохи энеолита и далее постоянно на протяжении последующих тысячелетий) привело к тому, что здесь на керамике местного населения сер. - втор. пол. I тыс. н. э. намного более явно, чем в вычегодско-мезенском регионе, наблюдается смешение признаков, имеющих различный генезис. По всей области расселения приуральских племен – между Уральскими горами, хребтом Пай-Хой и Тиманским кряжем – на местной раннесредневековой керамике (*позднебичевницкой* в тайге и *субарктической* в тундре) выявлены элементы, выступающие в чистом виде или получившие преимущественное развитие в западносибирских культурах с гребенчато-фигурно-штамповой посудой, а в таежной полосе бассейна Печоры – также и в территориально близких приуральских и зауральских культурах с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики.

Одновременно из числа поселений и жертвенных мест Печорского Приуралья выделяются памятники с бесспорно нижеобской керамической посудой, что является фактом непосредственного и постоянного присутствия обско-зауральских групп в южной части бассейна Печоры (от верховий до устья рек Подчерема, Щугора и Сопляса). Свидетельством освоения районов Припечорья коллективами зауральского круга культур является также

инвентарь печорских «кладов», часть из которых относится к западносибирским памятникам (Усть-Сопляский) или, по крайней мере, заметно отличается от классических образцов «пермского» звериного стиля, они неоднородны и несут зауральские черты (К.И. Корепанов, В.А. Оборин, В.Н. Чернецов, А.В. Шмидт и др.). По всей территории Печорского Приуралья известны изделия зауральского облика («трехрогие» личины из д. Хабариха и с р. Сандибейю, поясные пряжки и культовые ложки со звериными головами в жертвенной позе; гравированные на серебряной бляхе изображения фигурок в трехконечных головных уборах с саблями в руках и др.).

Учитывая археологические источники, предшествующих эпох [7], можно предположить, что «культурное пространство» Печорского Приуралья с глубокой древности было неоднородным. Эти северные территории осваивали разноэтничные группы. В Припечорье обитало население, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей. Постоянно подпитываемый, в основном, зауральскими инфильтрациями местный (угорский или самодийский) этнокультурный компонент являлся составной и неотъемлемой принадлежностью этого региона европейского Северо-Востока с эпохи раннего металла. Формирование археологических культур таежной полосы Припечорья проходило на фоне многовековой трансформации этнокультурных традиций финно-пермского компонента печорского ананьинско-гряденовского и более древнего населения, дальнейшего развития близкородственного нижеобскому местного (бичевницкого) культурного комплекса, при одновременном прямом проникновении коллективов из западносибирского ареала обитания.

Меньше данных о контактах средневекового населения Ижмо-Печорского бассейна с заполярным населением. Пока известно не менее пяти поселений (Зыбун-нюр III, Усть-Айюва I, Брысвинское, Кыско, Ружникова) [1], небольшая доля керамики которых свидетельствует о проникновении коллективов субарктического региона северо-востока Европы в таежную зону Припечорья вплоть до 63° северной широты.

Взаимодействие раннесредневекового населения таежного Припечорья с финно-пермскими коллективами Прикамья было менее интенсивным и ограничивалось, скорее всего, отношениями, не затрагивающими основы культуры. Показательным примером непосредственных контактов печорского населения с прикамским являются находки позднебичевницкой керамики в районе Чусовского озера и на р. Вишера в Северном Прикамье. На печорских памятниках представлены другие категории находок, прототипы которым, в любом случае, были выработаны вне ареала обитания населения печорской тайги и попадали на север, видимо, путем торгово-обменных операций. К ним относится часть инвентаря жертвенных мест и кладов, находки на поселениях, аналогии которым уходят в прикамский регион Приуралья. Через булгарских посредников по Камско-Волжскому торговому пути в Припечорье

попадали серебряные сасанидские монеты и браakteаты с оттисками дирхемов саманидской чеканки (Канинская, Уньинская пещеры), которые использовались североуральским населением в качестве украшений или культовых предметов.

На формирование культурных традиций населения заполярных областей северо-востока Европы также оказывали постоянное влияние археологические культуры западносибирского ареала, носители которых осваивали арктический широтный ход. Источники очерчивают круг археологических комплексов эпохи железа, предположительно соответствующих этно-территориальным локальным группам [8].

С момента первоначального поступления археологических материалов из циркумполярного Севера Печорского Приуралья и до середины 90-х гг. прошлого века, знания о древностях северных областей основывались, как правило, на сборах подъемного материала и редких раскопках в различных частях Мало- и Большеземельской тундры (Г.А. Чернов и др.). Однако за последние 30–35 лет были исследованы и частично или практически полностью введены в научный оборот как известные, так и новые археологические памятники, в том числе, эпохи железа (И.Б. Барышев, О.В. Овсянников., В.В. Питулько, А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, Л.П. Хлобыстин).

Несмотря на слабую и неравномерную археологическую изученность территории, увеличение объема источниковой базы позволило разграничить казавшийся более или менее однородным массив данных. Анализ, в основном, керамической посуды дал возможность выявить существование в эпоху железа в тундрах крайнего северо-востока Европы не менее двух локальных групп населения.

Первая из них известна по неукрепленным поселениям и жертвенным местам, расположенным преимущественно по берегам рек и озер более всего в континентальной части, меньше в прибрежно-береговой полосе Большеземельской тундры, а также на о-ве Вайгач. Материальные остатки этих памятников идентифицируют их как принадлежащих культуре *субарктического типа* [1]. В их числе – жертвенные места на р. Море-ю (Хэйбидя-Пэдара) и, возможно, на о-ве Вайгач (Болванский нос I, II), исследованные раскопками на различной площади поселения Море-ю II, Хутыюнкосе I, Коматывис I, Мыс Входной, Карпова Губа, Салиндейты 3, многочисленные разрушенные стоянки. Близкие аналогии находят на ямальных памятниках эпохи железа.

На керамике втор. пол. I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э. (*типы Море-ю и Хутыюнкосе*) прослеживаются следующие общие признаки: 1) утолщенная шейка; 2) ямочно-ребенчато-каннелированный стиль орнаментации; 3) овальные или с заovalенными концами зубчатые оттиски; 4) многозональность в украшении шейки; 5) использование в композиции удвоенного или окаймляющего зигзага; 6) разделение узоров на шейке на две зоны; 7) нанесение узоров в стыке каннелюр, между каннелюрами и в каннелюре; 8) общий характер узоров, состоящих из наклонных, вертикальных оттисков, горизонтальных линий, зигзага.

зонтальных линий, зигзага.

Более поздняя керамика (*тип Коматывис*; втор. пол. I н. э. – рубеж I–II тыс. н. э.), продолжающая традиции предшествующей, характеризуется следующими признаками: 1) утолщенная шейка; 2) кроме чашевидных, в числе реконструированных – горшковидные сосуды с уплощенным и митровидные с округло-приостренным дном, есть сосуды на поддонах; 3) внутренний участок шейки орнаментирован; 4) специфическим узором на шейке являются два ряда многозубых печатных или сочетание многозубых печатных и удлинненно-гладких вдавлений; 5) для орнаментации плечиков характерны горизонтальные линии ребенки, зубчатый зигзаг, арочно-ногтевой гладкий узор, округлые и сегментовидные гладкие вдавления, кругло-крестовый штамп, треугольные фестоны в конце орнаментальной зоны. На отдельных сосудах прослежены каннелюры, оттиски отступающего зубчатого (узкого прямого, широкого овального или подпрямоугольного) и фигурного штампа.

Вторая группа тяготеет к долине Заполярной Печоры. Она представлена памятниками *новоборского типа* втор. пол. I – перв. пол. II тыс. н. э. [9–11]. К ним относятся: городища Новый Бор I–IV (XII–XIII вв. н. э.), Ортинское (VI – нач. XI вв. н. э.), Кобылиха (втор. пол. I – перв. пол. II тыс. н. э.), Гнилка городище (VI–X вв. н. э.) и святилище (VI–XIII вв. н. э.), поселение Денисовский Шар (XII–XIII вв. н. э.), Коткино I (перв. четв. II тыс. н. э.) и Югорская сопка (V–VII вв. н. э.). Аналогичные комплексы пока не известны в сопредельных районах таежной и тундровой зон европейского Северо-Востока.

Они образуют нижнепечорский ареал средневековых памятников с разновременной, но практически однотипной керамикой, наличием явных следов металлообработки и металлургии, в том числе железоделательного производства, единичными находками древнерусской керамики в поздних материалах. Для них характерно расположение на естественно труднодоступных участках берега (Югорская сопка) наличие укреплений в виде валов и рвов (Ортино, Гнилка, Кобылиха, возможно, Новый Бор I, II, IV) или обозначение жилой площадки неглубокой канавой и внутренней насыпью (Новый Бор III). К признакам основной части керамического комплекса относятся сосуды с равноутолщенной прямой или отогнутой шейкой, наличием сосудов горшковидной формы и поддонов, грубое заглаживание стенок в виде глубоких широких расчесов, в орнаменте – вертикальные фестоны и оттиски фигурных штампов, каннелюры, многозональность в украшении венчика, тщательность нанесения узоров.

На основании вышеизложенного и известного размещения памятников не будет ошибочным предположить, что на европейском Северо-Востоке в эпоху железа преобладали два основных первоначальных типа освоения жизненного пространства и соответствующих им территориально-хозяйственных антропогенных комплексов: охотники и рыболовы северных таежных лесов, охотники тундры и лесотундры с линейно-очаговым расселением в таежной зоне и площадным в тундре. При

этом достаточно очевидна необходимость применения дифференцированного подхода. В зависимости от районов проживания и этапов развития местных культур менялись как уровень оседлости, так и соотношение присваивающих и производящих элементов в структуре их хозяйствования и, соответственно, степень овладения территорией.

Также можно полагать, что основной формой хозяйственного освоения территории являлись перманентно происходящие разнотипные миграции. Они оказали серьезное влияние на особенности становления и развития локальных культур ранне-средневекового таежного населения в бассейнах рек Вычегды и Печоры. Следствием постоянных миграционных подвижек в I тыс. н. э. явились радикальные изменения в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы. Одним из результатов глубоких перемен стало выраженное своеобразие ранне-средневековых культур, которые можно определять, как *синкретические*. Они представляли единство неоднородных исходных компонентов, что особенно ярко проявилось в материальной культуре населения таежного Припечорья [12]. Благодаря своеобразию расположения территории, её значительная часть оказалась зоной постоянных и длительных контактов групп угорского, самодийского и пермского населения. В числе предпосылок невысокого уровня культурной дифференциации социальных групп следует рассматривать и миграционную подвижность различного вида, а для печорского населения еще и дисперсный тип расселения и длительные сезонные широтные и меридиональные перекочевки. Этому способствовала также специфика географического положения обитаемого пространства (выраженная зональность растительного покрова, перекрещивание двух зоогеографических границ, широтной – тундра-тайга и долготной – Европа-Сибирь, значительные климатические изменения и большая зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий, сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом).

Что касается освоения северной окраины Печорской низменности, включающей тундровую зону и примыкающие районы крайне северной тайги, то этот процесс также происходил под существенным влиянием с территорий, расположенных к востоку от Уральского хребта.

Древние аборигенные коллективы, археологически представленные памятниками субарктического типа, по крайней мере с эпохи раннего железного века, были приспособлены к обитанию не только большей частью в континентальных районах Большеземельской и Ямальской тундр, но и на их прибрежно-береговых участках и островах (о-в Вайгач). Оставившее археологические памятники новоборского типа население, археологически выявляющееся не ранее середины I тыс. н. э., осело в лесотундровом ландшафте широкой долины нижней Печоры. Способ деятельности этих коллективов определялся в значительной степени, видимо, условиями проживания вблизи главной водной магистрали Северного Приуралья, на пограничье с ти-

пичной тундрой. В число основных дифференцирующих признаков, выявленных севернее Полярного круга этнокультурных образований эпохи железа, входили особенности естественно-географической среды обитания, природно-ресурсного потенциала и соответствующего жизненного уклада, определявшие специфику их проживания в условиях Заполярья.

Пока отсутствуют доказательства прямой связи континентально-тундровых и нижнепечорских археологических памятников эпохи железа с какой-либо из известных западносибирских культур. С другой стороны, большеземельская керамическая посуда демонстрирует общее сходство с угорским, самодийским или угро-самодийским кругом обско-печорских археологических культур, что указывает на участие последних в формировании коллективов Большеземельского севера. Однако на данном этапе исследования мы не можем ни отрицать, ни утверждать того, что западносибирская «вуаль» на памятниках эпохи железа припечорских тундр является результатом миграции в представительных количествах, разовым проникновением или результатом многовековой инфильтрации в автохтонную среду, слиянием с предшествующими поколениями и адаптацией к специфичной среде обитания в высоких широтах. Между тем, все более наглядно археологическими работами последних лет в Арктической зоне северо-востока Европы проявляется обособленная этно-территориальная группа средневекового населения, памятники археологии которой дают сейчас возможность более предметно подойти к проблеме соотношения с летописной «печерой» конкретных объектов древней материальной культуры. Их дальнейшие судьбы предопределило, видимо, обитание в пограничной зоне колонизационного контакта или линии «арктического фронта» между осваивавшим в перв. пол. II тыс. н. э. Европейский Север древнерусским населением и кочевыми ненецкими группами.

Выводы

Таким образом, освоение природных ресурсов на европейском Северо-Востоке в I тыс. н. э. происходило, как правило, в границах заселенного пространства и было неотделимо от одновременно происходящих процессов взаимодействия местных и пришлых групп населения, т. е. не являлось колонизацией или присоединением. Реже наблюдается использование в качестве охотничьих угодий обезлюдивших или незаселенных районов (верхняя, средняя Мезень, верхнее Прикамье).

В целом освоение крайнего Северо-Востока европейской части России в эпоху железа можно охарактеризовать как «комбинированное». В таежной и частично лесотундровой зонах система расселения была преимущественно вдоль берегов рек с концентрацией мест обитания в археологических микрорайонах (АМР), изобилующих рыбой, птицей, зверями, грибами, ягодой и отличающихся удобством для устройства сезонных или постоянных стоянок и поселений. Последние можно определить как участок местности, в пределах которого совокуп-

ность благоприятных факторов естественной среды обитания была наиболее достаточна для устойчивого существования коллективов в данном месте на определенном отрезке времени. В континентальной тундре Северного Приуралья в используемые уголья кочевое население включало не только берега рек и озер, но и переувлажненные междуречья и морское побережье. Как в таежной, так и в тундровой зоне, население пользовалось естественными ресурсами, жило за счет окружающего природного ландшафта.

Причины для расселения на новые земли на этапе становления культур раннего средневековья, сопровождавшегося культурным дрейфом в иноэтническую среду, были различны. Для Печорского Приуралья ключевым моментом являлось резкое ухудшение климата на рубеже суббореального и субатлантического периодов, следствием чего явилась продолжительная инфильтрация арктического населения к югу от Полярного круга. Для бассейна Вычегды главным фактором следует считать исторически обусловленные события эпохи Великого переселения народов, приведшие к появлению здесь некрополей с надмогильными сооружениями харинского типа. Последние известны также и в бассейне Печоры, где одновременно получают распространение западносибирские памятники с фигурно-штамповой керамикой. В дальнейшем многоотраслевое освоение природных ресурсов большей части европейского Северо-Востока разнообразными мобильными охотничье-рыболовческими группами, основанное на традициях присваивающей экономики, происходило, видимо, преимущественно в границах локальных территорий обитания.

Проблема хозяйственного освоения крайнего северо-востока Европы в эпоху железа представляется достаточно важной и актуальной для создания комплексной картины расселения и взаимодействия разнообразных коллективов на пространствах циркумполярной зоны Северного Приуралья и изучения динамических процессов прошлого в культуре финно-угорских и самодийских коллективов.

Настоящая работа написана на анализе сравнительно небольшого объема археологических источников и вряд ли в полной мере отвечает на поставленные в ней вопросы. Это свидетельствует о необходимости продолжения исследований в данном направлении.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми в рамках научно-го проекта № 20-49-110002.

The reported study was funded by RFBR and region's Komi Republic, project number № 20-49-110002.

Литература

1. *Мурыгин А.М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
2. *Васкул И.О.* Памятники гляденовской культурной общности // *Археология Республики Коми*. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.

3. *Мурыгин А.М., Косинцев П.А., Марченко-Важанова Т.И.* Поселение раннего железного века охотников на северного оленя в Большеземельской тундре (территория Ненецкого автономного округа) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск. 2019. № 3 (47). С. 74–84.
4. *Никифорова Л.Д.* Динамика ландшафтных зон голоцена Северо-Востока европейской части СССР // *Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене*. М.: Наука, 1982. С. 154–162.
5. *Мурыгин А.М.* Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 218 с.
6. *Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. Сыктывкар, 2005. 56 с. (Науч. докл. / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 476).
7. *Коллектив авторов.* Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.
8. *Мурыгин А.М.* О выделении локальных групп населения эпохи железа на крайнем северо-востоке Европы // V Северный археологический конгресс: Тезисы докладов (11–14 декабря 2019 г. Ханты-Мансийск). Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфо-Принт», 2019. С. 262–265.
9. *Мурыгин А.М., Кленов М.В.* Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье // *Известия Коми НЦ УрО РАН*. 2015. № 3 (23). С. 119–131.
10. *Мурыгин А.М.* Арктический регион крайнего Северо-Востока европейской части России в эпоху средневековья // *Археология Арктики*. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 183–203.
11. *Мурыгин А.М.* Поселение Югорская сопка. Древности Городецкого озера. Вып. I./Департамент образования, культуры и спорта Ненецкого автономного округа, ГБУК «ИКИМЗ «Пустозерск», Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН». Нарьян-Мар–Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2019. 96 с.
12. *Мурыгин А.М.* Миграции как способ взаимодействия населения крайнего Северо-Востока европейской части России в раннем средневековье // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 3 (23). С. 254–258.

References

1. *Murygin A.M.* Pechorskoe Priural'e: epoha srednevekov'ja [The Pechora Sub-Urals: the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1992. 182 p.
2. *Vaskul I.O.* Pamjatniki gjadenovskoy kul'turnoy obshchnosti // *Arheologija Respubliki Komi* [Sites of the Glyadenovo cultural community // *Archeology of the Komi Republic*]. Moscow: DiK, 1997. P. 349–399.
3. *Murygin A.M., Kosintsev P.A., Marchenko-Vaganova T.I.* Poselenie rannego zheleznoego veka ohotnikov na severnogo olenja v Bol'shezemel'skoy tundre (territoriya Neneckogo

- avtonomnogo okruga) // *Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii* [Early Iron Age settlement of reindeer hunters in the Bolshezemelskaya tundra (territory of the Nenets Autonomous Okrug) // *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*]. Novosibirsk. 2019. № 3 (47). P. 74–84.
4. *Nikiforova L.D.* Dinamika landshaftnyh zon golocena severo-vostoka Evropeyskoy chasti SSSR // *Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleystocene i golocene* [Dynamics of the Holocene landscape zones in the North-East of the European USSR // *Development of the nature of the territory of the USSR in the Late Pleistocene and Holocene*]. Moscow: Nauka, 1982. P. 154–162.
5. *Murygin A.M.* Arheologicheskie pamjatniki vanvizdinskoy kul'tury basseyna Mezeni [Archaeological sites of the Vanvzdino culture of the Mezen basin]. Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, 2001. 218 p.
6. *Murygin A.M., Savelyeva E.A.* Poselenie Tohta epohi rannego srednevekov'ja v bassejne nizhney Vychegdy [Tokhta settlement of the Early Middle Ages in the Lower Vychegda basin]. Syktyvkar, 2005. 56 p. (Sci. Reports / Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS; Issue 476).
7. *Team of authors.* Arheologija Respubliki Komi [Archaeology of the Komi Republic]. Moscow: DiK, 1997. 758 p.
8. *Murygin A.M.* O vydelenii lokal'nyh grupp naselenija epohi zheleza na krajnem severo-vostoke Evropy // V Severnyj arheologicheskij kongress. Tezisy dokladov [On the identification of local groups of population of the Iron Age in the Far North-East of Europe // Vth Northern Archaeological Congress: abstracts]. (December 11-14, 2019, Khanty-Mansiysk). Ekaterinburg: Universal printing house "Alfo-Print", 2019. P. 262–265.
9. *Murygin A.M., Klenov M.V.* Novye arheologicheskie issledovanija kompleksa Novyj Bor III v Pechorskom Zapoljar'e [New archaeological research of the Novy Bor III complex in the Pechora Transpolar North] // *Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS*. 2015. № 3 (23). P. 119–131.
10. *Murygin A.M.* Arkticheskij region krajnego severo-vostoka evropeyskoy chasti Rossii v epohu srednevekov'ja // *Arheologija Arktiki* [Arctic region of the extreme North-East of European Russia in the Middle Ages // *Archaeology of the Arctic*]. Kaliningrad, 2016. Issue 3. P. 183–203.
11. *Murygin A.M.* Poselenie Yugorskaja sopka. Drevnosti Gorodeckogo ozera [Yugorskaya Sopka settlement. Antiquities of lake Gorodetsky]. Issue I / Department of education, culture and sports of the Nenets Autonomous Area, IKiLMZ "Pustozersk", Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. Naryan-Mar-Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2019. 96 p.
12. *Murygin A.M.* Migracii kak sposob vzaimodeystvija naselenija krajnego severo-vostoka evropeyskoy chasti Rossii v rannem srednevekov'e [Migrations as a way of interaction between the population of the extreme North-East of European Russia in the Early Middle Ages] // *Bull. of Tomsk State Univ. History*. 2013. № 3 (23). P. 254–258.

Статья поступила в редакцию 19.05.2020

УДК 86.073.2

DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-24-28

В.Я. ШУМКИН

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ РАЗНЫХ СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ

*Институт истории
материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург*

shumkinv@yandex.ru

V.YA. SHUMKIN

ECONOMIC AND CULTURAL DOMINANTS OF DIFFERENT COMMUNITIES IN THE EUROPEAN ARCTIC

*Institute of History of Material Culture,
RAS, St.Petersburg*

Аннотация

В статье рассматриваются историко-культурные процессы в Северной Фенноскандии от момента первоначального заселения региона до начала XXI в. На основе археологических источников описывается процесс заселения региона, начиная с эпохи мезолита, прослеживается преемственность в развитии материальной культуры в каменном веке и в эпоху раннего металла.

Ключевые слова:

археология, антропология, происхождение, материальная и духовная культура, взаимоконтакты, лапландцы, саами, коми-ижемцы, ханты, манси, Зауралье

Abstract

Multi-factor, often mysterious, processes of the origin and formation of the indigenous Northern peoples are complicated by the problems of identification of mutual influences, especially given their remote spatial and deep temporal characteristics. Contacts between ethnically and culturally different groups of the population are of various types, multidirectional, and can combine both positive and negative aspects. Archaeology, armed with modern methods of Natural Sciences, provides source data for many other Humanities about man. Historical and cultural processes in Northern Fennoscandia from the initial settlement of the region to the beginning of the XXI century are considered. On the basis of archaeological sources the process of settling of the region, starting with the Mesolithic, is described. Continuity in the development of material culture in the Stone and Early Metal Ages is traced. At the same time, the materials of the Kola Oleneostrovsky burial ground fix the appearance of a small alien population group in the Early Metal Age, which shows proximity to the culture of the Eastern regions of the Arctic zone of Russia (Ymyyakhtakh culture). Changes in the culture of the region's settlers occur under the influence of climate factors about 2000 years ago, when the cold snap forced the surviving small groups to return to a wandering lifestyle in the mainland tundra. No later than the middle of the Ist Millennium A.D., the local population switches to small-scale reindeer herding. At the end of the XIX century, there occurs a documented Eastern infiltration, when the lack of reindeer pastures and the mass death of animals due to epizootics, the depletion of natural biological resources forced the well-off Komi-Izhma families (Rochev, Terentyev, Filippov, Kanev, Chuprov, along with a deer herd of 9,000 heads, accompanied by shepherds (practically, farmhands) of the Nenets Khatanzei family) to move to the Kola Peninsula in 1883. From this moment a new stage in the economic and ethno-cultural development of the population of the Kola Peninsula begins.

Keywords:

archaeology, anthropology, origins, material and spiritual culture, contacts, the Lapps, the Sami, the Izhma-Komi, the Khanty, the Mansi, Trans-Urals

Несмотря на близость Кольской земли, по российским меркам её современных аборигенных обитателей—саами от обеих столиц (Санкт-Петербург—1000 км, Москва—1500 км) и более чем 200-летнюю длительность их изучения, эта удивительная, столь непохожая на своих соседей по культуре, языку, облику, обычаям, образу жизни народность остаётся до сих пор во многом загадочной. Видимо, это своеобразие нужно искать в глубинных истоках формирования, развития, контактах и взаимовлияниях с территориально близкими, но по уровню хозяйства, совершенно отличными соседями и удалёнными пространственно, однако сходными по системе жизнеобеспечения и мировоззрению народностями.

Полностью поддерживаю высказывание известного исследователя Арктических сообществ А.В. Головнёва: "на Севере рождались и развивались культуры больших пространств, а не малых народов" [1].

Уже почти 100 лет, со времени работ А. Нуммедала [2], исследователи не сомневаются в первоначальном проникновении не позднее 10 тыс. л. н. человека (археологическая культура комса) в арктическую Скандинавию с территории северо-германской низменности вдоль норвежского побережья [3–10]. Открытие в 2002 г. в 60 км от побережья Баренцева моря и раскопки [11] мезолитической стоянки Суяла с пластинчатой индустрией позволили финским археологам выдвинуть предположение о второй, более поздней волне заселения этой арктической территории, теперь уже через Финляндию и Карелию. Эта гипотеза требует серьёзного анализа и подтверждения, а двухкомпонентность материальной культуры комса была убедительно установлена археологом П. Вудманом ещё в конце прошлого века [10].

Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры. Но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом "прошлифовки" линий, петроглифы этого времени [12, 8] и, несколько более поздние, писаницы. Мезолитические памятники Лапландии большинство специалистов традиционно связывают с археологической культурой комса.

Определённое, более ускоренное развитие начинается с благоприятными изменениями климатических условий (атлантический оптимум), позволившее к началу неолита (около 6,5 тыс. л. н.) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южными соседями, от которых заимствуются навыки керамического производства. Всё более существенными становятся признаки начала активного морского зверобойного промысла. Эти изменения оказывали, наряду с природными и социаль-

ными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местные популяции.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. л. н.). Появляются, особенно в приморских районах, сотни долговременных поселений с многочисленными углублёнными жилищами. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном, тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определённо свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво "процветать" и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углублённых жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки документально подтверждается присутствием лодок-кережек (как гробовища — "саркофаги") в погребальной практике Кольского Оленеостровского могильника [13, 14] и отражено в многочисленных сюжетах петроглифов [12]. Всё это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно, поворотные гарпуны) обеспечивало постоянный достаток, даже изобилие продуктов жизнеобеспечения охотникам на морского зверя.

Но так ли всё стабильно, последовательно, объяснимо в древней истории Северной Фенноскандии? Есть ряд серьёзных, неустранимых пока, противоречий. Так, в каменной индустрии наблюдается непрерывная преемственность, начиная с первоначального заселения этой территории. Если рассматривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не вызывает сомнений, что с мезолита (культура комса) в неолите и эпоху раннего металла (лапландская археологическая культура) на этой территории идёт непрерывное развитие местной адаптационной модели древними коллективами. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (керамика, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Однако значительное увеличение в результате новых полевых работ Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН [15] материалов уникального Кольского Оленеостровского могильника (КОМ) и изучение всей краниологической серии с применением новых методов анализа свидетельствуют о крайне специфическом антропологическом облике "оленеостровцев". Выяснилось, что антропологические и генетические особенности погребённых (ДНК) в Кольском Оленеостровском могиль-

нике (3,5 тыс. л. н.) не находят прямых аналогий в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп и, поэтому древние "оленеостровцы" не могут быть их предками, проявляя при этом, тенденцию к сближению с представителями, так называемой, «уральской расы», проживающими сейчас (например, ханты и манси) за Уральским хребтом [15].

Можно предположить, что «оленеостровцы» были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарём КОМ и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи раннего металла. Возможно, это остатки одной из древнейших в Евразии антропологических формаций, продвинувшихся постепенно и на север и на северо - восток.

В своих работах автор неоднократно приводил и акцентировал археологические свидетельства возможного проникновения около 3–4 тыс. л. н. крайне малочисленных групп пришельцев, скорее всего, восточного происхождения, которые не могли серьёзно повлиять на достаточно развитые сообщества "лапландцев", тем более изменить их быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно, в генофонде. Наши предположения основываются на единовременности появления и неутилитарном проявлении таких модификаций, как: 1) присутствие на некоторых памятниках (от Большеземельской тундры до Северной Финляндии, но, особенно важно, что, в том числе, и КОМ) фрагментов т.н. "вафельной" керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры [16], которая выглядит инородной и не имеет местного типологического развития; 2) новые сакральные представления, в частности, единичные инновации в наскальном творчестве; 3) отдельные элементы "шаманской" атрибутики у местных колдунов – нойдов. Всё это следствие, скорее, не заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия "носителей новшеств" на древней земле Северной Фенноскандии [17].

Но, оказывается, все могло быть более "серьёзно". Тогда возникает закономерный вопрос о противоречиях между фиксируемой преемственностью развития материальной и духовной культуры от первопоселенцев, по крайней мере, на протяжении 8 тыс. лет, и "уральским" генофондом "лапландцеволенеостровцев", обладающих уже всеми атрибутами специализированной практики охотников на морского зверя и традиционными мировоззренческими представлениями местного населения. Не исключено, что эта "головоломка" имеет объяснение в поздние / послеледниковых событиях, когда под действием глобально меняющихся природных и климатических условий изначально западноевропейское, финальнопалеолитическое / раннемезолитическое население стало продвигаться вдоль кромки тающего ледника не только по морскому побережью на Север, в Фенноскандию, но и материковым, сугубо "сухопутным" путём, на северо-восток Европы. Конечно, это предположение требует детальных научных обоснований.

Вероятно, каждая древняя культура имеет свой "пик развития". Для древнего населения Северной Фенноскандии он пришёлся на период эпохи раннего металла, время расцвета духовной и хозяйственной жизни местных сообществ. По данным об индейцах Северной и Южной Америки, население, обитавшее на побережье, было обеспечено продуктами питания в 5–10 раз лучше материковых охотников и в два раза земледельцев. Учитывая, что воды Баренцева моря и сейчас чрезвычайно обильны морскими млекопитающими, недостатка пищи береговые популяции не испытывали. По имеющимся этнографическим свидетельствам, у эскимосов суммарная продукция охоты на морского зверя в 1,5–2 раза превышала их потребности. Сходная картина наблюдалась и у приморского населения Северной Фенноскандии.

"Тучные" времена обычно сменяются спадом по тем или иным причинам: резкие климатические изменения, социальные катаклизмы, нарушения природного баланса (экологического равновесия). Все эти события, видимо, сошлись вместе около 2 тыс. л. н. и вынудили уцелевшие малочисленные коллективы вернуться к бродячему образу жизни уже в материковой тундре.

Некоторый ренессанс происходит в начале нашей эры, когда усвоение не позднее середины I тыс. от Р.Х. навыков и развитие особого, мелко-стадного, экологического, "малозатратного" типа оленеводства способствовало длительному процессу этнической консолидации на базе зимних селений-сийтов. Однако местное население Северной Фенноскандии (это явные предки саамов) уже не смогло достичь уровня развития своих ближайших соседей, под чьё влияние, давление и зависимость оно попало. Исторически неизбежно стало включение этих охотничьих групп раннего железного века в сферу торговли с более "прогрессивным" земледельческо-скотоводческим населением ("вождистские" общества), в результате которой они переключились, в основном, на добычу пушнины, как эквивалента получаемых товаров. Последние состояли из разнообразных, в основном, металлических изделий, включая украшения, орудия труда и посуду. Очень вероятен и приток нового населения.

Таким образом, аборигены к рубежу эр утратили основные черты своей материальной культуры, по которым их можно было идентифицировать и связать с предшествующим населением: большинство костяных орудий не сохраняется при кочевом образе жизни, так как культурного слоя практически не образуется, керамическое производство исчезает – сосуды в большинстве, вероятно, были металлическими (результат обмена) и очень ценились, а их обломки шли в переплавку. К тому же, обнаружить небольшие кратковременные стоянки, отличающиеся по своему положению от прежних мест обитания на берегах рек и озёр, чрезвычайно трудно, поскольку пушной промысел требует иных ареалов.

Авторитарные, "цивилизованные" сообщества стали причислять, особенно после принятия ими христианства, аборигенов Лапландии в разряд отсталых народностей. Этнографические данные

показывают, что в средневековые местное население разделилось на разные, по хозяйственно-культурному типу, группы, уже владея навыками оленеводства. Таким образом, рационально, без особого "прессинга" на местные экологические ниши посредством циклических перекочевок (люди "четырёх" сезонов) эксплуатировались различные экосистемы Северной Фенноскандии.

Явная, неоспоримая, документированная восточная инфильтрация происходит в конце XIX в., когда нехватка оленьих пастбищ и массовый падеж животных из-за эпизоотий, оскудение естественных биологических ресурсов вынудили зажиточных коми-ижемцев (Рочев, Терентьевы, Филиппов, Канев, Чупров) вместе с оленьим стадом в 9 тыс. голов, в сопровождении пастухов (практически, батраков) ненцев рода Хатанзей осенью 1883 г. перебраться на Кольский полуостров. Добравшись зимой 1886 г. до старинного саамского погоста Ловозеро, решив, что эти тундры самые лучшие для разведения оленей и напоминают родные просторы, остановились здесь, даже не получив разрешения местных обитателей в их погост. Саами жаловались, что крупные стада пришельцев выбивают ягель и что ижемцы убивают их оленей, или уводят к себе. Но вновь прибывшие не жалели денег на подкуп должностных лиц, добились приговора сельских сходов на свой прием в члены их общества. Недоразумения и столкновения происходили как «от хищничества ижемцев», так и на почве разных форм ведения хозяйства и несходства обычаев. Саамы по-прежнему предпочитали вольный выпас оленей, при котором животные то и дело попадали в ижемские стада. Видя необыкновенный прирост в стадах коми (в 1902 г. их стада насчитывали 18 тыс. оленей, в 1909 г. уже 30 тыс.), саами постепенно стали переходить на их метод пастбы, стали охранять свои стада, устраивать загоны, переходить к торгово-предпринимательскому скотоводству, оседлому образу жизни. Росла и численность самих кольских коми-ижемцев (в 1897 г. в Ловозерском приходе их было 117 чел. и 25 ненцев, а к 2015 г. уже 439, против 251 саами). Основывались ими и новые небольшие посёлки, в основном, по берегам р.Поной (Ивановка, Оксина, Макаровка, Красная Щелья, Каневка).

Коми были грамотнее саами и ненцев. Так, в 1927 г. их грамотность составляла 45%, тогда как у ненцев не превышала 29%, а у саами – всего 3%. В годы НЭПа предприимчивые коми взяли в свои руки местную кооперацию, а в 1930-х гг., когда стали организовываться колхозы, первыми вступали в них.

Первый смешанный брак между саами (жених 23 года) и коми (невеста 18 лет) в Ловозеро зарегистрирован в 1929 г. Ныне характерен высокий уровень межнациональной брачности (около половины всех браков с участием коми), при этом не опускается уровень этнического самосознания. По переписи 1979 г. в Мурманской области проживало 2007 коми (на 28% больше, чем саами). Межнациональные конфликты почти отсутствуют.

Удивительно, что саами, находясь столетия под давлением своих западных и южных соседей (финнов, шведов, норвежцев, карел, русских), смог-

ли сохранить свою культуру, образ жизни, обычаи, а всего за несколько десятилетий контактов с коми-ижемцами утратили многие черты самобытности, правда, сохранив, однако, саамское мировоззрение. Видимо, слишком разный был их культурный уровень в первом случае и сходные устремления, система хозяйства – во втором. И всё-таки нельзя абсолютно негативно рассматривать результаты этих контактов, так как многое теряя, северные народы приобретали устойчивость в этом суровом мире европейской цивилизации. Главное, что они, несмотря на все усваиваемые манящие блага технического прогресса, сохраняли, уже не раз доказавшую стойкость своего мировоззрения и любовь к родной земле и природе, которые, как показывает история, покидают человеческие сообщества в самый последний момент и ведут к их саморазрушению.

Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания: № 0184-2019-0001 «Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене».

Литература

1. Головинёв А.В. Российский Север: народы и границы // Управленческое консультирование. 2006. Вып. № 3. С. 183–190.
2. Nummedal A. Stone age finds in Ainmark. Oslo, 1929.
3. Земляков В.Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. 1940. Т. 5. С. 107–143.
4. Шужкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 15–33.
5. Шужкин В.Я. Западные и восточные традиции культуры аборигенного населения Северной Фенноскандии // Uralo-Indogermanika. Ч. 2. М., 1990. С. 10–15.
6. Шужкин В.Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 34–59.
7. Anundsen K. The Physical Conditions for Earliest Settlement during the Last Deglaciation in Norway. The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with ighbouring areas // Acta Archaeologica. Lundensia Series in 8. 1996. № 24. P. 207–217.
8. Helskog K. Communicating with the World of beings. Oxford&Philadelphia, 2014. 249 p.
9. Olsen B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo, 1994. 162 p.
10. Woodman P.C. The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica, 1993. Vol. 63. P. 44–60.
11. Rankama T., Kankarppa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F., Tallavaara M. BAR International Series, 2599. Oxford, 2014. P. 147–159.

12. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 425 с.
13. Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Л., 1930.
14. Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник эпохи раннего металла в Мурманской области // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 2015. С. 177–188.
15. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe / C. Der Sarkissian, O. Balanovsky, G. Brandt, V. Khartanovich, A. Buzhilova, S. Koshelev, V. Zaporozhchenko, G. Gronenborn, V. Moiseyev, E. Kolpakov, V. Shumkin, K.W. Alt, E. Balanovska, A. Cooper, W. Haak // PLoS Genet. 2013. 9(2).
16. Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.
17. Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. № 2. P. 3–20.
7. Anundsen K. The Physical Conditions for Earliest Settlement during the Last Deglaciation in Norway. The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas // Acta Archaeologica. Lundensia Series in 8. 1996. № 24. P. 207–217.
8. Hellskog K. Communicating with the World of beings. Oxford&Philadelphia, 2014. 249 p.
9. Olsen B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo, 1994. 162 p.
10. Woodman P.C. The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica, 1993. Vol. 63. P. 44–60.
11. Rankama T., Kankapaa J. Fast or Slow Pioneers? A View from Northern Lapland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Ed. by Riede F., Tallavaara M. BAR International Series, 2599. Oxford, 2014. P. 147–159.
12. Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya. Petroglify Kanozera [Petroglyphs of Kanozero]. St.Petersburg, 2012. 425 p.
13. Shmidt A.V. Drevnii mogilnik na Kolskom zalive [The ancient burial ground on the Kola Bay] // Kola collection. Leningrad, 1930.
14. Shumkin V.Ya. Kol'skij Oleneostrovskij mogil'nik epohi rannego metalla v Murmanskoj oblasti // Problemy izuchenija pervobytnosti i rannego srednevekov'ja lesnoj zony Vostochnoj Evropy [Kola Oleneostrovsky burial ground of the Early Metal Age in the Murmansk region // Problems of studying the primitiveness and Early Middle Ages of the forest zone of Eastern Europe]. Ivanovo, 2015. P. 177–188.
15. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe / C. Der Sarkissian, O. Balanovsky, G. Brandt, V. Khartanovich, A. Buzhilova, S. Koshelev, V. Zaporozhchenko, G. Gronenborn, V. Moiseyev, E. Kolpakov, V. Shumkin, K.W. Alt, E. Balanovska, A. Cooper, W. Haak // PLoS Genet. 2013. 9(2).
16. Fedoseeva S.A. Ymyyakhthskaya kul'tura Severo-Vostochnoj Azii [Ymyyakhthsk culture of the North-Eastern Asia]. Novosibirsk, 1980.
17. Shumkin V.Ya. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. № 2. P. 3–20.

References

Статья поступила в редакцию 15.05.2020

УДК 930.2:320.17(470.13–89)
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-29-32

М.А. МАЦУК

ФЕОДАЛИЗМ В КОМИ КРАЕ: СТРУКТУРА И ХРОНОЛОГИЯ

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

michailmatsuk@rambler.ru

M.A. MATSUK

FEUDALISM IN THE KOMI REGION: STRUCTURE AND CHRONOLOGY

*Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar*

Аннотация

Статья посвящена анализу важнейших составляющих феодализма на территории Коми края, таких как структурное деление явления и хронологические рамки существования основных частей феодализма в крае.

Ключевые слова:

Московское царство, Российская империя, Коми край, феодализм, государственный феодализм, XIV в. – середина XIX в.

Abstract

The author showed that feudalism existed in the Komi region from the XIV century to the middle of the XIX century. Structurally, this phenomenon was divided into: 1. local (autochthonous) feudalism; 2. Russian private feudalism; 3. Russian state feudalism. Autochthonous feudalism existed as an institution in the XIV – mid-XVI century, and then it periodically appeared as echoes of the previous phenomenon with the emergence of strong merchant families who made the peasants of their own and neighboring territories dependent on themselves. Private Russian feudalism existed due to the creation of the patrimony of the bishops of Perm (later – Vologda) on the territory of the region and the emergence of large industrial enterprises. This type of feudalism existed due to the support of the country's government. Russian state feudalism is a system of relations between the state and its subordinate subjects who lived in the North of the European part of Russia.

Keywords:

Moscow kingdom, Russian Empire, Komi region, feudalism, state feudalism, XIV–mid-XIX century

Наиболее употребимое в исторической науке понятие «феодализм» связано с тем, что существует частный владделец, территория которого заселена зависимыми от него людьми, имеющими определенные обязанности перед ним, и свобода которых ограничена, вплоть до запрещения покидать данную территорию. В свою очередь, частный владделец имеет определенные обязанности в отношении подчиненного ему населения, в первую очередь это защита от внешних врагов и поддержание правопорядка на данной территории.

В трудах ученых, изучавших историю Коми края дореволюционного периода, многократно и многообразно упоминался феномен существования феодализма (феодальных отношений) в крае, с приведением примеров этого феномена (смотри обобщающие труды по истории Коми края: главы, авторами которых были: С.В. Бахрушин, А.А. Зимин, Н.В. Устюгов, Н.Ф. Демидова, Т.И. Беленкина, В.В. Политов, И.Л. Жеребцов и другие) [1]. Однако до сих пор не было попыток охарактеризовать данный феномен с позиции выяснения его структурных составляющих и хронологических рамок. Феномен я понимаю, как синоним всякого явления вообще.

В данной статье выскажу свою точку зрения на весь комплекс феодальных отношений на нашей территории, обращая внимание, главным образом, как раз на структурные составляющие указанного явления и на временные отрезки, в течение которых те или иные «части» феодализма существовали в Коми крае.

Хронология феномена. Считаю, что говорить о феодализме в Коми крае можно с начала письменной истории, т. е. с XIV в. и до середины XIX в., когда государственные крестьяне были освобождены от вековой зависимости. Прежде, чем подробнее говорить о хронологии, надо остановиться на сути.

Суть феномена. В Коми крае было несколько «слоев» этого явления. Первый слой был местным и постоянно находил подпитку в общественной жизни народа. Второй – привозным и характеризовался наличием отдельных территорий края, отданных верховным владельцем ряду лиц и заселенных зависимыми от этих лиц людьми. Его мы можем охарактеризовать термином «частновладельческий феодализм». Третий слой был всеобъемлющим и характеризовался понятием «государственный феодализм».

Первый слой проявлялся в местной истории с начала рассматриваемого нами периода и существовал до первых десяти – двадцати годов первой половины XIX в.

Второй слой также существовал в течение всего рассматриваемого периода.

Третий слой возник, на мой взгляд, с середины XV в. и просуществовал до 1866 г.

Теперь перейду к более детальной характеристике указанных слоев феодализма. Считаю, что первичные феодальные отношения существовали у коми в предхристианский период. У них были так называемые «сотники», которые соединяли административную власть над соплеменниками с властью жреческой. От этого их административно-судебная власть, на мой взгляд, не уменьшалась. Один из таких сотников – Пам, или Пан, был не только оппонентом Святителя Стефана Пермского в борьбе язычества с христианством, но и вождем народа, не принявшего новую веру и ушедшего из обжитых мест на верхнюю Вычегду, а возможно, и верхнюю Печору к «вогулам». Оттуда коми, под предводительством Пама, в содружестве с вогулами сделали военный поход на Пермскую епархию в 1392 г. и осадили владычный городок Усть-Вымь. То, что Пам был не одним из существовавших сотников, говорит тот факт, что другая часть древних коми, оставшихся язычниками, ушла на Удору. С Удоры эти коми в 1389 г. напали на Еренский городок, вероятно, взяли его и находящийся там монастырь Пресвятой Богородицы и убили монахов [2, с. 260]. То есть, мы можем говорить о существовании, как минимум, двух потоков мигрантов, возглавляемых двумя вождями. Эти вожди были и военачальниками своих отрядов. Итак, коми подчинялись этим вождям и вступали в их военные отряды. Причем речь идет не о защите, а о нападении и походе на достаточно большое расстояние, что предполагает определенный порядок подчиненности членов отряда.

Вообще мы располагаем лишь отрывочными сведениями о высших должностных лицах коми, разбросанными по времени, поэтому приходится говорить о их наличии, опираясь на два свидетельства документов за XV в. Первое свидетельство зафиксировано в Вычегодско-Вымской летописи под 1450 г. Тогда произошло нападение войск великого князя Дмитрия Юрьевича Шемякина на город Великий Устюг, державший сторону великого князя Василия Васильевича Темного. На помощь устюжанам пришли, как минимум, два отряда коми ратников. Эти отряды были разбиты и их предводители казнены [2, с. 261]. Нам интересна титулатура этих военачальников: Емельян Лузьков и Ефимий Эжвин (Вычегодский). Несмотря на то, что они в летописи названы пермскими сотниками, их титулы по названиям групп коми Лузской Пермцы и Перми Вычегодской говорят о том, что это были люди, обладающие фактически княжескими полномочиями.

Второе свидетельство относится к 1485 г., и находится в жалованной грамоте великого князя Московского Ивана III Васильевича жителям Перми Вычегодской. Там поименно перечислены четыре сотника, представлявших Вычегодскую, Удорскую, Сысольскую и, вероятно, Ужговскую (Ужгинскую) волости: Алексей Козак, Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов и Сенька Микитин [3, с. 243]. В жалованной грамоте никакой титулатуры этих людей нет. Складывается первое впечатление, что к Московскому государю обратились обычные выборные должностные лица крестьянского самоуправления. Однако в конце грамоты помещены сведения, которые позволяют усомниться в этом. Во-первых, волостные группы коми обладали определенной экстерриториальностью. Наместники великого князя Московского не имели права там собирать налоги и пошлины. В грамоте говорится буквально следующее: «А кормы княжи и тивунови и доводчиковы поборы берут в станех сотники волостные, да дают им, а самим (наместникам – М.М.) по тому не входить и не засылати». Но самое главное, что наместники великого князя не имели права поставить кого-либо на должность волостного сотника: «сотников волостных князи вымские не переменяют сами», говорится в жалованной грамоте [3, с. 247]. Таким образом, по косвенным признакам вырисовываются фигуры владетелей отдельных групп коми, которые обладали полномочиями собирать требуемые налоги и сборы, собирать и возглавлять вооруженные отряды ратных людей. Вероятно, они осуществляли и судебные и полицейские функции на их родовых территориях.

Возникает вопрос – почему эти люди в документах не именуются князьями? Ведь вожди, например, хантов и манси официально называются князьями (князьцами). На мой взгляд, дело в том, что коми уже были подданными Московского великого княжества, и работа правительства с ними протекала в русле внутренней политики. Они рассматривались руководством великого княжества как податное население, типа посадского или крестьянского, что исключало возможность возникновения владетелей в их среде. В то же время вожди хан-

тов, манси и других народов, не входивших в состав Московского великого княжества, рассматривались как потенциальные участники переговоров с высшим руководством великого княжества в русле внешней политики и должны были иметь в глазах московской знати соответствующие титулы.

Итак, в XIV – XV вв. в Коми крае, по моему мнению, существовали внутрикоми феодальные отношения, и существовала некая структура власти – подчинения, соответствующая, в определенном смысле, реализации таких отношений.

В XVI в. правительство Московского царства ликвидировало данный институт, введя в крае, как и на других территориях Русского Севера, систему земского самоуправления с выборностью всех должностных лиц и обязательной ежегодной их сменяемостью. Окончательную точку в этом вопросе поставила грамота царя Федора Ивановича 1596 г. о принципах функционирования земского самоуправления в Вымском уезде [4]. В целом, народ коми принял это. В XVI в. и в последующие века были попытки, иногда успешные, отдельных представителей зажиточных коми монополизировать власть и восстанавливать некоторую зависимость части соплеменников от них. Так, указанная грамота Федора Ивановича была вызвана жалобой населения на то, что нарушается зафиксированный в грамотах царя Ивана Васильевича о введении земского самоуправления принцип ежегодной ротации должностных лиц. В XVII в. началась история возвышения клана Сухановых, представители которых в XVIII – начале XIX в. для достаточно большой группы коми, проживавших в низовьях р. Сысолы и в верховьях р. Вычегды, превратились, по выражению Ивана Лепехина, в «зырянских князьков». Создание города Усть-Сысольска и финансовое разорение клана разрушило эту новую попытку возрождения внутрикоми феодальных отношений.

Второй слой феодализма в Коми крае связан с появлением здесь с конца XIV столетия вотчины епископов Пермских (с середины XVI в. их титулатура несколько раз изменялась). Великокняжескими грамотами епископ получил земли. В его вотчине были населенные пункты Усть-Вымь, Оквад и Вожем (в современном Ленском районе Архангельской области). Вотчина просуществовала до второй половины XVIII в., когда она была ликвидирована в ходе секуляризации церковных имуществ, произведенной правительством императрицы Екатерины II.

В середине XVIII в. владельцы создаваемых металлургических предприятий на Сыsole (Кажимский, Нювчимский и Нючпасский заводы) получили и реализовали право покупать к предприятиям крепостных крестьян. Эти крестьяне получили свободу лишь во время крестьянской реформы императора Александра II. Необходимо отметить, что крепостными крестьянами и епископов и заводчиков были, в основном, русские, переведенные из других регионов государства.

Третий слой феодализма, существовавший в Коми крае, связан с возникновением и эволюцией системы государственного феодализма в России. Суть этой системы в том, что в государстве существует значительный слой населения, свободный от

эксплуатации светскими и духовными феодалами, проживающий на специально отведенной для этого слоя населения территории и участвующий в реализации правительственных проектов как финансово, так и другими способами. В России в XVII в. были две большие зоны проживания людей, включенных в систему государственного феодализма. Первая – Русский Север, или Поморье, включающий места жительства карел, коми, коми-пермяков, русских современных Вологодской и Архангельской областей и Пермского края. Вторая – зона бывшего Дикого поля, располагавшаяся южнее современных Тульской, Калужской и Рязанской областей и активно заселявшихся в то время. В первой зоне проживали черносошные крестьяне, во второй – однодворцы – дети боярские. В XVIII столетии обе эти категории населения были объединены в большую категорию государственных крестьян [5].

В нашем случае речь пойдет о черносошных крестьянах. Эти люди были обязаны платить государственные налоги в гораздо большем размере, чем помещичьи, вносить деньги в ходе разнообразных сборов (например, на строительство крепости в Архангельске), выполнять государственные повинности, главнейшие из которых для коми крестьян были в XVI – XVII вв.: во-первых, служба в вооруженных силах (стрелецкие приказы, полки нового строя); во-вторых, участие в присоединении и освоении Сибири через программы переселения крестьян в Сибирь и снабжения служилых (воинских) людей хлебом; в-третьих, работа по перевозке государственных грузов и пассажиров по Большой Сибирской дороге; в-четвертых, участие в геологических экспедициях. Они также должны были участвовать в работе органов местного самоуправления и государственных таможен и кабаков [6]. В XVIII – XIX вв. государственные крестьяне, кроме уплаты повышенных налогов, должны были служить в армии и участвовать в работе органов местного самоуправления и таможен (до отмены внутренних таможен в середине XVIII столетия). В петровское время они привлекались для выполнения государственных программ, например, для строительства Санкт-Петербурга, Таганрога и других городов [7, 8].

Государство старалось без особой нужды не вмешиваться в образ жизни черносошных крестьян. Однако могло по своему усмотрению отторгнуть у них земли, в основном лесные, без учета того, что там находились охотничьи и рыболовные угодья определенной группы крестьян конкретной волости. Так, во второй половине XVI в. от Перми Вычегодской (будущего Яренского уезда) были отрезаны значительные территории, вошедшие в образованные позднее Кевроло-Мезенский, Пустозерский и Кайгородский уезды. Районы Чердынского уезда в бассейнах рек Обва и Инва были перечислены в Соликамский уезд; в свою очередь, южные районы Соликамского уезда составили территорию Кунгурского уезда [6, с. 41]. В 80-х гг. XVIII в. при проведении Генерального межевания государственных крестьян наделили землей из расчета 15 десятин на одну ревизскую душу, т. е. зафиксированного человека мужского пола вне зависимости от возраста. Излишнюю землю отрезали от волост-

ных земель и включили в состав государственных имуществ. Государство могло изменять статус крестьян. Так, в XVII в. население целой Ленской волости Яренского уезда перевели из разряда черносошных крестьян в разряд владельческих (помещичьих) крестьян, а в 1670-е гг. вернули обратно в разряд черносошных. То же было и в других северных уездах. Например, черносошный Бобинский оброчный стан Хлыновского уезда был передан во владение Вятскому епископу. В начале XVIII в. по просьбе И.Д. Панкратьева население трех Вымских волостей приписали к Сереговскому солеваренному заводу, где они были обязаны заготавливать лес на дрова и выполнять другие работы. Государство могло запретить черносошным и государственным крестьянам покидать свои населенные пункты и волости и переселяться в другие районы страны. И конечно, черносошные и, позднее, государственные крестьяне не могли сами перейти в разряд помещичьих (шире – владельческих), записаться за монастыри и князей церкви. Бывали и другие ограничения, которые могло вводить государство для крестьян, зависящих от него.

Таким, в кратком изложении, представляется структурно и хронологически феодализм в Коми крае в XIV – середине XIX в.

Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Литература

1. *Очерки по истории Коми АССР*. Т.1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978; История Коми с древнейших времен до современности. 2-е издание, исправленное и дополненное. Т. 1. Сыктывкар: Анбур, 2011.
2. *Вычегодско-Вымская (Мисаило - Евтихьевская) летопись* // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958.
3. *Жалованная грамота великого князя Московского Ивана III Васильевича жителям Перми Вычегодской* // Историко-филологический сборник / Коми филиал АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 243.
4. *Архив Санкт-Петербургского института истории РАН*. Коллекция № 153 (А.М. Шегрена). Оп. 1. Д. 25.
5. *Мацук М.А.* Фискальная политика Русского государства и будущее государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар, 2007. 213 с.
6. *Мацук М.А.* Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство восточного Поморья и Приуралья. Сыктывкар, 1998. 671 с.
7. *Жеребцов И.Л.* История Коми с древнейших времен до современности. 2-е издание, ис-

правленное и дополненное. Т. 1. Сыктывкар: Анбур, 2011. С. 229 – 230.

8. *Жеребцов И.Л.* Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 202 – 203.

References

1. *Ocherki po istorii Komi ASSR* [Essays on the history of the Komi ASSR]. Vol.1. Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1955; History of the Komi ASSR from ancient times to the present. Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1978; History of the Komi Republic from ancient times to the present. Edition 2, revised and updated. Vol. 1. Syktyvkar: Anbur, 2011.
2. *Vychegodsko-Vymskaya (Misailo-Evtihievskaya) letopis'* [The Vychegda-Vym (Misailo-Evtihievsky) chronicle] // Historical-philological collection of the Komi Branch, USSR Ac. Sci. Issue 4. Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1958.
3. *Zhalovannaya gramota velikogo knyazya Moskovskogo Ivana III Vasil'evicha zhitelyam Permi Vychegodskoi* [Salary Certificate of the Grand Duke of Moscow Ivan III Vasilyevich to the residents of the Vychegda Perm] // Historical-philological collection / Komi Branch, USSR Ac. Sci. Issue 4. Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1958. P. 243.
4. *Arkhiy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [Archive of St.Petersburg Inst. of History, RAS]. Collection No.153 (of A.M.Shegren). Op. 1. D. 25.
5. *Matsuk M.A.* Fiskalnaya politika Russkogo gosudarstva i buduschie gosudarstvennie krestyane Komi kraya, Severa i Yuga Rossii: obshchee i osobennoe (XVII vek) [Fiscal policy of the Russian state and future state peasants of the Komi region, North and South of Russia: general and special (XVII century). Syktyvkar, 2007. 213 p.
6. *Matsuk M.A.* Fiskalnaya politika Russkogo pravitelstva i chernososhnoe krestyanstvo vostochnogo Pomorya i Priuralya [Fiscal policy of the Russian government and the state peasantry of Eastern Pomorye and Pre-Ural area]. Syktyvkar, 1998. 671 p.
7. *Zherebtsov I.L.* Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of the Komi region from ancient times to the present]. Edition 2, revised and updated. Vol. 1. Syktyvkar: Anbur, 2011. P. 229–230.
8. *Zherebtsov I.L.* Naselenie Komi kraya vo vtoroi polovine XVI–nachale XVIII v. [Population of the Komi region in the second half of the XVI–early XVIII centuries]. Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, 1996. P. 202–203.

Статья поступила в редакцию 09.06.2020

УДК 314.148:316.346.2/.3:311.312(470.13)"1897"
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-33-41

Д.В. ВИШНЯКОВА

**ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА
НАСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ (по материалам
Первой всеобщей переписи населения
Российской империи 1897г.)**

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

vishnyakova_dari@mail.ru

D.V. VISHNYAKOVA

**GENDER AND AGE STRUCTURE
OF THE POPULATION OF THE KOMI REGION
(based on the materials of the First General
Population Census
of the Russian Empire of 1897)**

*Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktывkar*

Аннотация

В статье на основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. проанализирован половозрастной состав жителей Коми края, рассмотрены возрастные пирамиды сельского и городского населения. Выявлен значительный удельный вес детских и юношеских возрастов в структуре населения, приведены показатели медианного возраста, свидетельствующие о «молодости» населения. Исследованы причины и влияние деформации полового состава в различных возрастных группах.

Ключевые слова:

Коми край, перепись 1897 г., половозрастная структура, пирамида, население

Abstract

The paper deals with the gender and age structure of the population of the Komi region at the end of the 19th century. The study area included Ust-Sysolsk and Yarensk uyezds of the Vologda province with the uyezd towns of Ust-Sysolsk and Yarensk, as well as Pechora uyezd of the Arkhangelsk province. The source was the first General population census of the Russian Empire of 1897. According to the 1897 census, the total population was dominated by women. The greatest prevalence of the female population over the male one was observed in Ust-Sysolsk uyezd in the age groups of 20-29 and 30-39 years. The predominance of the female population in the main working age groups was associated with the outflow of men to other regions. This affected the dynamics of the population, its gender, age, and labor structure. In 1897, the age structure of the inhabitants of the Komi region was characterized by a high proportion of children and youth age groups. The proportion of people under the age of 20 was about half of the total population. Further, the population declined sharply, and this trend was more pronounced among the male population. Thus, a model of population with high birth rate and low life expectancy was observed. The presence of a significant proportion of children and young people ensured the maintenance of the number and expanded reproduction, but on the other hand, increased the demographic load indicators.

Keywords:

Komi region, 1897 census, gender and age structure, pyramid, population

Половозрастная структура – одна из базовых характеристик населения, она не только несет в себе информацию об основных демографических процессах предыдущего времени, но и в свою очередь, существенно влияет на величину демографических явлений, процессы естественного движения и брачности населения. В предлагаемой статье рассматривается половозрастная структура населения Коми края в конце XIX в. К изучаемой территории были отнесены Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии с уездными городами

Усть-Сысольск и Яренск, а также Печорский уезд Архангельской губернии. В составе жителей исследуемой территории в указанное время преобладало коми население. В двух уездах, Усть-Сысольском и Яренском, коми составляли 84,4%, русские – 15,5%, в Печорском уезде коми насчитывали 62,8%, русские – 29,2, ненцы – около 8% [1, с.7]. Источником, содержащим наиболее полную информацию по описываемой проблеме, послужила Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [2]. Она позволила установить численность населения, его состав, соотношение мужского и женского населения, определить их возрастную структуру и др.

Половозрастная структура восточно-финских народов России, в том числе и коми, изучалась С. Лаллука [3]. Половозрастной состав населения Европейского Севера России второй половины XIX – начала XX в. рассматривался в исследованиях Д.И. Пинаевского [4]. Также вопрос возрастной структуры сельского населения Коми края был затронут в коллективной монографии «Сельское население Коми в середине XIX – XX вв. : расселение, состав, численность» [1]. На основании данных переписи 1897 г. проанализирована структура населения отдельных регионов по полу и возрасту [5–8]. Вопрос половозрастной структуры населения Коми края является весьма важным среди проблем историко-демографического развития региона и требует особого внимания исследователей.

В конце XIX – начале XX в. в России происходили значительные экономические, социальные и демографические перемены. Рост населения в целом, увеличение темпов его прироста, переселения жителей из сельской местности в города – все это вело не только к повышению численности городов, но также и к изменениям в сословной, возрастной и трудовой структуре населения. Разнообразие демографических и социально-экономических процессов, протекавших на обширной территории Российской империи, обуславливало формирование ре-

гиональных особенностей возрастной структуры населения.

Основные характеристики состава населения по полу на изучаемой территории приведены в табл. 1. К ним относятся показатели абсолютной численности мужчин и женщин, наличие перевеса в численности полов, удельный вес мужчин и женщин в общей численности населения, гендерные соотношения (в данной работе – число женщин на 1000 мужчин).

По материалам переписи 1897 г. территориальные различия гендерной пропорции были ощутимы. В Коми крае наблюдался значительный женский перевес в общей численности населения. Наибольшими показателями в соотношении численности женщин к числу мужчин характеризовался Усть-Сысольский уезд, затем следовали по убыванию Яренский и Печорский уезды. Самые выровненные показатели в удельном весе мужчин и женщин в общей численности населения были зафиксированы в г. Яренске (49% муж. и 51% жен.), в г. Усть-Сысольске удельный вес женщин в общей численности населения был выше (47% муж. и 53% жен.). В 1897 г. в Российской империи на 1000 мужчин приходилось 1011 женщин, при том, что в Европейской части Российской империи показатель был выше – 1042 женщины [9]. В Архангельской губернии на 1000 мужчин приходилось 1116 женщин, в Вологодской – 1111. В городском населении Архангельской губернии превышение численности женщин над численностью мужчин было незначительным (на 1000 мужчин – 1020 женщин). В городском населении Вологодской губернии в среднем мужское население незначительно преобладало над женским (на 1000 мужчин – 994 женщины) [4, с.142, с.145, с.147]. Лаллука отмечает, что соотношения численности полов у восточно-финских национальностей по переписи 1897 г. обладали более высокими пропорциями в сравнении с общественными показателями. Среди восточно-финских народов России коми характеризовались наиболее значитель-

Таблица 1

Состав населения Коми края по полу в 1897 г.

Table 1

The population of the Komi region by gender in 1897

Уезд, город	Численность населения, чел.			Женский перевес, чел.	Число женщин на 1000 мужчин	Удельный вес мужчин, % ко всему населению
	Всего	В том числе:				
		Муж.	Жен.			
Сельское население						
Усть-Сысольский уезд	85376	38977	46399	7422	1190	45,6
Яренский уезд	44839	21131	23708	2577	1122	47,1
Печорский уезд	34992	16753	18239	1486	1088	47,9
Всего по уездам	165207	76861	88346	11485	1149	46,5
Городское население						
г.Усть-Сысольск	4464	2103	2361	258	1122	47,1
г. Яренск	993	487	506	19	1039	49,0
Всего по городам	5457	2590	2867	277	1107	47,5
Всего по Коми краю						
Итого	170 664	79 451	91 213	11 762	1148	46,6

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. I. Архангельская губерния: Тетр.1. СПб., 1899; VII. Вологодская губерния: Тетр. 1. СПб., 1901.

ным дефицитом мужчин. Для этнической группы гендерный состав имеет важное значение, ибо он является одним из факторов, определяющих широту возможности выбора брачного партнера внутри своей собственной группы [3, с.173, с.175].

На состав населения по полу и возрасту оказывают влияние такие факторы, как соотношение между числом родившихся мальчиков и девочек, различия в смертности мужчин и женщин, миграционные процессы, потери населения в войнах. На каждые 100 девочек рождается в среднем 104–105 мальчиков. Однако вследствие более высокой, как правило, смертности лиц мужского пола к зрелым возрастам, соотношение мужчин и женщин постепенно выравнивается, а в старших возрастах начинают численно преобладать женщины [10]. Материалы (см. рисунки 1 и 2) показывают число женщин, приходящихся на 100 мужчин в отдельных возрастных группах сельского населения уездов и городского на рассматриваемой территории в 1897 г. Диаграммы наглядно отображают деформацию полового состава, усиливающуюся в более зрелых возрастах. Если рассматривать соотношение мужского и женского населения по возрастным группам, то можно отметить, что в целом по краю в младших возрастах соотношение полов находилось в пределах нормы, но уже начиная с возраста от 10 лет численность лиц мужского пола по отношению к женскому снижалась. Наибольшее превалирование женского населения над мужским наблюдалось в Усть-Сысольском уезде. В возрастных группах 20–29 и 30–39 лет дисбаланс в численности полов среди сельского населения уезда был самым значительным. Такой перевес женского населения в основных трудоспособных возрастах связан с оттоком мужчин в другие регионы, развитием внеземледельческих занятий, участием в отхожих промыслах. Отход, безусловно, влиял на динамику народонаселения, его половозрастную и трудовую структуру. В разных сельских обществах уезда отход был развит по-разному: по данным документов конца XIX – начала XX в., от 0,4 до 25,6% всего населения различных сельских обществ Усть-Сысольского уезда приобретали паспорта для отхода [11]. В Яренском уезде соотношения полов по возрастным группам были меньше, чем по Усть-Сысольскому уезду, тем не менее тоже достаточно высокие. В Яренском уезде преобладание числа женщин над своими ровесниками было наибольшим в возрастной группе 20–29 лет, что также связано с оттоком молодого трудоспособного мужского населения. По сравнению с центральными и южными районами Коми края, в волостях Печорского уезда отход крестьян был менее распространен, но и здесь наблюдался численный перевес женщин в группе 20–29 лет. Постепенное увеличение разницы в соотношении полов после 50-летнего возраста уже было связано с другими причинами, более ранней смертностью мужчин.

Рассматривая городское население по возрастным группам и полу (рис.2), можно отметить, что в Усть-Сысольске в самой младшей возрастной группе соотношение полов было практически

равным. В следующей категории наблюдался перевес мужского населения. А затем во всех остальных возрастных группах численность женщин преобладала. Наибольшая разница в дисбалансе полов проявлялась в возрасте от 30 лет. Во всех трудоспособных возрастах существенно превалировало женское население, что было связано в значительной степени с уходом мужчин данных возрастов на заработки. В г. Яренске мужское население преобладало в двух возрастных категориях: 20–29 лет (причем в два раза) и 40–49 лет. В старших возрастных группах наблюдалось значительное увеличение удельного веса женщин. Сам г. Яренск не являлся центром притока населения извне, о чем свидетельствуют материалы о временно присутствующих.

Перевес численности женского населения влиял не только на трудовую, но и на брачную структуру. Из материалов рисунков 1, 2 видно, что в основных брачных возрастах наблюдался определенный дисбаланс полов в сторону превалирования женского населения. Ситуация на «брачном рынке» для невест была не столь выигрышна, как для женихов. Выраженный дефицит мужского населения во всех возрастных группах от 20 лет определенным образом сказывался на асимметрии брачного статуса [12].

Материалы переписи 1897 г. дают группировку населения по 10-летним возрастным рядам. В табл. 2 приведены данные об удельном весе каждой возрастной группы в общей численности населения.

Удельный вес самой младшей возрастной группы (0–9 лет) в сельском населении был выше, чем в городском. Из всех уездов наибольшая доля жителей данной возрастной категории наблюдалась в Усть-Сысольском уезде. Удельный вес жителей в следующих возрастах (10–19 лет) был примерно одинаковым по всем трем уездам. В Усть-Сысольске доля лиц этой категории была несколько выше, чем в сельской местности, а в Яренске чуть ниже. Удельный вес населения в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет, т.е. в молодых трудоспособных возрастах, был примерно одинаковым по уездам края и в г. Усть-Сысольске. На всей исследуемой территории наибольшая доля населения молодого трудоспособного возраста отмечалась в Яренске. Также в городском населении по сравнению с сельским процент жителей в более зрелых возрастах, начиная от 60 лет, был немного выше.

Общегубернские показатели выглядят следующим образом: население в возрасте до 10 лет и 10–19 лет в сельской местности составляло в Архангельской губернии 26,9 и 21,5%, в Вологодской – 27,3 и 22,8%. В городском населении Архангельской губернии в тех же возрастных группах 18,6 и 21,2%, в Вологодской – 19,2 и 21,1% соответственно. В то же время удельный вес наиболее работоспособного возраста (20–39 лет) составил в целом в городах Архангельской губернии – 34,5, Вологодской – 32,3%, а в сельской местности – 25,7 и 28% [4, с.153]. Сопоставляя погубернские данные с имеющимися материалами по Коми краю, можно отметить, что доли младшей и юношеской возрастных групп в сельской местности были примерно

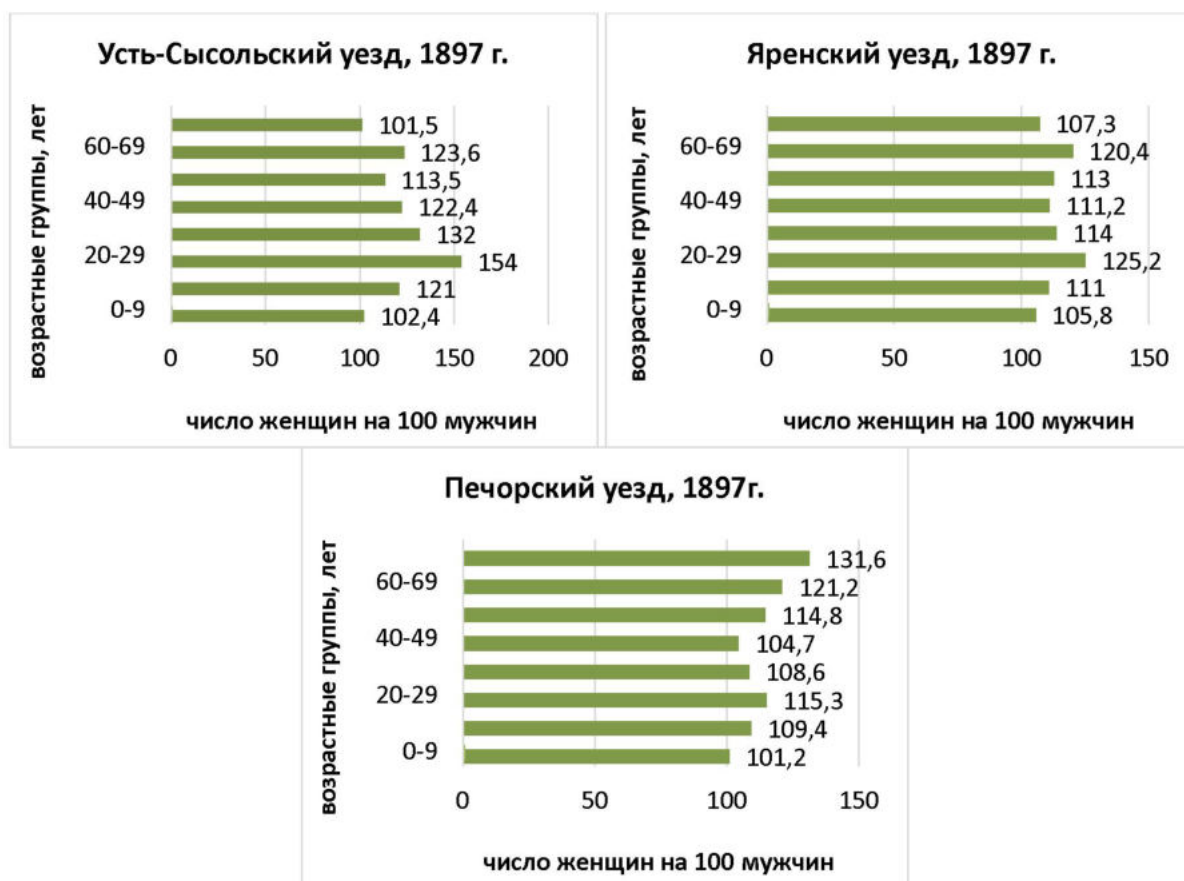

Рис.1. Соотношение численности мужчин и женщин по возрастным группам (число женщин на 100 мужчин соответствующей возрастной группы): сельское население Коми края, 1897 г.

Fig.1. Ratio of men and women by age groups (number of women per 100 men of the corresponding age group): rural population of the Komi region, 1897.

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. I. Архангельская губерния: Тетр.1. СПб.,1899; VII. Вологодская губерния: Тетр. 1. СПб.,1901.

Рис.2. Соотношение численности мужчин и женщин по возрастным группам (число женщин на 100 мужчин соответствующей возрастной группы): городское население Коми края, 1897 г.

Fig. 2. Ratio of men and women by age groups (number of women per 100 men of the corresponding age group): urban population of the Komi region, 1897.

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. VII. Вологодская губерния: Тетр. 1. СПб.,1901.

Таблица 2

Распределение населения Коми края по возрастным группам в 1897 г., %

Table 2

Distribution of the population of the Komi region by age groups in 1897, %

Возрастные группы	Удельный вес, % к общей численности населения				
	Уезды			Города	
	Усть-Сысольский	Яренский	Печорский	Усть-Сысольск	Яренск
0–9 лет	31,2	28,6	27,5	25,8	21,7
10–19 лет	21,8	22,5	22,6	24,4	20,2
20–29 лет	14,3	14,6	14,6	15,2	19,0
30–39 лет	10,6	11,4	11,4	10,4	14,7
40–49 лет	8,9	9,8	9,6	9,2	7,8
50–59 лет	6,5	6,4	6,5	5,7	7,4
60–69 лет	4,1	4,3	4,6	5,9	5,4
70 и старше	2,6	2,4	3,2	3,4	3,8
Итого:	100	100	100	100	100

Источники: Те же, что и к табл.1.

одинаковые, но по Коми краю чуть выше. Доли же молодого трудоспособного населения сельской местности края были существенно ниже, чем в целом среди сельского населения двух приведенных губерний. В среднем по городскому населению губерний доля лиц в возрастных группах до 20 лет была ниже, чем в Усть-Сысольске и Яренске. А удельный вес городских жителей двух губерний в целом в возрастных группах 20 – 39 лет значительно превосходил аналогичные показатели в рассматриваемых городах края. Таким образом, в связи с большим удельным весом детских и юношеских групп в возрастных структурах Усть-Сысольска и Яренска, их население в конце XIX в. было более «молодым», чем в среднем все городское население Архангельской и Вологодской губерний. Однако доля лиц в молодых трудоспособных возрастах по данным двух городов была ниже, чем в среднем по городам губерний, что, по всей видимости, являлось следствием значительного оттока работоспособной части жителей на другие территории.

Используя графическое изображение пирамиды (см. рисунок 3,4), мы можем представить наглядно половозрастную структуру населения за изучаемый период. По вертикальной оси возрастной пирамиды отсчитывается возраст. Численность половозрастных групп изображается прямоугольниками, располагаемыми один над другим (в порядке нарастания возраста): слева – для мужчин, справа – для женщин. Высота прямоугольника равна величине возрастного интервала, длина соответствует численности. Длина прямоугольной горизонтальной полосы зависит от действия трёх факторов: от численности поколений при рождении, от сокращения населения за счет смертности и от миграций населения. На рисунках 3 и 4 представлены половозрастные пирамиды сельского и городского населения Коми края за 1897 г., которые отражают прогрессивный тип структуры населения. Согласно классификации Г.Зунберга, возрастная структура населения может быть поделена на три поколения: дети, родители и прародители. При прогрессивном типе возрастной структуры удельный вес детей превышает удельный вес прародителей, тем самым осуществляется расширенное воспроизводство [10,

с.94]. В 1897 г. для возрастной структуры жителей Коми края была характерна высокая доля детских и юношеских возрастных групп. Удельный вес лиц в возрасте до 20 лет составлял около половины от общей численности населения. Далее, как видно из представленных половозрастных пирамид (за исключением показателей по г. Яренску для группы 20–29 лет), численность населения резко сокращалась, при этом данная тенденция среди мужского населения была выражена в большей степени. В более старших возрастных группах численность населения продолжала снижаться. Таким образом, наблюдалась модель населения с высокой рождаемостью и низкой продолжительностью жизни.

По данным переписи 1897 г. были также вычислены модальный и медианный возраст населения сельской и городской местности Коми края (табл. 3). Медианный возраст делит население на две равные части – моложе и старше данного возраста. Модальный возраст – возраст, наиболее часто встречающийся в изучаемой совокупности населения.

При рассмотрении медианного возраста населения Коми края отчетливо видно, что население было молодым. Характерная для традиционного режима воспроизводства высокая рождаемость обеспечивала значительную долю детей в возрастной структуре населения и низкий медианный возраст. Имевшийся некоторый отток рабочей силы из Усть-Сысольского уезда, возможно, влиял на больший удельный вес детских возрастов в структуре населения и более низкие показатели медианного возраста. Так, самое молодое население проживало в Усть-Сысольском уезде, затем шли по возрастанию Яренский и Печорский. Показатель медианного возраста горожан Усть-Сысольска был близок к аналогичному показателю у сельских жителей. Медианный возраст населения г. Яренска отмечался наиболее высоким, но также свидетельствовал о «молодости» населения. Соответственно, наиболее часто встречающийся возраст в изучаемом населении был достаточно юным и составлял около 8–9 лет.

Высокий удельный вес детских возрастов в общей структуре населения определял характер демографической нагрузки. Для ее подсчета в демографической науке принято применять коэффициент

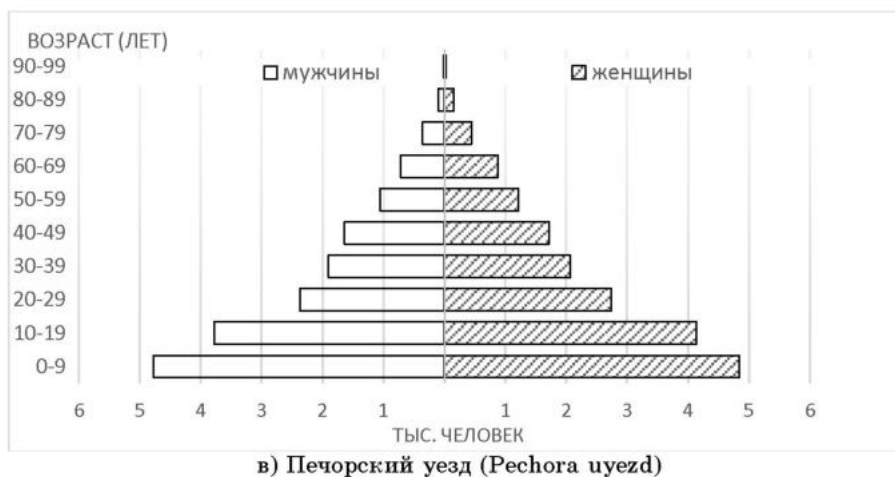
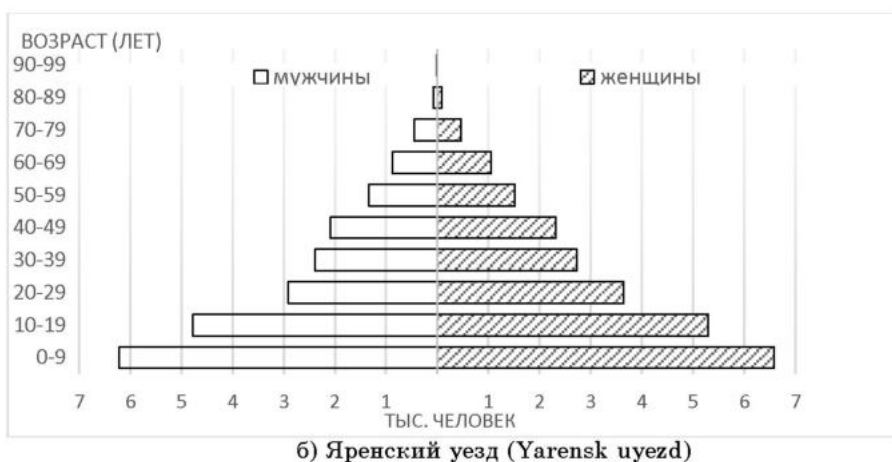
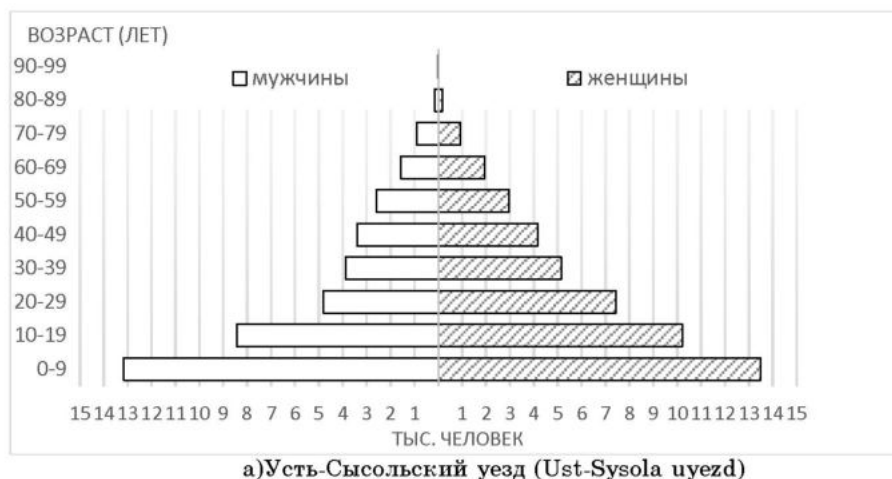

Рис.3. Половозрастная структура сельского населения Коми края по переписи 1897г.:
Усть-Сысольский, Яренский, Печорский уезды.

Fig. 3. Gender and age structure of the rural population of the Komi region according to the census of 1897: Ust-Sysolsk, Yarensk, Pechora uyezds.

Источники: Те же, что и к рис.1.

ты общей нагрузки, нагрузки детьми и нагрузки пожилыми. Данный показатель выводится путем соотношения числа лиц нетрудоспособного возраста на 1000 (или 100) человек трудоспособного. Т.е. общая демографическая нагрузка – это соотношение числа потенциальных иждивенцев (детей и пожилых людей) к числу потенциальных работников. Общая

демографическая нагрузка при традиционном режиме воспроизводства населения находилась на очень высоком уровне и почти полностью определялась нагрузкой детьми. На основании переписи 1897г. нами произведены расчеты демографической нагрузки по Коми краю. На 100 человек трудоспособного возраста приходилось нетрудоспособно-

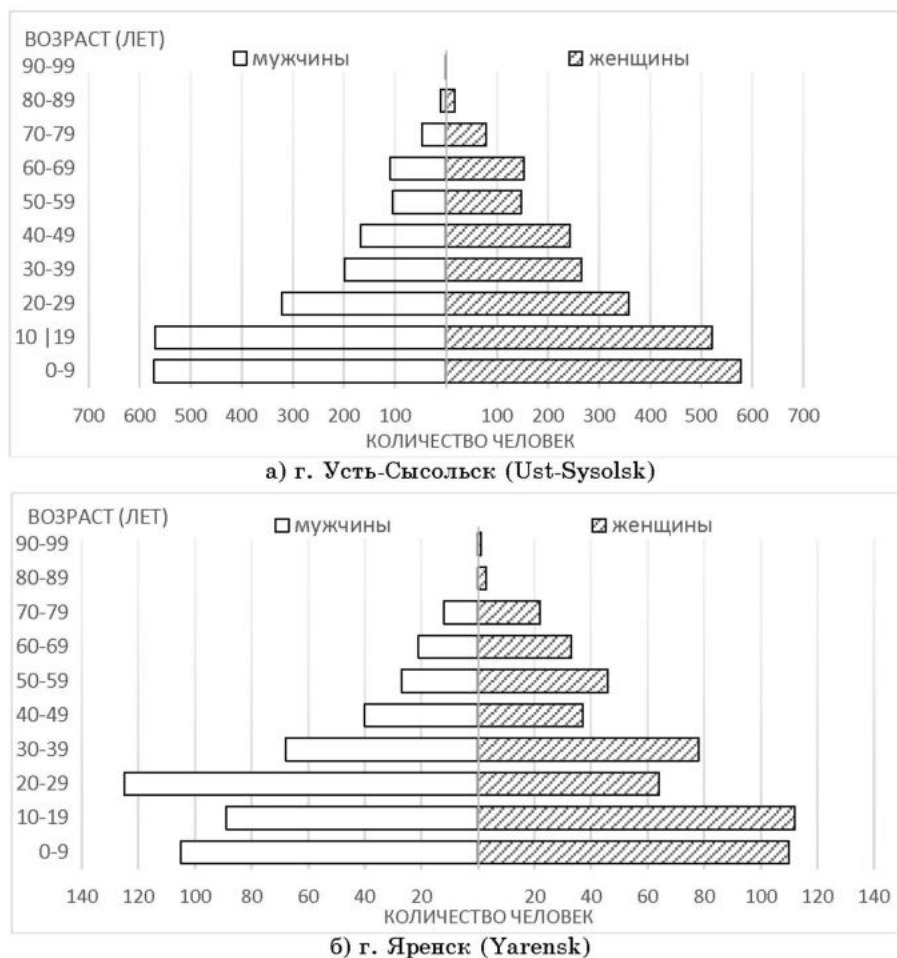

Рис.4. Половозрастная структура городского населения Коми края по переписи 1897г.: г.Усть-Сысольск, г. Яренск.

Fig. 4. Gender and age structure of the urban population of the Komi region according to the census of 1897: Ust-Sysolsk, Yarensk.

Источники: Те же, что и к рис.2.

го населения по Усть-Сысольскому уезду 124, из которых 106 – были лица моложе рабочего возраста и 18 – пожилых, по Яренскому уезду – 113 человек (96 детей и 17 пожилых), по Печорскому уезду – 110 человек (90 детей и 20 пожилых). По г. Усть-Сысольску на 100 лиц в рабочем возрасте доводилось 120 в нерабочих возрастах (96 детей и 24 пожилых), по г. Яренску – 89 человек (68 детей и 21 пожилой). В среднем по Российской империи в 1897 г. на 100 человек трудоспособного возраста приходилось 95

нетрудоспособного, нагрузка детьми составляла 77 человек, пожилыми – 18.

Таким образом, в Коми крае во всех его уездах демографическая нагрузка превышала общероссийские показатели [13].

Анализ половозрастной структуры населения Коми края по данным переписи 1897 г. показал ее традиционный характер: преобладание в составе удельного веса детей и подростков, лиц молодых взрослых возрастов. Выявленный дисбаланс полов

Таблица 3

Медианный и модальный возраст населения Коми края по данным переписи 1897 г., лет

Table 3

Median and modal age of the population of the Komi region according to the 1897 census, years

Возраст	Сельское население			Городское	
	Усть-Сысольский уезд	Яренский уезд	Печорский уезд	г. Усть-Сысольск	г. Яренск
Медианный	18,6	19,5	20	20	24,3
Модальный	7,7	8	8,5	9	9

Источники: Те же, что и к табл.1.

и уменьшение доли мужского населения, начиная с возрастных групп от 20 лет и старше, в некоторой степени были связаны с увеличением миграционной активности, отходничеством. Образовавшаяся симметрия полов снижала долю мужчин трудоспособных возрастов и повышала удельный вес женского населения данной категории, изменяя трудовую структуру. Также дисбаланс в численности полов оказывал влияние на широту брачного выбора и в конечном итоге брачную структуру населения. С одной стороны, наличие значительного удельного веса детского и молодого населения обеспечивало поддержание и расширенное воспроизводство численности, а с другой, увеличивало показатели демографической нагрузки.

Литература

1. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005. 220 с.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. I. Архангельская губерния: Тетр.1. СПб., 1899; VII. Вологодская губерния: Тетр. 1. СПб., 1901.
3. Лаллукка Сеппо. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. 390 с.
4. Пинаевский Д.И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. канд. истор. наук. Сыктывкар, 1999. 235 с.
5. Ахтямова А.В. Состав и структура занятости населения города Стерлитамак Уфимской губернии (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. № 4. С.35–40.
6. Бадов А.Д. Половозрастная структура населения Северной Осетии в 1897 и 2010 гг.: сравнительный анализ // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Т.14. № 3. С. 43–46.
7. Васина Т.А. Пудемский завод в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 57–61.
8. Васина Т.А. Песковский завод в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 4 (16). С. 83–90.
9. Дмитриева Ю.В., Таюнова О.А. Половозрастная структура как фактор воспроизводства населения России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2013. №6. С.86.
10. Харченко Л.П. Демография : учеб. пособие для студентов ВУЗов. М., 2009. С.89.

11. Мацук А.М. Отход крестьян Усть-Сысольского уезда в конце XIX – начале XX в.: основание, направления, количественные показатели // Историческая демография. 2010. № 2 (6). С. 24.
12. Вишнякова Д.В. Брачная структура населения европейского Северо-Востока России в конце XIX в. // Демографическая история России и регионов. Межрегиональный научный сборник. Выпуск 2: Динамика численности городского и сельского населения России. Сыктывкар, 2018. С.32.
13. Вишнякова Д.В. Трудовая структура населения Коми края в конце XIX – начале XX века // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С.46. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 72).

References

1. Zherebtsov I.L., Fauzer V.V., Rozhkin E.N., Vishnyakova D.V. Sel'skoye naseleniye Komi v serebine XIX– XX veke: rasseleniye, sostav, chislennost' [Rural population of Komi in the middle of the XIX–XX centuries: settlement, composition, number]. Syktyvkar, 2005. 220 p.
2. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [The first general census of the population of the Russian Empire of 1897] / Central statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs; Ed. N.A. Troinitsky. Vol.I. Arkhangelsk province: Workbook 1. St.Petersburg, 1899; Vol.VII. Vologda province: Workbook 1. St.Petersburg, 1901.
3. Lallucca Seppo. Vostochno-finskiye narody Rossii: Analiz etnodemograficheskikh protsessov [East Finnish peoples of Russia: Analysis of ethno-demographic processes]. St. Petersburg, 1997. 390 p.
4. Pinayevsky D.I. Narodonaseleniye Evropeyskogo Severa Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Population of the European North of Russia in the second half of the XIX–early XX centuries]: Diss... Cand. Sci. (History). Syktyvkar. 235 p.
5. Akhtyamova A.V. Sostav i struktura zanyatosti naseleniya goroda Sterlitamak Ufimskoy gubernii (po materialam Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g.) [Composition and structure of employment of the population of the town of Sterlitamak, Ufa province (based on the materials of the First General Population Census of 1897)] // Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya [From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region]. 2017. № 4. P. 35–40.
6. Badov A.D. Polovozrastnaya struktura naseleniya Severnoy Osetii v 1897 i 2010 gg.: sravnitel'nyy analiz [Gender and age structure of the population of North Ossetia in 1897

- and 2010: a comparative analysis] // Bull. of the Vladikavkaz Sci. Center. 2014. Vol. 14. № 3. P. 43–46.
7. *Vasina T.A.* Pudemskiy zavod v materialakh Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [Pudem plant in the materials of the First General Population Census of the Russian Empire of 1897] // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2016. № 2 (64). P. 57–61.
8. *Vasina T.A.* Peskovskiy zavod v materialakh Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [Peskov plant in the materials of the First General Population Census of the Russian Empire of 1897] // Bull. of Orenburg State Pedagog. Univ. Electronic sci. journal. 2015. № 4 (16). P. 83–90.
9. *Dmitrieva Yu.V., Tayunova O.A.* Polovozrastnaya struktura kak faktor vosпроизводства naseleniya Rossii [Gender and age structure as a factor of population reproduction in Russia] // Sci. Review. Series 1: Economics and Law. 2013. № 6. P. 86.
10. *Kharchenko L.P.* Demografiya: uchebnoe posobiye dlya studentov vuzov [Demography: textbook for university students]. Moscow, 2009. P. 89.
11. *Matsuk A.M.* Otkhod krest'yan Ust'-Sysolskogo uyezda v kontse XIX – nachale XX v.: osnovaniye, napravleniya, kolichestvennyye pokazateli [The departure of the peasants of the Ust-Sysolsk district in the late XIX–early XX centuries: reasons, directions, quantitative indicators] // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. 2010. № 2 (6). P. 24.
12. *Vishnyakova D.V.* Brachnaya struktura naseleniya evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii v kontse XIX v. [The marriage structure of the population of the European North-East of Russia at the end of the 19th century] // Demographic history of Russia and regions. Interregional sci. collection. Issue 2: Dynamics of the urban and rural population of Russia. Syktывkar, 2018. P. 32.
13. *Vishnyakova D.V.* Trudovaya struktura naseleniya Komi kraya v kontse XIX – nachale XX veka [Labor structure of the population of the Komi region in the late XIX–early XX century] // Industrializatsiya Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposoby osushchestvleniya i vliyaniye na sotsial'no-ekonomicheskoye, politicheskoye, etnodemograficheskoye i kul'turnoye razvitiye regiona [Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, methods of implementation and impact on the socio-economic, political, ethno-demographic and cultural development of the region]. Syktывkar, 2013. P. 46. (Proc. of the Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS; Issue 72).

Статья поступила в редакцию 03.08.2020

УДК 21(=512.157)
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-42-46

Д.Г. БРАГИНА

О ЯВЛЕНИЯХ ТЕНГРИАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЯКУТОВ

*Академия наук
Республики Саха (Якутия),
г. Якутск*

filial_spgucat@mail.ru

D.G. BRAGINA

ON THE PHENOMENA OF TENGRI IN MODERN YAKUT CULTURE

*Academy of Sciences
of the Republic of Sakha (Yakutia),
Yakutsk*

Аннотация

В настоящей статье обращается внимание на научно-исследовательский интерес к универсальному феномену тенгри, актуальность определения якутского культа Айыы Тангара в системе тенгрианства как феномена Евразийской мегацивилизации. Известный якутовед Н.А.Алексеев в результате анализа обширного материала выделяет такие формы религии, как существование у якутов южного по происхождению культа божеств айыы, а также самостоятельного кузнечного культа, восходящего к тюрко-монгольскому миру. Рассматриваются явления языческой культуры, органично сосуществующие в современной бытовой культуре якутов.

Ключевые слова:

тенгри, Айыы, кузнечный культ, традиционные религиозные верования, тюркоязычные народы

Abstract

The paper draws attention to the research interest in the universal phenomenon of Tengri, the relevance of defining the Yakut cult of Aiyy Tangar in the Tengrianism system as a phenomenon of Eurasian mega-civilization. The well-known Yakut scholar N.A. Alekseev, as a result of the analysis of extensive material, identifies such forms of religion as the existence of the cult of Aiyy deities of southern origin among the Yakuts, as well as an independent blacksmith cult dating back to the Turkic-Mongol world, etc. The author examines the phenomena of pagan culture that organically coexist in the modern everyday culture of the Yakuts.

Keywords:

Tengri, Aiyy, blacksmith cult, traditional religious beliefs, Turkic-speaking peoples

В настоящее время феномен тенгри как явление неоязычества все больше привлекает исследователей [1]. У якутоведов научно-исследовательский интерес к универсальному феномену тенгри вызван и тем, что в современных условиях становится важным постановка методологических проблем изучения тенгрианства в Якутии. Актуальным становится определение якутского культа Айыы Тангара в системе тенгрианства, роль и место якутского тенгрианства в системе тенгрианства как феномена Евразийской мегацивилизации.

Одним из первых, обративших внимание на проблемы тенгри, был известный исследователь религиозных верований тюркоязычных народов Сибири Н.А.Алексеев [2]. В результате обобщения и анализа обширного материала он выделил такие формы религии, как существование у якутов южного по происхождению культа божеств айыы, а также самостоятельного кузнечного культа, восходящего к тюрко-монгольскому миру и т.д. В 70–80-х гг. XX в. в результате своих исследований Н.А. Алек-

сеев приходит к выводу о существовании общих параллелей в традиционных культурах у якутов и тувинцев. Данный комплекс сформировался в условиях длительного предшествующего времени сложения тюркоязычных племен на территории Саяно-Алтайского нагорья, начиная со скифо-сибирской археологической культуры [3, с.86]. Ученый считает, что в прошлом культ божеств айыы известный как «белое шаманство» был связан с наиболее важными сторонами жизни якутов, это с жизнью рода и племени (культ богини Айыысыт) и со скотоводством — основным занятием якутов. А.Н. Алексеев отмечает, что главным из божеств айыы был Юрюнг Айыы тойон (Светлый создатель господин), живущий на девятом небе и являющийся создателем Вселенной, творцом душ людей, рогатого скота и пр. В XIX в. все верующие якуты называли себя айыы джоно (народ или люди айыы). По якутским преданиям якуты проводили обряд кыйдаа, в процессе которого в жертву Юрюнг Айыы тойону приносили лошадей. К концу XIX в. образ Юрюнг Айыы тойона стал забываться и только единственным случаем, когда якуты обращались к нему, был праздник Ысыах. Этот праздник, ставший национальным, широко отмечается в республике и в настоящее время.

По материалам Н.А. Алексеева из остальных божеств айыы наиболее почитаемыми в конце XIX в. были Хотой айыы (Орел айыы); Исэргэй Айыысыт — богиня-покровительница рогатого скота, Джэсэргэй тойон — божество-покровитель коневодства, Нэлбэй Айыысыт — богиня, способствовавшая деторождению. Божества объединяли общим названием айыысыт: Нэлбэй Иэйиэхсит — айыысыт человека, Джэсэргэй Иэйиэхсит — айыысыт конного скота, Исэргэй Иэйиэхсит — айыысыт коров и Норулуйа Иэйиэхсит — айыысыт собак. Айыысыт человека называли Ахтар Айыысыт (Вспоминаящая Айыысыт), или Налыгыр Айыысыт (Степенная Айыысыт), или Нэлбэй Айыысыт (Рассевающаяся Айыысыт); айыысыт рогатого скота — Исэргэй Иэйиэхсит (Добродетельная Иэйиэхсит); айыысыт собаки — Норулуйа. К числу айыы якуты причисляли также бога грома, который имел несколько имен: Аан Джаасын, Джаа Буурай, Орой Буурай, Буурай Дохсун, Уордаах Джаабыл, Сюн Джаасын, Сюррдээх Киэптээх, Сюэ Буурай тойон.

К числу божеств айыы относится также Илбис Хаан или Илбис кыыс и Осол уол — духи или боги кровожадности и войны, боги брани. Анализ сведений о божествах айыы позволил показать, что в них отражена родоплеменная организация предков якутов. Так, имена и титулы якутских духов объясняются из общетюркской социальной терминологии: тойон — господин (древнетюркское тойун — монах, буддийский священник), хотун — госпожа (тюркское — знатная женщина; монгольское — царица, знатная жена; бурятское — жена знатного человека), хан — высший (тюркское — князь, царь, хан; монгольское — царь, монарх; бурятское — князь), дархан — важный; тюркское — привилегированное сословие.

Как известно, кузнечное мастерство играло заметную роль в жизни якутов еще до прихода рус-

ских. По представлениям якутов, кузнец стоял близко к шаману. Кузнецы, так же как и шаманы, имели своего духа-покровителя — Кыдай-Бахсы, дающего людям дар кузнечества. Он обитал в подземном мире и был главой одного из восьми родов подземных духов.

Как мы видим, по представлениям якутов, дар кузнечного мастерства человек получал от Кыдай-Бахсы и ему, которому было суждено стать настоящим кузнецом, предстояло пройти через этап болезней и страданий. Считалось, что от болезни можно излечиться, но только пройдя обряд посвящения, который заключался в принесении жертвы духу-покровителю, через испытания и определения силы кузнеца. С момента посвящения человек считался настоящим кузнецом. Это занятие становилось наследственным правом его потомков. Н.А.Алексеев приходит к выводу, что культ кузнецов был своеобразной самостоятельной формой религии якутов и требует дополнительного и тщательного исследования. И в настоящее время кузнечное ремесло широко бытует среди якутов.

Важным моментом в контексте феномена тенгри является то, что в своих научных трудах Н.А.Алексеев находит общее, обусловленное взаимосвязанностью этногенеза якутов и бурят, в их религиозном восприятии неба, солнца, луны, звезд. «Почитание неба — древнее явление. Небу поклонялись хунну и уйгуры. Термин тэнгри — божественное небо, бог-небожитель — был известен всем тюрко-монгольским народам уже в VI—VIII вв. Монголоведы высказывали мнение о самостоятельности возникновения культа 99 тэнгриев у древних монгольских племен в I тыс. до н.э. На одном из этапов эволюции религиозных представлений о небе буряты и монголы считали Вечное Синее Небо (Хюхэ Мюнхэ-тэнгри) верховным существом. Аналогичные верования бытовали у части алтай-кижи. Так, шаман Мерей из рода тангды назвал высшим божеством, творцом неба и земли Кеге Менкеадазы (Синее Вечное Небо). Реликты почитания этого божества сохранялись у якутов. В их фольклоре упоминается Кюех Мэнгэ-халлаан (Вечное Синее Небо)» [3, с.252].

В постсоветский период в мировоззрение некоторой части населения восстанавливается и постепенно входит религиозная составляющая. Согласно традиционному мировоззрению якутов, человек является частью природы. Одной из универсальных концепций, встречаемых в традиционных культурах, является образ Мирового дерева, как мифологическая модель космоса, наделённая сакральными образами. Как известно, в мировоззрении якутов также особое место занимает Аал Кудук масс. По представлениям якутов это Мировое дерево растёт в центре Вселенной снизу вверх и связывает все три её мира воедино. В настоящее время Аал Кудук масс как структурный элемент системы традиционной культуры довольно устойчиво входит в мироздание якутов. Например, этот символ занимает центральное место на национальном празднике Ысыах, при этом, как показывает практика, в каждом улусе данный символ при его установке имеет свои особенности и представления. В

героическом эпосе якутов – Олонхо – говорится о временах сотворения трёх мифологических миров, средний из которых предназначен для человеческого рода, эпического племени людей Айыы аймага, ему покровительствуют добрые божества Айыы, живущие в Верхнем мире, и духи-хозяева – иччи, обитающие в Среднем мире. Сегодня этнокультурная ситуация позволяет утверждать, что в основе возрождения элементов традиционного мировоззрения якутов во многом лежит героический эпос Олонхо, ставший символом традиционной культуры народа саха. Мифологическим персонажем олонхо является Юрюнг Айыы Тойон – главный покровитель племени Айыы аймага, прародитель (дед, отец), родоначальник племени людей ураангхай саха. Предком ураангхай саха считается божество Кюрюё (Кюн) Джэсёгёй, дарующее людям лошадей. Племена Среднего мира находятся под покровительством божеств Изийхсит и Айыысит, способствующие рождению людей и размножению домашних животных, им помогают духи-хозяева – иччи, живущие в Среднем мире. С мифологическими персонажами, относящимися к абаасы и обитающие в Нижнем и Верхнем мирах, их образы связаны отчасти с представлениями о враждебных иноплеменниках [4, с.9]. В сюжетном составе якутского героического эпоса к первой группе сказаний относятся сказания об отверженных потомках божеств Айыы, изгнанных из Верхнего мира и поселённых в Среднем мире. Известно, что основным признаком мифов является то, что они исходят из признания сверхъестественных миров или иррационального объяснения явлений природы и жизни человека. Анимистические воззрения якутов о духах-хозяевах озёр, рек, гор и т.п. сформировались ещё у южных предков. От них же унаследованы представления о божествах-владыках всей тайги, земли и духах-хозяевах территории, принадлежащей роду, племени, этнической или локальной группе людей. Одним из наиболее почитаемых божеств Среднего мира являлся дух-хозяин тайги Баай Байанай.

Сегодня в обрядах жизненного цикла и повседневной жизни якуты стараются придерживаться традиций, ритуалов умиловления духов – иччи, обитающих, согласно их традиционному мировоззрению, в окружающей среде. А такие, как алгыс – благопожелание, благословение; кут-сюр – душа; Айыы – доброе божество и другие традиционные базисные символы продолжают занимать важное место в менталитете якутов. В последующем эволюция традиционных религиозных форм сознания народа саха, как и многих других народов, в значительной мере была связана с распространением христианства.

Можно утверждать, что в настоящее время актуальность приобретает проблема религиозной идентичности. В постсоветский период идеологический вакуум стал заполняться духовными религиозными ценностями: происходит восстановление связей между культурой и религией. В 90-е гг. XX в., переживая религиозный ренессанс, деятели якутской гуманитарно-творческой интеллигенции принимают усилия по возрождению традиционных религиозных воззрений якутов в модернизационном

варианте, в направлении таких этнических форм религиозных учений, как, например, «Кут-сюр», «Айыы», «Тенгрианство» (культ Неба). В XXI в. из-за ускорения процесса культурной глобализации наблюдается ответная реакция среди коренных народов Якутии, которые начинают производить новые формы культурной идентичности, опираясь на традиции, самобытные религиозные воззрения, создавая новые формы культуры [5, с. 33].

Семья была и остаётся одной из базовых ценностей якутов, в обычаях и кровнородственных связях которой сохраняются и проявляются явления тенгрианства. Родовая структура якутов в дореволюционной Якутии соответствовала местам проживания родов и племен. В XVII в. у якутов господствовал моногамный брак, регулировавшийся экзогамными запретами, распространявшимися на родственников, в первую очередь по отцовской линии до определенного поколения. Якуты стремились брать жену за пределами своего рода, наслега, улуса. При этом наблюдаются проявления социальных различий. Так, люди среднего достатка женились на девушках из соседних наслегов, бедняки нередко рождались с семьями одного с ними наслега, но принадлежавшие к разным отцовским родам (ага ууса), а ещё беднее брали жен из соседнего материнского рода (ийэ ууса). Массовое колхозное движение в первой половине XX в., способствовавшее значительной ломке традиционных форм жизнедеятельности, привело к серьёзным изменениям в составе якутского этноса. Одним из существенных перемен стало преодоление былого родового деления, в результате чего принадлежность к тому или иному роду у якутов стала постепенно забываться. В постсоветский период с возрождением национального самосознания среди якутов повышается интерес к своим родовым корням. Так, статистика информационных услуг, оказываемых Национальным архивом РС (Я), показывает возросший интерес населения к поискам родовых корней. Академия наук РС (Я) поддерживает деятельность созданной в 2013 г. общественной организации «Научно-исследовательский институт генеалогии и этнологии народов Севера РС (Я)», занимающейся созданием электронного архива родословий жителей республики. И сегодня характерной для ментальности якутов остаётся как значимость их места (улуса) происхождения, так и семейно-родственных связей. В прошлом система родства у якутов имела сложный и неоднозначный характер: Ага ууса, аймахтаара составляли родственники по отцу, ийэ ууса, аймахтаара – родственники по матери, удьуор – родственники, люди единой крови. Биис – родственники, люди одного предка, одного корня. В родстве объединялись так называемые аймах, уруу-родственники. В словаре Э.К.Пекарского термин «аймах» означает не только родственников, но и народ, люди, якуты [6, с.40]. Биис у Э.К.Пекарского означает род, семейство, племя, потомство, следующее поколение. Также он даёт пояснение, что до прихода русских якутский народ распадался на чьоны или бииси, они состояли из родов (ага ууса). Он считал, что уус – род, поколение, племя, семейство; Ага ууса – род (ко-

лено, племя), происходящий от одного прародителя и состоящий из нескольких ийэ ууса; большая семья. Уруу – родня, родственник(ца), сродник; родственник по свойству – тасты уру; родство(вообще), а родство, приобретённое путём брака, через свадьбу; родство кровное; кровный родовой путь Удьуор, это потомство, род, племя, колено, род, происхождение. Согласно материалу словаря Пекарского, якуты как аймах(народ) состоял из биис, а те в свою очередь из ага ус, состоящий из ийэ ус. В современных условиях у якутов значительно сократился круг родственных связей. Различают в основном родство по мужскому и женскому колену (по отцу и по матери).

Как известно, одна из особенностей традиционной культуры состоит в том, что она как механизм регулирования социальных связей, представляет собой систему табу (запретов). В прошлом брак у якутов, согласно обычному праву регулировался строгими экзогамными запретами, распространявшимися на родственников по отцовской линии до 4–6-го поколения, но «брак с родственниками по материнской линии разрешался в исключительно редких случаях, так как род матери по отношению к роду отца считался чужим» [7, с.10–11]. Семья обеспечивала передачу стереотипов поведения. В якутской семье считалось неизменным подчинение младших старшим. Однако еще В. Серошевский полагал, что «О каких-то строго патриархальных отношениях, о каком-то глубоко приращенном или воспитанном чувстве почтения к старшим у якутов не может быть и речи» [8, с. 494 – 495].

Дети у якутов всегда считались большим богатством, иметь потомство было великим счастьем. В дореволюционный период женщина обычно рожала более десяти детей. Исследователи отмечали исключительную плодовитость якутской женщины, но высокая смертность детей не позволяла состояться многодетности якутских семей. По этой причине, как пишет П. Сленин: «Большая детская смертность у якутов вызывала страх потерять ребёнка и принуждала их соблюдать всевозможные предохранительные меры, выполнять различные магические действия» [9, с.285]. К таким относились действия, имеющие древние корни, связанные с верованиями тенгри: не показывать ребёнка в первое время после его рождения; различные обереги, а также плохие клички ребенка: проводились обряды как ого уоруута (кража ребёнка; ого олуутугэр кырыры (камлание при детской смертности), ситии быһар (разрезание верёвки) и др.

В XXI в., переживая религиозный ренессанс, деятели якутской гуманитарно-творческой интеллигенции предпринимают усилия по возрождению традиционных религиозных воззрений якутов, в том числе и тенгрианства.

Литература

1. *Сборник статей. V Международная научно-практическая конференция «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: Истоки и современность»* (20–24 сентября 2015 г., Болгария, СОК «Камчия»; <http://yakutiafuture.ru/tomskij-grigorij-vasilevich/>).

2. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975; *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980; *Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984; *Алексеев Н.А.* Этнография и фольклор народов Сибири / Серия СО РАН. Избранные труды. Новосибирск: Наука, 2008.
3. *Алексеев Н.А.* Этнография и фольклор народов Сибири / Серия СО РАН. Избранные труды. Новосибирск: Наука, 2008. 493 с.
4. *Кыыс Дэбиллэйэ:* Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 4).
5. *Брагина Д.Г.* Трансформация традиционной культуры якутов: (конец XX – начало XXI в.). Новосибирск: Наука, 2016. 117 с.
6. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка / Якутский филиал АН СССР. Якутск, 1958. Вып.1–4.
7. *Сленин П.А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.) / Якутский научный центр. Якутск: Якутское книжное издательство, 1989. 160 с.
8. *Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
9. *Якуты (Саха).* М.: Наука, 2013.

References

1. *Sbornik statei. V mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: Istoki i sovremennost'"* (20-24 sentyabrya 2015 g., Bolgariya, SOK "Kamchiya" [Collection of articles. V-th International scientific and practical conference "Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: Origins and modernity" (September 20-24, 2015, Bulgaria, SOK "Kamchiya"); <http://yakutiafuture.ru/tomskij-grigorij-vasilevich/>).
2. *Alekseev N.A.* Tradicionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX-nachale XX vv. [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the XIX-early XX centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1975; *Alekseev N.A.* Rannie formy religii tyurkoyazychnyh narodov Sibiri [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1980; *Alekseev N.A.* Shamanizm tyurkoyazychnyh narodov Sibiri [Shamanism of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1984; *Alekseev N.A.* Etnografiya i folklore narodov Sibiri [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia] / Siberian Branch, RAS, Series. Selected works. Novosibirsk: Nauka, 2008.
3. *Alekseev N.A.* Etnografiya i folklore narodov Sibiri [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia] / Siberian Branch, RAS, Series. Selected works. Novosibirsk: Nauka, 2008. 493 p.

4. *Kyys Debiliye*: Yakut heroic epos. Novosibirsk: Nauka. Siberian publishing company, 1993. 320 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 4).
5. *Bragina D.G.* Transformaciya tradicionnoi kul'tury yakutov (konec XX – nachalo XXI v.) [Transformation of traditional Yakut culture: (late XX–early XXI century)]. Novosibirsk: Nauka, 2016. 117 p.
6. *Pekarsky E.K.* Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language] / Yakut Branch of the USSR Ac. Sci. Yakutsk, 1958. Issue 1–4.
7. *Sleptsov P.A.* Tradicionnaya semya i obryadnost' u yakutov (XIX–nachalo XX v.) [Traditional family and ritualism among the Yakuts (XIX–early XX century)]. Yakutsk: Yakutsk Publ. House, 1989. 160 p.
8. *Seroshevsky V.L.* Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Yakuts: Experience of ethnographic research]. Moscow, 1993. 736 p.
9. *Yakuty (Sakha)* [The Yakuts (Sakha)]. Moscow: Nauka, 2013.

Статья поступила в редакцию 02.10.2020

УДК9 30.2323.281(470.13)"1930/1950"
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-47-52

Л.А. МАКСИМОВА, И.В. МИНИН

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РЕПРЕССИВНОЙ
ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
1930–1950-Х ГГ. В СЫКТЫВКАРСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. ПИТИРИМА СОРОКИНА**

*Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

*lmaks@syctsu.ru
miv1507191@mail.ru*

L.A. MAKSIMOVA, I.V. MININ

**STUDYING THE HISTORY OF REPRESSIVE
POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE
1930s–1950s IN PITIRIM SOROKIN
SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY**

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar*

Аннотация

Проанализирован процесс изучения в Сыктывкарском государственном университете истории политических репрессий в СССР 1930 – 1950-х гг.

Ключевые слова:

статистика, принудительный труд, градообразование, научно-исследовательская лаборатория, научные конференции, конкурс видеоуроков

Abstract

The process of formation of Syktyvkar University as one of the centers for the study of the history of political repressions in the 1930s–1950s in the Soviet state is presented. The involvement of young people in the study of the topic began with term papers and Graduate works and the creation of a student research laboratory. The “archival revolution” provided new information not only for established scientists, but also for students. The analysis of materials from the collections of the National archives of the Komi Republic, collections of documents of the Republican Foundation “Repentance”, collection of memoirs by University graduate students from living witnesses in the region where cities grew out of camp centers, ended with the implementation of dissertation research and the appearance of generalizing works on the history of political repressions.

Keywords:

statistics, forced labor, city formation, research laboratory, scientific conferences, video tutorial contest

Демократизация советского общества, начавшаяся во второй половине 1980-х гг., способствовала снятию грифа секретности с «закрытых» для изучения тем. К ним относятся и политические репрессии сталинского периода.

Во второй половине 1980-х гг. на какое-то время сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда снятие запрета на публикацию работ и материалов по теме политических репрессий сочелось с традиционным недостатком источниковой базы, так как соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей.

Несомненно, что человеческая жизнь бесценна. Убийство невинных людей нельзя оправдать – будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг – воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные его аспекты становятся объектом политических спекуляций. Все это в полной мере относится к проблеме истории политических репрессий в СССР.

По своему стилю и тональности основная масса публикаций периода «перестройки» (да и позднее тоже) носила, как правило, резко разоблачительный характер, находясь в русле разверну-

той тогда пропагандистской антисталинской кампании (мы имеем прежде всего в виду многочисленные публицистические статьи и заметки в газетах, журнале "Огонек" и т.п.). «Скудность конкретно-исторического материала в этих публикациях с лихвой перекрывалась многократно преувеличенной "самодельной статистикой" жертв репрессий, поражавшей читательскую аудиторию своим гигантизмом» [1, с.93].

В ноябре 1993 г. в Сыктывкаре прошла научная конференция «Проблемы истории репрессивной политики на европейском Севере России (1917–1956)» с участием ученых Сыктывкарского государственного университета (СГУ), Удмуртии, Свердловска, Архангельска, Петрозаводска, краеведов, архивных работников, активистов обществ «Мемориал» и родственных организаций Республики Коми, Архангельской области, Карелии, Мурманска, Москвы [2].

Таким образом, с появлением широкого доступа к архивным документам, тема политических репрессий и истории ГУЛАГа привлекает все большее внимание студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей Сыктывкарского университета.

В 1990-е гг. появляются первые дипломные работы, выполненные студентами по истории репрессий:

- Ворошилова Е.Ю. Северный район ГУЛАГа. Воркутлаг, 1990.
- Киселев А.А. Подготовка медицинских кадров в Республике Коми 1930 – 1993 гг., 1993.
- Тележенко Н.Ю. Лагерные театры на территории Республики Коми, 1993.
- Потемкин М.Н. Общество «Мемориал»: история создания и деятельность, 1993.
- Веселова Е.Н. Научно-техническая интеллигенция в лагерях ГУЛАГа на территории Коми в 1930 – 1950-е гг., 1996.
- Галикаева Е.К. Медицинские работники в Ухтинских лагерях (1929–конец 1950-х гг.), 1996.
- Калиничева О.П. Строительство Северо-Печорской железной дороги, 1996.
- Кривенкова С.В. Геологоразведочные работы в Ухтижемлаге 1929 – 1953 гг., 1996.
- Кузнецова Т.А. Принудительный труд в лесной промышленности Коми АССР (1930 – 1956 гг.), 1996.
- Селиванов С.А. ИТЛ на территории Коми республики в 1930 – 1950-е гг., 1995.
- Сологубов В.Ф. Сопротивление сталинскому режиму в лагерях в 1930 – 1950-е гг. на примере Коми АССР, 1999.

Институционально работа над темой началась с созданием на историческом факультете Сыктывкарского университета Студенческой научно-исследовательской лаборатории (СНИЛ) «Изучение истории политических репрессий Советского государства» в 1997 г. С этого времени началось и планомерное сотрудничество с фондом «Покаяние».

В этом же году выходит первая монография по теме. Преподаватель СГУ Н.А. Морозов опубликовал свой труд «ГУЛАГ в Коми крае в 1929 – 1956 гг.», в которой дал общую характеристику ИТЛ на

территории республики в 1930 – 1950-е гг. [3]. В последующие годы по теме работают профессор Л.П. Рощевская [4], доцент Л.А. Максимова [5,6] и др. В учебный план специальности «История» вводятся специальные курсы по истории ГУЛАГа, совместно с фондом «Покаяние» издается учебник по истории политических репрессий на европейском Северо-Востоке, в подготовке которого принимают участие и преподаватели Сыктывкарского университета [7].

Студенты, являющиеся членами СНИЛ, успешно защитили около 120 дипломных работ.

Основные проблемы, которым посвящены исследования членов лаборатории:

- Роль ГУЛАГа в социально-экономическом развитии региона;
- Сопротивление в ГУЛАГе;
- Женщины и дети в ГУЛАГе;
- ГУЛАГ и отношение к природе;
- Становление научных учреждений в северных районах Коми АССР;
- Судьбы репрессированных деятелей культуры и науки;
- ГУЛАГ как фактор градообразования в Коми.

Вот далеко неполный перечень тем выпускных квалификационных работ членов СНИЛ:

- Адамова Л.В. Театральная интеллигенция в лагерях ГУЛАГа на территории Коми в 1930-е – середине 1950-х гг., 1997.
- Высоких Н.В. История освоения угольных месторождений на территории Интинского угленосного района. 1909–1943, 1998.
- Карманова А.А. Сельскохозяйственное производство в лагерях на территории РК в 1930–1950-е годы, 1998.
- Белоусова И.В. Сопротивление в лагерях ГУЛАГа в 1930-х – середине 1950-х гг., 2000.
- Володько О.О. Восстание заключенных в с. Усть – Уса в 1942 г., 2000.
- Гуляев О.Г. Пассивные формы сопротивления заключенных лагерному режиму в СССР (1930-е – середина 1950-х гг.), 2001.
- Девятков А.В. Иностранцы в лагерях ГУЛАГа на территории Республики Коми в 1930 – 1950-е годы, 2001.
- Калинин А. Ю. Роль ГУЛАГа в развитии транспорта в Коми АССР в 1930 – 1950-е годы, 2001.
- Киснерите Р.А. Социально-экономическое развитие пос. Железнодорожный в условиях ГУЛАГа. 1940-е – середина 1950-х гг., 2001.
- Кутузова Э. Г. Специалисты-химики в ИТЛ на территории Коми в 1930 – 1950-е гг., 2001.
- Литвинов М.Н. История радиевого промысла в Коми 1930 – 1950-х гг., 1998.
- Ненев О.С. Сталинские лагеря в Коми АССР в отечественной литературе 1930-х – 2002 гг., 2002.
- Новикова Н.С. Дети в учреждениях ГУЛАГа в 1930 – 1950-е годы, 2001.
- Петровская Т.А. ГУЛАГ и освоение приполярных территорий (на примере Республики Коми), 1997.

- Пономарева В.М. История Устьвымлага. 1938 – 1945 гг., 1998.
- Садурская Я.А. Кадры в лагерях ГУЛАГа на примере РК в 1930 – 1950-е годы, 2001.
- Хлистко А.А. Развитие добывающих отраслей промышленности Коми АССР в годы Великой Отечественной войны, 2013.
- Сорокина А.Н. Развитие промышленности Коми АССР в 1928–1941 гг., 2013.
- Ермакович Н.Е. Развитие газовой промышленности в РК (1935–1991 гг.), 2006.
- Фрайтер А.В. Немецкая диаспора пос. Краснозатонский РК в 1930–2000-е гг., 2006.
- Беловол А.А. Создание и развитие городов в Коми АССР в 1930–1950-е гг., 2006.
- Нисковский А.А. Экономическое освоение северных территорий в 1930–1950-е гг., 2009.
- Кун К.В. Асфальтитовый рудник в Коми АССР в 1930–1950-е гг., 2009.
- Ткачев В.В. История Ухтпечлага 1931–1938 гг., 2010.
- Андреев А.В. Развитие авиатранспорта в системе ГУЛАГа на европейском Севере России, 2012.
- Чарков М.В. Иностранцы в сталинских лагерях на территории Коми АССР, 2010.

На Всероссийской научной конференции «Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран», которая проводится в СГУ, ежегодно работает секция по истории политических репрессий. Руководителем секции является председатель правления фонда «Покаяние» М.Б. Рогачев. СГУ и фонд «Покаяние» совместно организовали три Всероссийских научных конференций студентов и аспирантов «Человек в ГУЛАГе: изгнанные и заключенные». Из них две при поддержке фонда Конрада Аденауэра. Ежегодно при поддержке фонда «Покаяние» награждаются авторы лучших докладов по истории политических репрессий на республиканских научно-практических конференциях учащихся школ, гимназий и лицеев «Краеведческие чтения», «Повседневность в истории Севера», «Север в судьбах моих земляков», проводимых Институтом истории и права СГУ им. Питирима Сорокина. При поддержке фонда «Покаяние» изданы материалы студенческих научных конференций.

Студент СГУ им. Питирима Сорокина, победитель республиканского конкурса на лучшую студенческую работу по истории политических репрессий Андрей Андреев в числе 10 российских студентов и аспирантов в 2012 г. стал обладателем стипендии им. А.И. Солженицына за исследование «Авиация ГУЛАГа на Севере».

Совместно с фондом «Покаяние» проведено 10 региональных конкурсов учителей на лучший урок по истории политических репрессий, где было представлено 154 видеоурока. Победителям регионального тура была предоставлена возможность показать свои работы в Музее и общественном центре имени А.Д. Сахарова в Москве. Были презентованы видеоуроки победителей Е.Н. Зерцовой (пос. Вис), И.Г. Байбаковой (г. Воркута), Е.А. Долониной

(пос. Ярега), Ю.С. Дробот (г. Воркута), Т.В. Каневой (пос. Петрунь), Л.М. Ивановой (пос. Новый Бор), М.А. Опаницыной (г. Сыктывкар), Н.Н. Фадеевой (г. Сыктывкар). А также представили работы и студенты по итогам педпрактики: А. Новоселов, В. Канев, А.А. Беловол, В.В. Вычужанина. Фамилии всех участников регионального тура отражены в публикациях материалов конкурса. Конспекты победителей межрегионального тура конкурса были опубликованы в сборниках материалов конкурса [8, с. 83–100].

Университет совместно с фондом «Покаяние» ежегодно проводит также и республиканские конкурсы студенческих исследовательских работ по истории политических репрессий. Победители награждаются фондом «Покаяние» призами и дипломами.

На кафедре истории России и зарубежных стран в СГУ им. Питирима Сорокина по истории политических репрессий выполнено несколько диссертаций (А.А. Беловол [9], В.Н. Бубличенко [10], А.Н. Кустышев [11], К.А. Казакова [12], М.Б. Рогачев [13], О.И. Азаров [14]), в которых дан анализ важнейших процессов и событий в истории региона. Были исследованы процессы градообразования на территории европейского Северо-Востока, история появления и функционирования детских закрытых учреждений на Европейском Севере, проблема использования подневольного труда в ИТЛ ГУЛАГа на территории Коми, роль ГУЛАГа в развитии сельскохозяйственного производства в Коми АССР, проблемы депортации в регион польских граждан, история строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали. Диссертационные исследования существенно расширили представления об истории освоения северных территорий в СССР.

В 2011 г. преподавателями СГУ издана монография «ГУЛАГ как фактор модернизации на Европейском Северо-Востоке» [15]. Авторами рассмотрены проявления модернизационных процессов в промышленной, аграрной, этносоциальной сферах Коми АССР. Региональная модель модернизации представлена в контексте российских реалий 1930 – 1950-х гг. Выявлена неоднозначная роль ГУЛАГа в трансформации облика территории и взаимосвязь его хозяйственной деятельности с современными проблемами региона.

В 2012 г. в издательстве СГУ вышла работа Л.А. Максимовой в соавторстве с А.А. Беловолом «Градообразование в Коми в 1930–1950-е гг.», в которой представлен процесс возникновения и развития городов на европейском Северо-Востоке в 1930–1950-е гг. Анализ особенностей урбанизации дан в контексте общего процесса освоения территории Республики Коми. Большое внимание авторы уделили исследованию роли исправительно-трудовых лагерей в создании городов, показали особенности экономического, социально-культурного, демографического, архитектурного развития городов в регионе [16].

В начале 2000-х гг. в СГУ был создан еще один научный центр – лаборатория «Государство и власть в России в XX веке» под руководством Г.Ф. Доброноженко. Основные направления работы:

«Человек в системе государственного социализма: образ и стили повседневной жизни жителей Республики Коми (20–30-е гг. XX в.)»; «Кулак» как феномен социального конструирования». В 2008 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Наука» вышла монография Г.Ф. Доброноженко «Кулаки как объект социальной политики государства в 20-е – первой половине 30-х гг. XX в.» [17]. В 2017 г. в издательстве СГУ им. Питирима Сорокина опубликована ее же работа «Административная ссылка за индивидуальную идентичность в 20-е гг. XX в.» [18].

Интерес к изучению истории Советского государства 1920 – 1950-х гг. сохраняется. Этому способствует активная деятельность фонда «Покаяние» в Республике Коми, других научных центров, координирующих исследование проблемы политических репрессий. Одним из таких центров сегодня является Российский государственный архив социально-политической информации, который ежегодно проводит международные конференции под общим названием «История сталинизма». Ежегодно преподаватели Сыктывкарского университета представляют результаты своих изысканий на этом престижном форуме [19,20].

С открытием профиля по исторической урбанистике в магистратуре по истории в СГУ им. Питирима Сорокина важным направлением исследований стали проблемы городской истории [21, 22]. И это не случайно семь из 10 городов, существующих в Коми, возникли в так называемый сталинский период.

В исследовании темы активно участвуют студенты. Значение изучения истории политических репрессий нельзя умялять, так как история каждой семьи в нашей стране так или иначе связана с этой трагедией. Эти события отложили большой отпечаток на российскую историю в целом. О годах произвола и незаконного насилия должно знать молодое поколение. Только путем погружения в исследование темы они поймут – что это было. «Черным пятном в истории»? «Необходимой мерой для укрепления и возрастания могущества государства»? Что еще важнее – нужно уберечь от равнодушия молодых.

Литература

1. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Политическое просвещение. 2012. №1 (66). С. 92–119.
2. Проблемы истории репрессивной политики на европейском Севере России (1917–1956): Всерос. науч. конф., 8-11 нояб. 1993 г. : Тез. докл. / Отв. ред. Н. А. Морозов. Сыктывкар: СГУ, 1993. 96 с.
3. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1997. 190 с.
4. Роцевская Л.П. Радиевая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны: (на материалах пос. Водный Ухтинского района Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: Материалы "Круглого стола". Сыктывкар, 2004. С. 130 – 142.
5. Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Препринт: Научные доклады. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 24 с.
6. Максимова Л.А. Этнокультурные процессы в контексте экономической модернизации на европейском Северо-Востоке в 1930–1950-х гг. // Российская история. 2009. №3. С. 247–251.
7. Максимова Л.А. Сталинские лагеря и освоение европейского Северо-Востока // Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. С. 242.
8. Долонина Е.А. Конспект урока по теме «Из истории отдельного лагерного пункта (ОЛП) №4 в 1939–1949 гг.» // Школьные уроки по теме «История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР». Итоги второго межрегионального конкурса учителей истории и обществознания, проведенного в 2003/2004 учебном году. М.: Изд-во «Права человека», 2004. 579 с.
9. Беловол А.А. Создание и развитие северных городов Коми АССР в конце 1920-х – середине 1950-х гг: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Чебоксары, 2008.
10. Бубличенко В.Н. Детские закрытые учреждения НКВД-МВД СССР на европейском Севере России (1935–1956 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сыктывкар, 2007.
11. Кустышев А.Н. Подневольный труд в Ухто-Ижемском лагере НКВД-МВД СССР при освоении недр Коми АССР в 1938–1955 гг: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сыктывкар, 2000.
12. Казакова К.А. Развитие сельскохозяйственного производства в лагерях ГУЛАГа на территории Коми АССР в 1930 – 1950-х гг: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Чебоксары, 2010.
13. Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940 – 1944 гг: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сыктывкар, 2005.
14. Азаров О.И. Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (1938 – 1959 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сыктывкар, 2005. 145 с.
15. Максимова Л.А., Лянцева Л.В. Гулаг как фактор модернизации на европейском Северо-Востоке. М.: МГОУ, 2011.
16. Беловол А.А., Максимова Л.А. Градообразование в Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2012. 102 с.
17. Доброноженко Г.Ф. Кулаки как объект социальной политики государства в 20-е – первой половине 30-х годов XX в. на материалах Европейского Севера России. СПб.: Наука, 2008.
18. Доброноженко Г.Ф. Административная ссылка за индивидуальную идентичность в 20-е

гг. XX в. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. 730 с.

19. *Максимова Л.А.* Национально-демографические последствия индустриализации на европейском Северо-Востоке СССР // История сталинизма. Советские нации и национальная политика в 1920 – 1950-е гг.: Материалы 6-й Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 468 – 474.
20. *Максимова Л.А.* Социалистический город: планы и реальность // История сталинизма. Уроки Октября и практики советской системы: Материалы X Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: РОССПЭН, 2018. С.867–877.
21. *Максимова Л.А.* Факторы градостроительства на европейском Севере СССР в 1930 – 1950-е гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 3. С. 97–107.
22. *Максимова Л.А.* Последствия индустриальной модернизации на европейском Северо-Востоке СССР // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2018. №1 (33). С. 94–102.

References

1. *Zemskov V.N.* O masshtabah politicheskikh repressii v SSSR // Politicheskoe Prosveshchenie [On the scale of political repressions in the USSR // Political education]. 2012. No. 1 (66). P. 92–119.
2. *Problemy istorii repressivnoi politiki na evropeiskom Severe Rossii (1917–1956)* [Problems of the history of repressive policy in the European North of Russia (1917–1956)]: All-Russia sci. conf., November 8–11, 1993: Abstracts / Ed. N.A.Morozov. Syktyvkar: Syktyvkar State Univ., 1993. 96 p.
3. *Morozov N.A.* GULAG v Komi krae [GULAG in the Komi region]. Syktyvkar: Syktyvkar State Univ. Publ., 1997. 190 p.
4. *Roshchevskaya L.P.* Radievaya promishlennost' SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi boiny (na materialah pos. Vodnii Uhtinskogo raiona Komi ASSR [Radium industry of the USSR during the Great Patriotic war (based on the materials of the Vodny settlement of the Ukhta region of the Komi ASSR)] // Komi ASSR during the Great Patriotic war: materials of the "Round table". Syktyvkar, 2004. P. 130–142.
5. *Maksimova L.A.* Lagernaya industrializatsiya v Komi: opyt analiza [The camp industrialization in the Komi region: the experience of analysis]. Preprint: Sci. Reports. Syktyvkar: Syktyvkar State Univ. Publ., 2005. 24 p.
6. *Maksimova L.A.* Etnokulturnie processy v rontsterste ekonomicheskoi modernizatsii na evropeiskom Severo-Vostoke v 1930–1950-h gg. [Ethnocultural processes in the context of economic modernization in the European northeast in the 1930s–1950s] // Rossiiskaya istoriya [Russian history]. 2009. No. 3. P. 247–251.

7. *Maksimova L.A.* Stalinskie lagerya i osvoenie evropeiskogo Severo-Vostoka [Stalin's camps and the development of the European northeast] // Essays on the history of political repressions in the Komi region. Syktyvkar: "Repentance" Foundation, 2006. P. 242.
8. *Dolonina E.A.* Konspekt uroka po teme "Iz istorii otdelnogo lagernogo punkta No.4 v 1939–1949 gg." [Summary of the lesson on "The history of a separate camp point No. 4 in 1939–1949"] // School lessons on "The history of political repressions and resistance to unfreedom in the USSR". The results of the 2nd interregional competition for teachers of history and social studies, held in the 2003–2004 academic year. Moscow: "Human rights" Publ. House, 2004. 579 p.
9. *Belovol A.A.* Sozdanie i razvitie severnykh gorodov Komi ASSR v konce 1920h–seredine 1950h gg. [Creation and development of the northern cities of the Komi ASSR in the late 1920s – mid-1950s]: Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Cheboksary, 2008.
10. *Bublichenko V.I.* Detskie zakrytye uchrezhdeniya NKVD-MVD SSSR na evropeiskom Severe Rossii (1935–1956 gg.) [Closed children's institutions of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) – Ministry of Internal Affairs (MVD) of the USSR in the European North of Russia (1935–1956)]: Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Syktyvkar, 2007.
11. *Kustyshev A.N.* Podnevolny trud v Ukhto-Izhemskom lagere NKVD-MVD SSSR pri osvoenii neдр Komi ASSR v 1938–1955 gg. [Forced labor in the Ukhta-Izhma camp of the NKVD-MVD during the development of the Komi ASSR mineral resources in 1938–1955]: Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Syktyvkar, 2000.
12. *Kazakova K.A.* Razvitie selsko-khozyaistvennogo proizvodstva v lageryah GULAGa na territorii Komi ASSR v 1930–1950-h gg. [Development of agricultural production in GULAG camps in the Komi ASSR in the 1930s–1950s]: Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Cheboksary, 2010.
13. *Rogachev M.B.* Deportirovannye polskie grazhdane v Komi ASSR v 1940–1944 [Deported Polish citizens in the Komi ASSR in 1940–1944]: Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Syktyvkar, 2005.
14. *Azarov O.I.* Zheleznodorozhnye lagerya NKVD (MVD) na territorii Komi ASSR (1938–1959) [Railway camps of the NKVD (MVD) on the territory of the Komi ASSR (1938–1959)]: Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Syktyvkar, 2005.
15. *Maksimova L.A., Lyamtseva L.V.* Gulag kak faktor modernizatsii na evropeiskom Severo-Vostoke [Gulag as a factor of modernization in the European northeast]. Moscow: Moscow State Regional Univ., 2011. 145 p.
16. *Maksimova L.A., Belovol A.A.* Gradostroitel'stvo v Komi v 1930–1950-e gg. [Urban devel-

- opment in Komi in the 1930s–1950s]. Syktyvkar: Syktyvkar State Univ. Publ., 2012. 102 p.
17. *Dobronozhenko G.F.* Kulaki kak ob'ekt socialnoi politiki gosudarstva v 20-h-pervoi polovine 30-h godov XX v. na materialah Evropeiskogo Severa Rossii [Kulaks as an object of state social policy in the 1920s – first half of the 1930s based on materials of the European North of Russia]. St.Petersburg: Nauka, 2008. 730 p.
 18. *Dobronozhenko G.F.* Administrativnaya ssylka za individualnuyu identichnost' v 20-e gg. XX v. [Administrative exile for individual identity in the 1920s of the XXth century]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ. Publ., 2017.
 19. *Maksimova L.A.* Nacionalno-demograficheskie posledstviya industrializatsii na evropeiskom Severo-Vostoke SSSR [National and demographic consequences of industrialization in the European northeast of the USSR] // The history of Stalinism. Soviet nations and national policy in the 1920s and 1950s: Proc. of the 6th intern. sci. conf. Kiev, October 10–12, 2013. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. House (ROSSPEN), 2014. P. 468–474.
 20. *Maksimova L.A.* Socialisticheskii gorod: plany i realnost' [Socialist city: plans and reality] // The history of Stalinism. October lessons and practices of the Soviet system: Proc. of the Xth intern. sci. conf. Moscow, December 5–7, 2017. Moscow: ROSSPEN, 2018. P. 867–877.
 21. *Maksimova L.A.* Faktory gradoobrazovaniya na evropeiskom Severe SSSR v 1930–1950-e gg. [Factors of urban development in the European North of the USSR in the 1930s and 1950s] // Bull. of Tver State Univ. Series: History. 2018. No.3. P. 97–107.
 22. *Maksimova L.A.* Posledstviya industrialnoi modernizatsii na evropeiskom Severo-Vostoke SSSR [Consequences of industrial modernization in the European northeast of the USSR] // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. 2018. No. 1 (33). P. 94–102.

Статья поступила в редакцию 17.09.2020

УДК 902.1-924.81/82"633"
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-53-57

А.В. ВОЛОКИТИН, Н.А. ВОЛОКИТИНА
НОВАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ
ИНДУСТРИЯ В БАССЕЙНЕ Р.ИЖМА:
СТОЯНКА УХТИНСКАЯ

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

*volkt54@mail.ru,
anjis@rambler.ru*

A.V.VOLOKITIN, N.A.VOLOKITINA
NEW MESOLITHIC INDUSTRY IN THE IZHMA
RIVER BASIN: UKHTA SITE

*Institute of Language, Literature and
History, Federal Research Centre Komi Science
Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar*

Аннотация

На территории Детского парка в г. Ухта в 2019 г. была обследована стоянка Ухтинская, открытая в 1939 г. Выявлен сохранившийся участок стоянки, датируемый мезолитом. По технико-типологическим данным материал, полученный в 2019 г., сходен с мезолитическими материалами археологического памятника Вылыс Том 2 на р. Ижма. Стоянка Ухтинская входит в Усть-Ухтинский геоархеологический микрорайон наряду с мезолитическими стоянками Усть-Ухта 1 и Усть-Айюва.

Ключевые слова:

стоянка, мезолит, р. Ухта, европейский Северо-Восток

Abstract

In 2019, the Ukhta site, discovered in 1939, was surveyed on the territory of the Children's Park in Ukhta. The Ukhta site is located on a high terrace on the left bank of the Ukhta river which is the left tributary of the Izhma river. A preserved part of the site dating back to the Mesolithic was identified. The site is dominated by slate products. Among the flint products, a scraper-burin on a blade attracts attention. The material obtained in 2019 is similar to the Mesolithic materials from the Vylys Tom 2 archaeological site located 100 km downstream of the Izhma river. The Ukhta site is included in the Ust-Ukhta geoarchaeological microregion. It contains Mesolithic sites of different traditions. The Ust-Ukhta 1 site belongs to the SubUral tradition, while the Ukhta site (Mesolithic) belongs to the Western one.

Keywords:

site, Mesolithic, Ukhta river, European North-East

В полевом сезоне 2019 г. сотрудниками отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН были проведены археологические изыскания в зоне реконструкции детского парка МУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества имени Г.А. Карчевского» г. Ухта*. Целью научно-исследовательских работ являлось установление факта наличия или отсутствия объекта культурного наследия (археологического памятника) на данной территории, а именно стоянки Ухтинская (рис.1А). Археологическое обследование, включающее три разведочных шурфа общей площадью 12 кв. м, позволило прийти к выводу о частичной сохранности объекта культурного (археологического) наследия в границах зоны реконструкции парка Ухтинской стоянки, открытой в 1939 г., и состоящей в списке Выявленных памятников истории и культуры (объектов археологического наследия), расположенных на территории Республи-

* Работы выполнены на основании договора на проведение научно-исследовательских работ с проектным институтом ООО «ПИИ Лигато» (заказчик).

ки Коми. Был определен участок, на котором сохраняется культурный слой площадью 0,3 га, нуждающийся в проведении спасательных археологических работ.

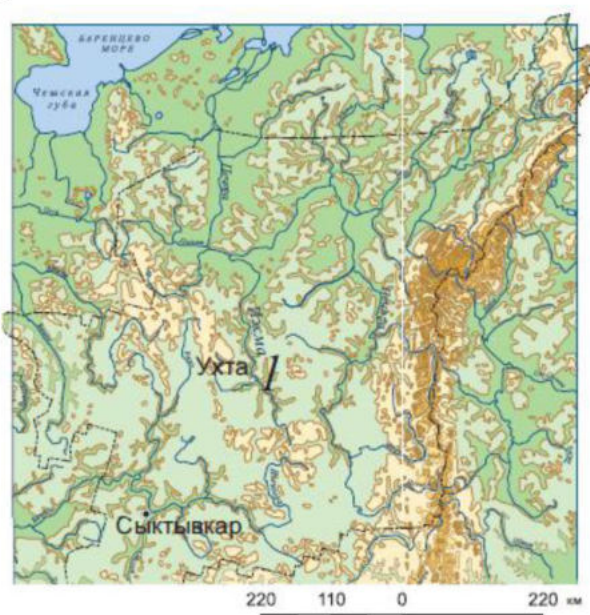
Детский парк МУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества имени Г.А. Карчевского» расположен в г. Ухта между улицами Горького и Пушкина, на высокой 15-метровой террасе левобережья р. Ухта, в 12 км на северо-восток от впадения Ухты в р. Ижма.

Как равнинная р. Ухта меандрирует, русло ее менялось, и древние меандры отмечаются по краям высоких террас. В районе Детского парка 15-метровая терраса образует прямой угол к югу. Здесь к ней примыкают более низкие, сильно заболоченные террасы [1]. Юго-западные границы современного Детского парка проходят по краю этой террасы, захватывая узкую полосу более низкой террасы. На этой полосе отмечаются канавы, очевидно для дренажа заболоченной поверхности.

История Детского парка в г. Ухта начинается с 1934 г., когда часть городской зоны отдыха была передана детям. В 1937 г. был построен Дом пионеров, а в 1953 г. детская часть парка (Пионерский парк) стала носить имя П. Морозова. Стоит подчеркнуть, что при строительстве и многочисленных перестройках зеленые насаждения, а это типичная для высоких «боровых» террас растительность, почти не пострадали. Именно поэтому территория парка является зоной охраняемого природного ландшафта. Однако эти и последующие преобразования на территории парка: коммуникации, фонтан, аттракционы (их число доходило до 260), здание зоопарка, вольеры и другие объекты, сопряженные с земляными работами, значительно нарушили характер отложений почвы. Как следствие, это привело к разрушению открытого на данной территории археологического памятника Ухтинской стоянки.

Ухтинская стоянка открыта в 1939 г. сыктывкарским археологом Г.И. Боровко [2, с. 154–166; 3, с. 99; 4, с. 270; 5, с. 18]. В 1954 г. она обследовалась геологом Г.А. Черновым, много и плодотворно занимавшимся археологией северного Припечорья [1, с. 104–115]. Местным краеведом К.Ф. Седых на стоянке в 1950–1980-х гг. проводились сборы подъемного материала. Он возглавлял юннатскую работу в Детском парке и создал Народный музей истории Земли при средней школе №3 г. Ухта, а также активно сотрудничал с Г.А. Черновым. Собранные им материалы хранятся в школьном музее. Обращает на себя внимание также факт обнаружения К.Ф. Седых в 1950-х гг. конусовидного нуклеуса у здания Дома пионеров (старой постройки), т. е. уже не на краю террасы, а в ее глубине, о чем упоминает Г.А. Чернов [1, с. 111]. Это изделие относится к более древнему периоду (мезолит?), нежели основная часть находок Ухтинской стоянки, возраст которых исследователями был определен эпохой бронзы. Обследование прилегающих к Детскому парку краевых участков террасы проведено в 1994 г. Северодвинской экспедицией Сыктывкарского университета под руководством Н.Н. Чесноковой [6].

А

Б

В

Рис. 1. Ухтинская стоянка. А – местоположение памятника (1); Б – Ухтинская стоянка, шурф, строение отложений террасы; В – стоянки Усть-Ухтинского геоархеологического микрорайона: 1 – Ухтинская, 2 – Усть-Ухта 1, 3 – Усть-Ухта 2, 4 – Усть-Айюва.

Pic.1. Ukhta site. А – location of the site (1); Б – Ukhta site, pit, structure of the terrace deposits; В – sites of the Ust-Ukhta geoarchaeological microregion: 1 – Ukhta, 2 – Ust-Ukhta 1, 3 – Ust-Ukhta 2, 4 – Ust-Ayyuva.

Рис. 2. Ухтинская стоянка. Орудия из сланца: 1 – скребло-нож (расслоение, ремонтаж); 2 – заготовка крупного орудия.

Pic.2. Ukhta site. Tools from slate: 1 – scraper-knife (fracturing, refitting); 2 – blank of a large tool.

Были открыты подвергшиеся значительным разрушениям археологические памятники Ухта II, Ухта III, Ухта IV, расположенные вне территории парка. Следует отметить, что раскопочных работ на Ухтинской стоянке не производилось.

Находки Ухтинской стоянки, как отмечает Г.А. Чернов, были собраны на протяжении 200 м края террасы. В настоящее же время большая часть прикраевого участка сильно изменена, ее поверхность спланирована, на насыпном участке выстроен мини зоопарк, на поверхности отмечены забетонированные и асфальтированные участки. Лучшую сохранность имеет юго-восточная часть края террасы. Она отделена от более низкой заболоченной террасы выраженным задернованным бортом. Все находки были обнаружены в шурфе, заложенном в этой части парка.

В строении отложений шурфа отмечаются как отложения, типичные для такого рода террас, так и нарушения, связанные с функционированием парка. Современный дерн (мощностью 0,10 м) подстилают слои и линзы желтого песка мощностью до 0,03 м, которые отделяют погребенный дерн мощностью до 0,05 м. Это следы прежних земляных работ. Они также отражены на площади шурфа двумя ямами, глубиной более 0,5 м, и заполнены не

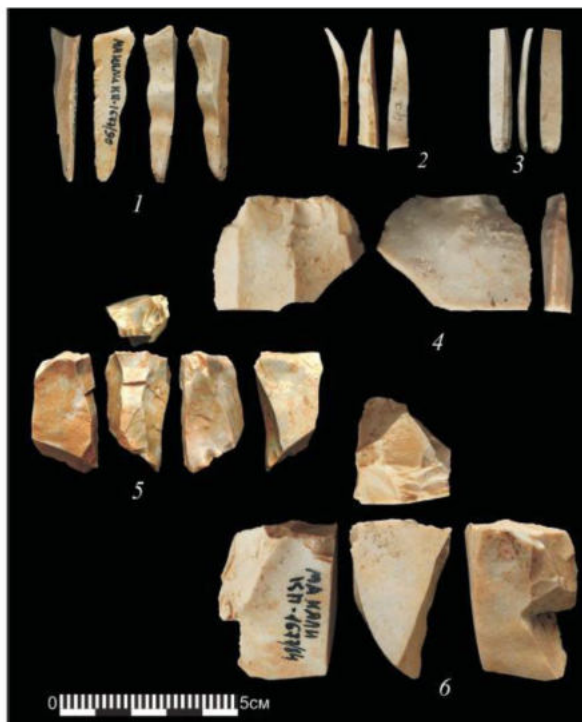

Рис. 3. Ухтинская стоянка. Изделия из кремня: 1 – крупный резцовый ощепок; 2 – дистальный сегмент узкой пластинки; 3 – пластинка; 4 – проксимальный сегмент очень крупной пластины; 5 – нуклеус; 6 – нуклеус (?).

Pic. 3. Ukhta site. Flint artefacts: 1 – large burin spall; 2 – distal segment of a narrow blade; 3 – blade; 4 – proximal segment of a very large blade; 5 – core; 6 – core (?).

характерными для бортовых террас глинистыми отложениями коричнево-серого и почти белого цвета. В них встречается современный мусор. Ямы хорошо прослеживаются по восточной и северной стенке шурфа (рис. 1Б). За счет таких же, как в ямах, отложений (белесая и коричнево-серая глина) восточная часть шурфа имеет возвышение от 0,10 м до 0,20 м. Сохранившиеся участки отложений террасы имеют линзы белесого подзола мощностью до 0,30 м и желтый, ярко окрашенный песок – иллювиальный горизонт. Верх иллювиального горизонта на контакте с подзолом имеет рыжеватую окраску.

Находки в шурфе были зафиксированы сразу после снятия дерна. Они залегали в подзоле и верхах иллювиального горизонта, встречены также и в нарушенных и перемещенных отложениях.

Общее количество находок 168 экз. Преобладают изделия из сланца, среди которых большинство представляют отходы производства (отщепы, обломки плиток, осколки). Однако встречены и орудия. Это комбинированное орудие скребло-нож (рис. 2, 1), заготовка крупного (рубящего?) орудия (рис. 2, 2), плитка со следами сколов. Следует полагать, что на вскрытой шурфом площади в древности производилось изготовление крупных сланцевых орудий. Источник сырья мог находиться поблизости от стоянки. Впрочем, это еще предстоит выяснить.

Рис. 4. Ухтинская стоянка. Орудия из кремня: 1 – скребло (рассечение); 2 – микроскребок; 3 – резец-скребок.

Pic. 4. Ukhta site. Flint tools: 1 – scraper (dissection); 2 – microscraper; 3 – scraper-burin.

В числе кремневых изделий (62 экз.) есть очень крупные пластины (рис. 3, 4) и узкие пластинки (рис. 3, 2-3), нуклеусы (рис. 3, 5-6) в завершающей стадии расщепления, скребло (обломок) (рис. 4, 1) и микроскребок (рис. 4, 2). Особо выразительно комбинированное орудие скребок-резец (рис. 4, 3) на очень крупной пластине. Такая «верхнепалеолитическая» форма впервые встречена на мезолитических памятниках европейского Северо-Востока.

Каменный инвентарь, а конкретнее его кремневая составляющая, зафиксированный в шурфе, позволяет отнести его к мезолиту. Это расходит с опубликованной ранее датировкой Ухтинской стоянки эпохой бронзы. Однако, как известно, в регионе на боровых террасах на территории одного памятника могут присутствовать культурные остатки разных эпох. Показательно, что характерные для мезолита находки уже были сделаны у старого Дома пионеров в 1950-х гг. Следует полагать, что материалы эпохи бронзы находились в той части края террасы, которая полностью уничтожена мини зоопарком, а также спортплощадкой и крытым кат-

ком, которые не входят сейчас в территорию Детского парка.

В настоящее время уже можно указать на сходство кремневого инвентаря стоянки, выявленного в 2019 г. в парке, с мезолитическими горизонтами археологического памятника Вылыс Том 2, стоянки Очью катище [7, с. 268–278], расположенных в 100 км вниз по течению р. Ижма. Ближайшими же мезолитическими стоянками являются Усть-Ухта 1 [8, с. 108] и Усть-Айюва. Отметим, что на многослойной стоянке Усть-Ухта 2 [9, с. 17] можно также предполагать наличие мезолитических горизонтов. Таким образом, Ухтинская стоянка входит в геоархеологический микрорайон, названный нами Усть-Ухтинским (рис. 1В). В нем, как и в Ижма-Томском микрорайоне [7, с. 268–278], изученном гораздо полнее, присутствуют мезолитические стоянки разных традиций. Стоянка Усть-Ухта 1 относится к приуральской традиции, а Ухтинская стоянка (мезолит) – к западной. Особо следует подчеркнуть, что Ухтинская стоянка расположена на значительном удалении от долины р. Ижма, на ее притоке р. Ухта.

Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми в рамках научного проекта № 20-49-110002.

Литература

1. Чернов Г.А. Новые археологические находки в Печорском бассейне // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1956. Вып. 64. С. 104–115.
2. Панкратова (Застржнова) Е.Г. «Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...»: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019. № 2. С. 154–166.
3. Стоколос В.С., Королев К.С. археологическая карта Коми АССР. М.: Наука, 1984. 128 с.
4. Археологическая карта Республики Коми/ Коллектив авторов; Отв. редактор В.Н. Карманов. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 416 с.
5. Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.
6. Чеснокова Н.Н. Отчет о работах Вычегодского и Печорского отрядов Северодвинской экспедиции СГУ в 1994 г., Сыктывкар // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. №17771.
7. Волокитин А.В., Волокитина Н.А. К вопросу о сезонных миграциях в мезолите р. Ижма // Верхнедонской археологический сборник / Отв. ред. А. А. Бессуднов, Е. Ю. Захарова; ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского». Вып. 11. Липецк: ЛГПУ, 2019. С. 268–278.
8. Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М.:ДиК, 1997. Ч. 3, гл. 2. С. 91–145.
9. Волокитин А.В. Новые археологические памятники на Ижме // Вестник Института гео-

логии Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2001. № 10. С. 17.

References

1. *Chernov G.A.* Novye arheologicheskie nahodki v Pechorskom bassejne // Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noj kul'tury [New archaeological finds in the Pechora basin] // Brief reports of the Institute of History of Material Culture. Moscow, 1956. Issue 64. P. 104–115.
2. *Pankratova (Zastrozhnova) E.G.* «Ya ne veryu, chto vse okonchit'sya ploho, eto bylo by slishkom nespravedливо...»: k biografii arheologa G.I. Borovki (po materialam sledstvennogo dela) ["I don't believe all this could go bad, it would be too unfair...": to the biography of the archaeologist G.I. Borovka (based on investigation file materials) // Russian Archaeology. 2019. № 2. P. 154–166.
3. *Stokolos V.S., Korolev K.S.* Arheologicheskaya karta Komi ASSR [Archaeological map of the Komi ASSR]. Moscow: Nauka, 1984. 128 p.
4. *Arheologicheskaya karta Respubliki Komi* [Archaeological map of the Komi Republic] / Team of authors; Ed. V.N.Karmanov. Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. 416 p.
5. *Luzgin V.E.* Drevnie kul'tury Izhmy [The ancient cultures of Izhma]. Moscow: Nauka, 1972. 128 p.
6. *Chesnokova N.N.* Otchet o rabotah Vychegodskogo i Pechorskogo otryadov Severodvinskoj ekspedicii SGU v 1994 g. [Report on the work of the Vychegda and Pechora teams of the Severodvinsk expedition of Syktyvkar State University in 1994, Syktyvkar // Scientific archive of the Institute of Archeology, RAS. P-1. No. 17771.
7. *Volokitin A.V., Volokitina N.A.* K voprosu o sezonnyh migracijah v mezolite r. Izhma [On seasonal migrations in the Mesolithic of the Izhma river] // Upper Don archaeological collection / Eds. A.A.Bessudnov, E.Yu. Zakharova; Lipetsk State Pedagog. Univ. named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. Issue 11. Lipetsk: LSPU named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2019. P. 268–278.
8. *Volokitin A.V.* Mezolit [The Mesolithic] // Archaeology of the Komi Republic. Moscow: DiK, 1997. Part 3, Chapter 2. P. 91–145.
9. *Volokitin A.V.* Novye arheologicheskie pamyatniki na Izhme [New archaeological sites on the Izhma] // Bull. of Inst. of Geology, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. 2001. № 10. P. 17.

Статья поступила в редакцию 26.08.2020

УДК (470.22)

DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-58-68

М.М. ШАХНОВИЧ

**АЛЕКСАНДР ЛИНЕВСКИЙ
И ПЕТРОГЛИФЫ КАРЕЛИИ:
ХРОНИКА 1926–1929 ГОДОВ**

*БУ Национальный музей
Республики Карелия,
г. Петрозаводск*

marksuk62@mail.ru

M.M. SHAKHNOVICH

**ALEXANDER LINEVSKY
AND PETROGLYPHS OF KARELIA:
CHRONICLE OF 1926–1929**

*National Museum of the Republic of
Karelia, Petrozavodsk*

Аннотация

Статья посвящена краткому студенческому и послеуниверситетскому периоду жизни Александра Линевого, хронике начала его научной работы с петроглифами Карелии (1926–1929 гг.). Показана выработка молодым ученым новых методик изучения наскального искусства Карелии. Определен его вклад в формирование нового направления в археологии СССР 1920–1930-х гг. – петроглифведение.

Ключевые слова:

А. Линево, петроглифы, Беломорье, река Выг, А. Брюсов, АССР

Abstract

The paper is devoted to a brief student and post-University period of Alexander Linevsky's life, the chronicle of the beginning of his scientific work with petroglyphs of Karelia (1926–1929). The development of new methods for studying rock art in Karelia is shown. Linevsky was greatly assisted by the leadership of the AKSSR, University teachers, A. Bryusov, S. Makaryev. His contribution to the formation of a new direction in the archaeology of the USSR of the 1920s–1930s – petroglyphology – is defined. Active field study and analysis of petroglyphs of the White Sea and lake Onega in 1926–1929 allowed A.M. Linevsky to collect material for two books, where he, for the first time, compared “ancient drawings on rocks”. Linevsky's ideas on deciphering petroglyphs are still relevant today. The paper is based on little-known archival and memoir materials.

Keywords:

A. Linevsky, petroglyphs, Belomorye, the Vyg river, A. Bryusov, AKSSR

Введение

В 2020 г. исполняется 90 лет первому изданию «Листы каменной книги» Александра Михайловича Линевого (3.05.1902–20.02.1985). Основатель «карельского петроглифведения» давно стал некой «иконой» для Республики Карелия. С полным правом его называют пионером изучения петроглифов Беломорья и одним из основных исследователей «рисунков на скалах» Онежского озера.

Среди интеллигенции советской Карелии 1920–1950-х гг. А.М. Линево выделялся незаурядной разносторонностью интересов. Окончив Ленинградский университет по специальности «этнография», в 1926–1930-е гг. он проводит активную собирательскую работу по изучению различных этнических групп карел на территории АССР, в 1926–1928 и 1935 гг. исследует петроглифы Онежского озера и Беломорья, в 1932–1933 гг. работает в

Управлении Центральным архивом АКССР, в 1934–1954-х гг. – в Карельском научно-исследовательском институте культуры / Карельский институт языка, литературы и истории, в 1947–1949 гг. раскапывает средневековые курганы в юго-восточном Приладожье, с 1954 г. – профессиональный литератор.

Автор «Петроглифов Карелии» не обойдён вниманием современников и потомков. Существуют и биографический очерк о нём [1], и интересные наблюдения [2–4], есть прижизненное исследование творческого пути первого писателя Карелии [5] и автобиографическая повесть [6], ставшая основой для разноплановых краеведческих исследований [7–11]. В данной работе остановимся только на кратком, «студенческом и постуниверситетском» периодах жизни А.М. Линевого (1926–1929 гг.). Это время, когда он «погружался в Карелию», в увлекательную работу по изучению древнего наскального искусства.

1926–1927 годы

Весной 1926 г. А. Линево – подающему надежды студенту третьего курса географического факультета Ленинградского государственного университета¹ – руководители этнографического отделения, где он учился, знаменитые российские учёные с революционным прошлым, исследователи «азиатских племён», основатели «этнографической североведческой школы» Владимир Германович Богораз и Лев Яковлевич Штернберг предложили принять участие в экспедиции в АКССР [12, л. 2]. Ранее Александр уже бывал в Олонецкой губернии. Летом 1915 г. он приезжал к своему отцу – Михаилу Адамовичу, руководившему строительством участка Мурманской железной дороги между сёлами Сегежа и Сорока.

А. Линево имел успешный опыт 5-месячной самостоятельной экспедиции в 1924 г. в Чувашскую автономную область, после года обучения на этнографическом факультете Географического института [11]. Студенческой практикой, в современном понимании, данный период трудно назвать – это был специфичный способ В.Г. Богораз жёстко отсеять «балласт» среди студентов-этнографов. В условиях тяжелейших первых лет советской России практическая работа молодого исследователя в «туземных краях Поволжья» была трудной, но максимально результативной и профессиональной. В чувашской глубинке он собрал значительный блок полевого этнографического материала, организовал первичную сеть краеведов-корреспондентов, читал лекции и информационные доклады по краеведению, писал статьи в местные газеты, работал с коллекциями в Центральном чувашском музее.

Есть сведения о раскопках «молодого археолога из Ленинграда» «могил с каменными плитами с надписями арабской вязью» мусульманского кладбища в с. Байдераково в Тетюшском уезде Казанской губернии². По возвращении экспедиционные наработки «о чувашских верованиях» были дополне-

ны информацией в библиотеках и музейных архивах Ленинграда. Стараниями В.Г. Богораз обширная статья «Чуваши» была впоследствии напечатана в Этнографическом словаре [13], а в первом томе трудов Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий и в столичных «идеологических» сборниках увидели свет два очерка по послереволюционным преобразованиям чувашского края [14, 15]. Начиная студент-этнограф, «богатый желанием, но нищий деньгами», полностью отвечал представлениям своих учителей о «молодых реформаторах, готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, который зажгла революция», «соединяющих в себе двойное пионерство науки и культуры» [16]. Наверно, именно во время этой свободной, индивидуальной полевой деятельности у Линевого возникло ощущение некой «личной избранности в науке»³.

Экспедиция в Карелию стала возможной благодаря истории с 1 тыс. руб. на экспедиционные работы, ошибочно поступившей из Совнаркома АКССР на геофак ЛГУ. В.Г. Богораз «ходатаем» по спорному финансовому вопросу для встречи с руководством республики – председателем КарЦИКа А. Нуорттеа и председателем СНК Э. Гюллингом – направил в Петрозаводск А. Линево⁴. Он был снабжён университетским удостоверением за подписью академика А.Е. Ферсмана и письмом от декана. Нужно отдать должное жизненному опыту и такту первых лиц Карелии, принявших, выслушавших и разглядевших в амбициозном студенте в солдатской гимнастёрке и сапогах позитивный рабочий потенциал, который можно было использовать в стремительно развивающемся «социальном проекте» – Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. В 1938 г. почти всё руководство АКССР было репрессировано за «финский национализм», поэтому Линево упоминает об этой судьбоносной для него встрече только в 1960-е гг.

³ «Нельзя не торопиться, не торопиться бешено, очень уставал в эти пять месяцев работы ..., но не уставая твердил: усталость это дело личное, а работа, которую через несколько лет никто не сделает, есть дело общественное, есть дело историческое» [11, с. 83].

⁴ «На третье лето я поехал начальником этнографической экспедиции в Карелию. Наша студенческая экспедиция – Дубов и Любимов (тверские карелы), Макарьев (шелтозер. вепс) и я (русский) – попала в Карелию вследствие чьей-то ошибки. Тысяча рублей была обещана Совнаркомом Карелии сотруднику этногр. отдела Русского музея проф. Давиду Александровичу Золотареву. По чьей-то ошибке перевод был направлен этнографическому факультету Географического института. Профессора Богораз и Штернберг немедленно организовали на эти деньги экспедицию из четырех человек. Деньги не были отобраны Совнаркомом от университета, поскольку Карелии было выгодно заполучить в будущем квалифицированных работников, по национальности карелов и вепса. Экспедиции Золотарева всё же работали в 1926 и 1927 и 1928 гг. Их интересы были антропологические измерения, фольклорные и этнографические записи, впоследствии опубликованные... Профессор Золотарев предложил мне как руководителю студенческой экспедиции влиться в состав его академической экспедиции. Зная резко неприязненные взаимоотношения между Богоразом и Штернбергом с Золотаревым и Руденко, я с мальчишеской задорностью объявил: "Только на паритетных началах!"» [17, л. 77].

¹ До мая 1925 г. Ленинградский географический институт.

² Информация Владимира Николаевича Московского, жителя д. Новое Булаево Чувашской автономной области.

Перед поездкой в Карелию Александр наметил план «по изучению карельской культуры». Методично посещая удалённые деревни Сегозерья и Олонецкого Приладожья, он целенаправленно собирает этнографический материал сразу по нескольким темам: «*влияние производственных моментов на семейный строй карел*»; «*влияние прежней русификаторской системы на идеологические формы карел*»; «*изучение дохристианских верований карел*»; «*выявление исчезнувших форм карельского мировоззрения по остаткам идеологических пережитков*»; «*влияние производственных моментов на верования карел*», «*приметы*»,

Фото 1. А. А. Линевский. 1927 г. Ленинград. НАРК. Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 219.

Photo 1. A. A. Linevsky. 1927. Leningrad. NARK. F. P-3262. Op. 2. D. 219.

«*воспоминания о Видлицкой операции 1919 г. и о Гражданской войне в Олонецком районе КАССР*» [12, л. 2]. В научном архиве КарНЦ РАН хранятся семь тетрадей с размашистыми записями простым карандашом – полевые дневники студента Линевского за 1926 и 1927 гг. [18] (фото 1).

Как вспоминал позднее А.М. Линевский, в 1926 г. «*работе сильно мешало то обстоятельство, что на полученные 300 рублей, на снаряжение фотоматериалом и прочим ушло 70 рублей, на средства передвижения свыше 160 рублей, а оставшиеся 70 рублей на личные расходы могло хватить примерно лишь кое-как на 2 месяца. Не делая секрета, отмечу, что остальные 4,5 месяца, не имея личных средств, я должен был комбинировать исследовательскую работу с обстоятельством пребывания на одном месте такого количества времени, чтобы иметь возможность отблагодарить хозяев фотоснимками их семьи для компенсации расходов по моему содержанию. Понятно, что подобные условия существования губительно действовали на работу, так очень и очень часто приходилось сжимать её, чтобы не попасть в весьма затруднительное по-*

ложение» [12, л. 10]. Действительно, для полевых работ – это были очень незначительные суммы⁵.

В течение мая – ноября 1926 г. (с перерывом в три недели) он пешком обошёл Сегозерскую и Ругозерскую волости Паданского уезда, часть Летнеконечской волости Кемского уезда, побывал в Андроногорском обществе и селении Выг-остров Сороцкой волости⁶. Ситуация в глубинке Олонии была не самая благоприятная для одиночных путешествий. На дорогах, кроме бандитов, нередко можно было встретить волков и медведей. Невзирая на все трудности, удалось собрать блок этнографического материала, «*состоящий в сыром, необработанном виде из не менее 10 печатных листов (400 тысяч знаков)*» [12, л. 10].

В начале августа 1926 г. будущему ученому посчастливилось сделать «одно из самых крупных археологических открытий первых лет Советской власти» – обнаружить в Беломорской Карелии новый «очаг» петроглифов. «*Спасибо тебе, Судьба, что ты подарила мне эти августовские сутки, решившие раз и навсегда, кем мне быть и где мне жить!*» – такими возвышенными словами он описывал события тех дней [17, л. 78]. Кроме работоспособности, здоровой амбициозности и энергии, начинающий этнограф обладал главным качеством, необходимым для успешной профессиональной деятельности, – умением производить приятное впечатление на собеседника, быстро налаживать контакты с людьми разных сословий. Неоднократно описанная, случайная встреча с местным жителем Г.П. Матросовым на дороге из Сороки в Выг-остров стала решающей для жизненного пути А. Линевского.

Григорий Павлович отвёз на лодке столичного студента на остров Шойрукшин, находящийся напротив деревни, посреди порожиистой р. Выг⁷. На его северной стороне располагались т.н. Чёртовы Следки – скальное обнажение площадью около 40 кв. м, «мясного» цвета, с «мешаниной» из нескольких сотен изображений: оленей, посей, морских животных, птиц, лодок, следов ступни человека. В центре выделялась фантастическая, огромная фигура «горбатого мужчины». Хорошо заметные выбивки на скале труднодоступного острова были известны местным жителям, но только Г.П. Матросов решил, что они интересуют «городского чужака»: «*Пойдём, – говорит, – покажу, что у меня есть*» [4, с. 88]. А.М. Линевский «по ассоциации» со знаменитым онежским изображением сразу реши-

⁵ Средняя зарплата служащего в СССР в 1927 г. составляла 81 руб. при стоимости сахара 79 коп. за 1 кг, печёного белого хлеба – 22 коп. за 1 кг, монпансье – 95 коп. Бутылка молока на рынке в Петрозаводске в 1927 г. стоила 20 коп., картофеля – 15 коп. за 1 кг [19].

⁶ «Научная работа только начиналась и местная пресса отметила приезд даже четырёх студентов» [20, л. 3].

⁷ «Поперёк широкой в этом месте реки Выг тянулась гранитная гряда, у одного и другого берега сильное течение пробило себе выход к взморью. На одной стороне островка ревел бурный порог Шойрукша, с другого бока острова тихо струился неширокий водопад, высотой метра три – четыре. Между ними на островке на солнце блестела глянцевидная скала багрового цвета, очень густо покрытая рисунками» [17, л. 81].

Рис. Местонахождение петроглифов на острове Шойрукшин р. Выг [25, табл. 42].

Pic. The location of petroglyphs on the island Shoirukshin of the river Vyg [25, Table 42].

тельно переименовал Чёртовы в Бесовы Следки (рисунок).

У Линевского была «кассета с дюжиной плёнок и отличный аппарат Агфа», но этого было недостаточно для фотографирования всех изображений. По совету Матросова родилась оригинальная методика: в Сороке были куплены дешёвые обои, собирали по домам газет, далее «мокрой тряпкой смачивая края изображений, проводили по их контуру линию чернильным карандашом, затем накладывали лист газет или обоев, приглаживая лист к поверхности скалы». Первые простенькие копии беломорских петроглифов стали основой для последующего их осмысления в Ленинграде.

В воспоминаниях об этом событии упоминается Алексей Воробьёв – «парень, своего рода дьячок в старообрядческой молельне, по своей инициативе ещё с детства разыскивающий, как "ди-ковинки" археологический материал» [21, л. 4]. Он показал 14 мест в окрестностях деревни, где на поверхности песчаных осыпей и огородах встречались каменные орудия и неолитическая керамика.

В Беломорском районном краеведческом музее хранится маленькая (7 x 8 см) поясная студийная фотография А. Линевского и Г. Матросова. Значимые для петроглифоведения Карелии персонажи запечатлены на снимке сидящими на фоне «задника» изображением с пасторального летнего пейзажа: колонна, деревья и забор из штакетника. Они в расстегнутых двубортных демисезонных пальто, в шарфах. Линевский в модной кубанке. Скорее всего, эта «карточка на память» была сделана в одну из зим 1927–1928 гг. в Сороке, где работало фотографическое ателье (см. фото 2).

Зимой Линевский активно выступал с докладами перед преподавателями и студентами университета, археологами, демонстрировал им копии петроглифов. Он успешно анонсировал новый «очаг древнего искусства», свои предварительные работы, желая продолжить изучение этой выразительной темы каменного века. На фоне «простых» рабочих выступлений по результатам экспедиций студентов-этнографов в разные районы СССР яркие, эмоционально-таинственные «рисунки из прошлого» Карелии вызвали большой интерес специалистов. На его докладах присутствовали «патриархи» российской археологии Александр Андреевич Спицын и специально приехавший из Москвы, «глава московской археологической школы» Васи-

лий Алексеевич Городцов. Большую роль в «продвижении открытия» сыграл фактор «свежести» материала и оригинальности «расшифровок», предложенных молодым исследователем. Весной, во время поездки в Москву, состоялось личное знакомство с аспирантом НИИ археологии и искусствоведения РАНИОН⁸ – Александром Яковлевичем Брюсовым, в 1926 г. начавшим, вместе с М.Е. Фосс и Д.А. Крайновым, работы на восточном побережье Белого моря.

На проходившем в марте – апреле 1927 г. в Петрозаводске VII Всекарельском съезде советов А. Линевский сообщает о своем научном открытии Александру Николаевичу Лескову, ближайшему соратнику Эдварда Гюллинга. Благожелательное отношение высшего руководства республики, которое понимало важность разносторонней научно-исследовательской работы для Карелии, позволяло ежегодно получать небольшое финансирование на полевые исследования⁹.

А. Линевский, наверно, первым из исследователей подробно описывает опробованный им метод копирования петроглифов, его преимущества перед другими способами снятия копий: «...Простой по технике, очень быстрый и совершенно точный

⁸ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук РСФСР (1925–1930 гг.).

⁹ «Приехал ... в Петрозаводск, я сделал в Обществе изучения Карелии доклад о проделанной в прошлом году работе. Благодаря вниманию руководителей Карельской республики, я получил по постановлению Совнаркома просимые мною 150 рублей, которые были израсходованы на собрание изображений, выбитых на скалах, у селения Выг-острова» [12, л. 11].

способ ... Применение обычного способа эстампажа на шведской бумаге оказывалось невозможным: у нас не было для этого ни времен, ни средств» [22, с. 36]. «Была проделана работа по механическому переносу изображений как контурных, так и рельефных (гипсовых). Чтобы перенести контуры с площади 40 кв. м, заключающих свыше 167 изображений, удалось додуматься после ряда общеизвестных способов (или очень дорогих, или очень кропотливых) до простого и очень удобного. Площадь разграничилась на квадраты (примерно 90 x 70 см), каждый квадрат смачивался водой, а затем чернильным карандашом обводились контуры изображений. Прикладываемый слегка влажный лист бумаги механически запечатлевал рисунки. Приложив копировальную бумагу лицом на чистую сторону листа посредством обвода карандашом механически нанесённых контуров, получают на другой, правой стороне, идеально точные очертания. Работы рельефных изображений совершались путём употребления гипса обычными средствами. Были сделаны несколько десятков фотографий, топограф. план и т.д.» [22, с. 49–56].

Фото 2. Г.П. Матросов и А.М. Линевский. Сорока. 1927 г. Музей «Беломорские петроглифы». № 2491. Photo 2. G.P. Matrosov and A.M. Linevsky. Soroka. 1927. Museum «White sea petroglyphs». No. 2491.

Этот «методологический манифест» Линевского неоднократно цитировался в дискуссионной историографической части более поздних работ других исследователей. Например, основной оппонент – В.И. Равдоникас – в обобщающем академическом труде о петроглифах Онежского озера, в главе, посвящённой анализу историографии наскального искусства Карелии, отвёл около половины объёма текста критике методики копирования и «расшифровке» скальных полотен А. Линевского [23, с. 15–21]. Выполненные им копии «во всех отношениях подобные натуре» он категорично определял как ложные: «нет почти ни одной, вполне сходной с натурой, а некоторые из них ... с натурой не имеют ничего общего. ... Подобные воспроизведения только вводят в заблуждение, как читателей, так и самого исследователя» [23, с. 16]. За многословной критикой хорошо просматривается раздра-

жение мэтра к профессионально более удачливому молодому студенту. А. Линевский «неприлично» стремительно вошёл в столичные «научные круги» с ярким, уникальным материалом: получил благодарственное предисловие А.А. Спицына к своей статье 1929 г., «водил дружбу» с москвичом А.Я. Брюсовым.

Лето 1927 г. началось поездкой к открытым петроглифам на Выг-остров, куда А.М. Линевский приехал 25 июня вместе с А.Я. Брюсовым – начальником археологической экспедиции Государственного исторического музея [12, л. 19]. В работах принимали участие студенты исторического отделения историко-философского факультета по циклу археология 1-го Московского государственного университета: С.В. Романовская, Н.А. Прокошев, Д.А. Крайнов, Ю.М. Пылаева¹⁰. Студенты раскапывали неолитические стоянки, обнаруженные годом ранее, а Линевский заново копировал петроглифы «теперь уже квалифицированно: скала была расчерчена мелом на квадраты, они перенумерованы, а это позволяло позднее безошибочно сращивать листы копий ... По-настоящему "читать" петроглифы ещё не умел, но – правильно улавливая связь между рисунками – уже выделял сложные композиции из тесного окружения одиночных изображений» [24, с. 99]. Вечерами происходили долгие дискуссии с А.Я. Брюсовым: «эти часы наших "раздумий вслух" давали мне очень многое», «за это время я десятки раз благодарил судьбу за знакомство с А. Я. и его эрудицию» [21, л. 5–6].

В 1927 г. на восточном берегу Онежского озера Линевский нашёл 167 новых изображений на Пери Носу и 27 – на Бесовом Носу. Общим итогом полевого сезона стала уникальная коллекция из 359 копий петроглифов [12, л. 12].

Зимой в Ленинграде продолжалась обработка экспедиционного материала. «Я не был подготовлен к такому открытию. Мои познания в разновидностях археологических памятников не отличались обилием» [17, л. 81]. А.М. Линевский ежедневно занимался изучением научной этнографической литературы в Публичной библиотеке (в его внушительном библиографическом списке значилось почти 600 работ, точнее 591 книга). Он ставил перед собой сложные вопросы о причинах появления петроглифов, пытался представить ход мыслей «первобытного анимиста», выбивавшего «рисунки на скале» [12, л. 12]. Он был уверен, что для постижения сокровенного смысла петроглифов требовались знания «примитивных религиозных форм древних эпох». Именно этнография, понимаемая А.М. Линевским в данном случае как «изучение пережитков верований», должна была дать «ключ понимания причин и поводов изображений на скалах» [12, л. 12], «петроглифы, несомненно, возникали в результате мистических представлений,

¹⁰ «С А. Я. приезжали студенты и, в меньшем числе, студентки, на долю которых приходились дежурства поварами. Взаимоотношения между "м" и "ж" в экспедициях всегда были чисто товарищескими и такое явление, как «пара», не возникало» [21, л. 10].

вызванных, однако, строго материальными факторами» [25, с. 34].

Предварительным результатом «погружения в тему» стало участие в престижной двухнедельной выставке «10 лет советской науке» в Русском музее в Ленинграде. Линевскому, как представителю ЛОИКФУН¹¹, для демонстрации петроглифов выделили целую стену большого зала. Уменьшенные в десять раз на пантографе 300 копий изображений тушью на кальке стали «гвоздём программы» юбилейного мероприятия. По воспоминаниям А. Линевского, в последствии, он получил «предложения из Финляндии (проф. А.М. Тальгерен), Швеции (Королевская Академия наук) и от каких-то журналов Германии предоставить им монополию опубликования памятников» [20, л. 1].

1928 год

Полевой сезон 1928 г. был максимально активным. По протекции заместителя наркома просвещения М.П. Покровского, с которым удалось познакомиться на выставке в Русском музее, впервые Линевский получает от Главнауки «открытый лист» на право обследования всего побережья Белого моря и небольшое финансирование.

Сделав доклад на заседании Общества изучения Карелии и получив от Совнаркома просимые им 220 руб., А.М. Линевский выезжает с Алексеем Воробьёвым на восточный берег Онежского озера для обследования побережья от Усть-Шалы до закрытого Муромского монастыря. На мысах Кладовец и Гажий Нос они находят 35 новых петроглифов, на Бесовом и Пери Носу – ещё 52 изображения. Для музея в Петрозаводске изготавливаются гипсовые эстампажи древних выбивок.

Затем молодой исследователь направляется в с. Сорока на Белом море, где «благодаря любезности Управления СЛОНа получил возможность обследовать и изучить форму Соловецких доисторических памятников на большом Заячьем острове, Муксольме, Анзере и в других местах» [12, л. 19]. Путешествие носило экскурсионный характер, но он выступает с докладом «о производимых Карельской республикой работах по изучению доисторических памятников» в знаменитом Соловецком отделении Архангельского общества краеведения. Знакомится с его учёным секретарем (недавно заключённым) историком и этнографом, исследователем лабиринтов Беломорья Николаем Николаевичем Виноградовым [26], который вместе с фотоаппаратом и двумя вольнонаёмными сотрудниками СЛОНа сопровождает в поездке по островам архипелага¹². На полученный гонорар за выступление (200 рублей) Линевский приобретает солидный бот грузоподъёмностью в 400–500 пудов, рассчитывая продолжить работы в Беломорье в будущие полевые сезоны.

¹¹ Ленинградское общество культуры финно-угорских народов (1925–1931 гг.).

¹² «В Соловках от меня отобрали фотоаппарат, но взамен приносили своего фотографа и учёного секретаря СОКа Н.Н. Виноградова» [21, л. 6].

В 1930 г. поездка на Соловки повторилась. По воспоминаниям А.Я. Брюсова она не была простой. Соловецкий архипелаг – это общая закрытая территория УСЛОН ОГПУ, с режимными ограничениями. Прибытие с материка на Соловки, перемещение по островам было возможно только по специальным пропускам и в сопровождении бойцов охраны. Только благодаря помощи зав. естественным отделом Карельского государственного музея Г.А. Анкудинова небольшой команде археологов (А.Я. Брюсов, А.М. Линевский, студентки Н.Н. Гуркина и Е.В. Кузнецова) удалось получить разрешение у заместителя начальника лагерей «товарища Арвида Мартинелли»¹³ и две недели осматривать вместе с Н.Н. Виноградовым археологические памятники на Соловецких островах [27].

Подводя итоги своей работы в 1928 г., А. Линевский пишет: «обнаружены новые 100 петроглифов, изучен ряд доисторических памятников на Соловецких островах, проверен собранный в прошлом году материал (359 петроглифов), обследовано побережье Сороцкой бухты (45 вёрст) и восточный берег Онежского озера (25 вёрст) и, наконец, изучен добытый Брюсовым материал неолитических стоянок на островке с Бесовыми Следками» [12, л. 19]. Таким образом, за 1926–1928 гг. А.М. Линевский сумел найти более 450 новых петроглифов. В заключительном примечании он счёл необходимым отреагировать на происки недоброжелателей: «слухи, что мною предоставлены западным ученым обширные материалы, абсолютно не соответствуют истине» [12, л. 23].

В августе 1928 г. за месяц «отшельнической» жизни в дер. Бесов Нос учёный написал первый, краткий вариант своего знаменитого произведения – «Листы из каменной книги». Он был уверен, что именно работа в уединении и тишине способствовала погружению в ауру древнего искусства: «Можно было в полном одиночестве, придумывая фабулу повести, медленно бродить по мысам, покрытым рисунками. Мою фантазию «распирало» от множества рождаемых мысленно эпизодов из быта родового общества Севера» [24, с. 99]. «Палеозштографическая повесть» увидела свет в 1930 г. в двух номерах популярного в СССР московского журнала «Всемирный следопыт» [28]. «По сюжету она относится к юношеской литературе, а по языку претендует на взрослого читателя» [20, л. 3].

Одновременно с археологическими изысканиями Линевский продолжал проводить работу по сбору этнографического материала, в том числе «по верованиям русских поморов» [29, 30]. Результатом стала обширная статья «Верования» в краеведческую хрестоматию «Карелия» для учителей и учеников советских школ первой ступени, написанная по предложению члена редколлегии К.П. Герда. Первоначальный вариант статьи объёмом 3,5 печатных листа по рекомендации Наркомпроса был

¹³ «На пароходе "Глеб Боккий", совершавшем рейсы между Кемью и Соловками, команда решила устроить кутёж в кают-компании с группой этапиремых "жриц любви". Поэтому нас направили вглубь судна и повезли в компании заключённых» [21, л. 14].

расширен сведениями по верованиям русских [12, л. 20].

А. Линеvский подготовил к публикации материалы и предварительную аналитику экспедиционных работ по наскальным изображениям Карелии. Объёмная статья «К вопросу о петроглифах Карелии» вышла в научном сборнике ЛОИКФУН – общества, активно проводившего в 1920-х гг. изучение этнографии финно-угорских народов СССР [31]. Главнаука¹⁴ выделила на издание 500 руб., однако на эти небольшие деньги «из-за дорого стоящих клише» удалось «втиснуть» текст объёмом только 2,5 печатных листа (вместо фактических 12–15). Работа предварялась посвящением АКССР, с признательностью её руководству (Э.А. Голлингу, Б.А. Потапову, Н.А. Гаппоеву): «оказавших мне в своё время всемерное содействие и материальную поддержку». Эта первая обстоятельная публикация «внесла новую интересную страницу в науку древностей восточной Европы» [22]. На основе этой статьи в декабре 1928 г. успешно защищён диплом «Петроглифы Карелии».

1929 год

В январе 1929 г. А. Линеvский принят в члены секции научных работников Ленинграда. Существовала возможность поступить в штат Эрмитажа, но он «предпочёл зачисление в сотрудники Исследовательского института при Этноотделении Геофака ЛГУ. Однако, это не давало зарплаты и существовать приходилось на случайные заработки» [21, с. 8]. Весной 1929 г. по протекции Брюсова им успешно сделан доклад на заседании РАНИОН в Москве.

В специализированном журнале «Охота» и региональных изданиях в 1929 г. были напечатаны его небольшие популярные очерки с иллюстрациями «о расшифровках петроглифов», позднее вошедшие главами в общий труд 1939 г. [25, 32–35].

Однокурсник Линеvского Степан Андреевич Макарьев, возглавивший Карельский государственный музей осенью 1928 г., пригласил его к себе на работу заведующим только организованного исторического отдела и секретарём Бюро краеведения, которое должно было курировать всю научно-исследовательскую деятельность в Карелии. После официального письма наркома просвещения АКССР Ю. Сиройла 15 мая 1929 г. А. Линеvский переехал навсегда в Петрозаводск. Во многом это было правильное, судьбоносное решение¹⁵. Через месяц после его отъезда в «тихую» Карелию, в Ленинграде, по решению правительственной комиссии из Москвы, начались жёсткие «чистки» в научных учреждениях, сопровождавшиеся массовыми увольнениями, а потом и арестами «членов контрреволюционно-монархической организации» учё-

ных-гуманитариев и краеведов по печально известному «Академическому делу», сфабрикованному ЛеноГПУ [36]. В северной столице молодой учёный дворянского происхождения неизбежно попал бы в пибельные жернова классовых репрессий. В Карелии же А. Линеvский, как член Ленинградской секции научных работников, был на особом положении единственного «официального» представителя «научной корпорации».

В Петрозаводске Линеvский окунается в водоворот музейной, краеведческой и литературной работы. «В музее приходилось быть единственным экскурсоводом, по Бюро краеведения читать множество лекций, делать разного рода доклады, также руководить кружком «Друзья музея», готовить кадры экскурсоводов по Карелии и в Петрозаводске (по инициативе общества «Турист»), вести фотокружок, руководить кружками в школах по истории Карелии. Тогда же осенью 1929 года мною была организована Карельская Ассоциация Пролетарских Писателей (КАПП)» [20, л. 3]. Деятельность кружков дополнялась, по инициативе их руководителя, экскурсионными «вылазками за город» в выходные с ночёвками в лесу.

Основной задачей молодого музейного сотрудника было создание новой экспозиции, сначала в нескольких комнатах дома КарЦИКа на площади имени 25 Октября, а затем в перестроенном здании бывшего собора св. Александра Невского. «Пришлось проявить много изобретательности, чтобы из хаотического собрания самых разнообразных экспонатов сделать в современном смысле исторический отдел, состоящий из подотделов археологии, истории, искусства, а также и этнографии» [20, л. 3].

В 1929 г. руководством АКССР Карельский государственный музей рассматривался как координационный центр всех научных работ, проводимых столичными институтами на территории Карелии: «политико-просветительского и научного учреждения, объединяющего всю работу в этой области в республике» [37, с. 16]. Впервые Наркомпросом республики были профинансированы и самостоятельные полевые исследования музея. В его сводный план были включены и потом успешно проведены две экспедиции С.А. Макарьева «по комплексному изучению в этнографическом и экономическом отношении» в восточное Приладожье, Шелтозерский край и совместно с Этнографическим отделением ЛГУ студенческая практика в с. Шуя, выезд А.М. Линеvского для продолжения изучения петроглифов Беломорья и археологических памятников Соловков, раскопки А.Я. Брюсова (Московский государственный исторический музей) на реках Выг и Шуя (поселения Волок, Шойрукшин остров, Бесовы Следки, Падозеро), а также орнитологические наблюдения Т.А. Анкудинова в Тунгудском районе [38, с. 4]. В 1930 г. при остром дефиците типографской бумаги удалось даже выпустить первое и, в последующие шестьдесят лет, единственное научное издание музея [39].

В Карельском государственном музее А. Линеvский работал пока не осложнились отношения с

¹⁴ Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения (1921–1930 гг.)

¹⁵ «... В переезде из Ленинграда в Карелию никогда не раскаивался». «Могучим стимулом, удерживающим меня в Петрозаводске, оказалась неограниченная свобода действий. Я мог делать всё, что хотел и как хотел» [17, л. 91; 21, л. 9].

С. Макарьевым, после чего в конце 1930 г. он уехал к своей жене Н. Гуриной в с. Кандалакша, чтобы участвовать в совместном создании местного музея.

Заключение

А. Линеvский не был археологом и опирался при изучении таких оригинальных археологических памятников, как петроглифы, на методологические принципы, принятые в советской этнографии начала XX в. Но его вклад в формирование нового направления в археологии СССР 1920–1930-е гг. – петроглифоведение, трудно переоценить. Сам он так охарактеризовал результаты этого важного начального периода своей научной биографии: «Я расшифровал в 1928–30 гг. ряд петроглифов, выявлял поводы и причины возникновения отдельных групп и т.д. Не имея достаточной поддержки в период студенчества и будучи не в силах преодолеть препятствия в период 1930–35 гг., я смог возобновить необходимую полевую работу лишь летом 1935 г.» [25, с. 13].

А.М. Линеvскому принадлежат важнейшие полевые наблюдения, столь необходимые для поиска и фиксации изображений, для понимания психологии древнего художника, его «остроумных и оригинальных» изобразительных приёмов. В кратком перечислении – это смысловое разделение групп выбивок, аналитика взаимосвязи соседствующих фигур, выделение «знаков ранения» [35, с. 64], смена цветовой гаммы петроглифов в разные времена года [25, с. 11], система включения рисунков в естественный контекст скалы для передачи замысла древних выбивок (дорабатывание объёмной фактуры камня, использование естественных трещин, цветных пятен) [40, с. 82–83]. Стилистический анализ и учёт взаимного расположения фигур Бесовых Следков позволили сделать оригинальный вывод о стадийности в выбивании изображений. Именно Линеvский предложил для очистки скал использовать химические растворы, а для поиска «лопки первобытного художника» раскрашивать различными цветами разные группы изображений, что было им опробовано на Бесовых Следках.

Наблюдения учёного, его ёмкие интерпретации отдельных фигур и сюжетов на основе простой аргументации до сих пор остаются важными при попытках расшифровать петроглифы Карелии. «Что же в наследии А.М. Линеvского обрело не боящуюся времени и развития знания ценность, что сейчас нам представляется всё более значимым? ... Это – большая серия совершенно документальных наблюдений, добытых ценой многолетних самоотверженных исканий. Некоторые из них, на первый взгляд, очень частные... оказываются ключевыми посылками конкретно-исторической реконструкции духовного мира лесного неолита» [3, с. 4].

Полевое изучение и «толкование» петроглифов Беломорья и Онежского озера в 1926–1929 гг. позволили А.М. Линеvскому накопить материал для двух книг, где он впервые смог сравнить «очаги древнего карельского искусства» [25, 40]. Эти труды стали основой для кандидатской диссертации, защищённой в МГУ в 1944 г. В редакционной статье

А.Я. Брюсов эти работы характеризует как «явление исключительное»: «никому не удавалось так близко подойти к раскрытию смысла этих и аналогичных древних изображений», «смог дать блестящую реконструкцию смыслового значения рисунков», «сумел доказать одновременность выполнения различных групп и фигур» [25, с. 3].

Многолетняя научная деятельность учёного, его «простые» комментарии, «наивно-рационалистическое толкование символических знаков», «попытка осветить с помощью этнографических параллелей их значение в качестве образов магического или религиозного порядка» [23, с. 15] всегда порождали полярные мнения у археологов, но, что немаловажно, положительно стимулировали необходимость более расширенной и углублённой аргументации в дискуссии. Периодически возникающие споры о методике и положениях, предложенных А.М. Линеvским почти сто лет назад, можно расценивать, как закономерный знак уважения к мэтру, чьи идеи не потеряли актуальности и по прошествии времени. Будет справедливым отметить, что знаменитая «научно-фантастическая повесть для юношества» о хитром Лёке и петроглифах Карелии для многих советских археологов-«каменщиков» второй половины XX в. послужила положительным импульсом к выбору профессии.

Литература

1. Савватеев Ю.А. В поисках достоверности: о жизни и деятельности А.М. Линеvского // Север. 2010. № 7–8. С. 94–107.
2. Шаскольский И.П., Савватеев Ю.А., Столяр А.Д. Памяти Александра Михайловича Линеvского // Советская археология. 1987. № 1. С. 300–301.
3. Столяр А.Д. Перечитывая «Петроглифы Карелии» Александра Михайловича Линеvского // Вестник Карельского краеведческого музея. 1994. Вып. 2. С. 3–16.
4. Верхоглядов В. «Когда-нибудь, когда-нибудь... Когда?» // Краевед. 10 лет. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 86–91.
5. Левитина А.М. А.М. Линеvский: критико-биографический очерк. Петрозаводск: Карелия, 1973. 144 с.
6. Линеvский А.М. Страницы минувшего // Север. 1987. № 4. С. 62–91.
7. Голов А.Г. Мемуары А.М. Линеvского как источник по истории краеведения Карелии 1920–1930-х гг. // Учёные записки МГПУ. Исторические науки / Мурманский государственный педагогический университет. Мурманск, 2007. Вып. 7. С. 233–240.
8. Шафранская К.В. Литературный кружок А. М. Линеvского (1929–1930 гг.) // Краеведческие чтения: Материалы II научной конференции. Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2009. С. 7–10.
9. Филимончик С.Н. Писатели Карелии и власть в 1930-е годы // Балагуровские чтения: Материалы V межрегиональной краеведческой конференции. Сумский Посад: Центр поморской культуры, 2017. С. 58–67.

10. *Гороховик Е.В.* Беломорье в жизни Александра Линевского (к 115-летию со дня рождения) // Балагуровские чтения: Материалы VI межрегиональной краеведческой конференции. Беломорск: Центр поморской культуры, 2018. С. 40–49.
11. *Михайлов Е.П.* Забытый исследователь чувашей. Чувашский национальный музей. Люди. События. Факты: Альманах. Чебоксары: Авалхи, 2001. С. 81–84.
12. *Национальный архив Республики Карелия* (далее – НАРК). Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 8/164. Л. 2–26.
13. *Линевский А.М.* Чуваша // Этнографический словарь. Т. 48. М.: Изд-во Русского этнографического института «Гранат», 1929. С.683.
14. *Линевский А.М.* Революция и чуваша // Обновлённая деревня. Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 120–137.
15. *Линевский А.М.* Комсомол Чувашии // Комсомол в деревне (Революция и комсомол). М.-Л.: Гос. издательство, 1926. С. 109–116.
16. *Ссорин-Чайков Н.* От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 7–44.
17. *НАРК.* Ф. Р-3262. Оп. 1. Д. 22/201. Л. 2–94.
18. *Научный архив Карельского научного центра РАН.* Ф. 26. Оп. 1. Д. 1–7.
19. *Пепутов Н.* Цены на продукты // Карело-Мурманский край. 1927. № 6. С. 26–27.
20. *НАРК.* Ф. Р-3262. Оп. 1. Д. 44/724. Л. 2–13.
21. *НАРК.* Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 5/127. Л. 2–16.
22. *Линевский А.М.* К вопросу о петроглифах Карелии (Бесовы Следки, Бесов Нос и Пери Нос) // Сборник Ленинградского общества культуры финно-угорских народностей. Т. 1. Л.: ЛОИКФУН, 1929. С. 53–95.
23. *Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера. Ч. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 212 с.
24. *Линевский А.М.* Двадцатые годы. Воспоминания // Север. 1967. № 6. С. 96–102.
25. *Линевский А.М.* Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.
26. *Марковская Е.В.* Николай Николаевич Виноградов, как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932–1937 гг.) // Рябининские чтения – 2007. Петрозаводск, 2007. С. 198–199.
27. *Кузьминых С.В., Щавлёв С.П.* Воспоминания Александра Яковлевича Брюсова «На тропах археологии» // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 636–704.
28. *Линевский А.М.* Листы из каменной книги // Всемирный следопыт. 1930. № 3–4.
29. *Линевский А.М.* Материалы к обряду отпуска в пастушестве Карелии (Летнеконечная вол. Карельской АССР) // Этнограф-исследователь. 1928. № 23. С. 41–45.
30. *Линевский А.М.* Роль этнографа в советском строительстве // Советское строительство. 1929. № 8. С. 112–114.
31. *Королькова Л.В.* Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей. Дела. Люди и судьбы // In situ: Сб. к 85-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 421–432.
32. *Линевский А.М.* Петроглифы Карелии. (Наскальные изображения 3000-летней давности) // Карело-Мурманский край. 1928. № 12. С. 18–21.
33. *Линевский А.М.* Морской и озёрно-речной промыслы в древней Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1929. № 3. С. 108–122.
34. *Линевский А.М.* Об охотничьих суевериях // Охотник. 1929. № 3. С. 30–31.
35. *Линевский А.М.* Промысел на лося и оленя за 3000 лет до нас // Охотник. 1929. № 9. С. 28–33.
36. *Брачёв В.С.* «Дело историков». 1929–1931 гг. СПб.: Нестор, 1997. 113 с.
37. *Савватеев Ю.А.* Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 10–41.
38. *Макарьев С.А.* Научно-исследовательские работы в Карелии в 1929 году // Красная Карелия. 1929. № 113 (4).
39. *Карелия: Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Т. 1.* Петрозаводск, 1930. 153 с.
40. *Линевский А.М.* Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1940. 130 с.

References

1. *Savvateev Yu.A.* V poiskakh dostovernosti: o zhizni i deyatel'nosti A.M. Linevskogo [In search of authenticity: about the life and work of A.M. Linevsky] // Sever [The North]. 2010. № 7–8. P. 94–107.
2. *Shaskol'sky I.P., Savvateev Yu.A., Stolyar A.D.* Pamyati Aleksandra Mikhaylovicha Linevskogo // Sovetskaya arkheologiya [In memory of Alexander M. Linevsky // Soviet archeology]. 1987. № 1. P. 300–301.
3. *Stolyar A.D.* Perechityvaya «Petroglify Karelii» Aleksandra Mikhaylovicha Linevskogo [Rereading «Petroglyphs of Karelia» by Alexander M. Linevsky] // Bull. of the Karelian Museum of local lore. 1994. Vol. 2. P. 3–16.
4. *Verkhoglyadov V.* «Kogda-nibud', kogda-nibud'... Kogda?» // Kraeved. 10 let [«Someday, someday... When?» // Local Historian. 10 years]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1999. P. 86–91.
5. *Levitina A.M.* A.M. Linevskiy: kritiko-biograficheskiy ocherk [A.M. Linevsky: critical and biographical essay]. Petrozavodsk: Karelia, 1973. 144 p.
6. *Linevsky A.M.* Stranitsy minuvshogo [Pages of the past] // Sever [The North]. 1987. № 4. P. 62–91.
7. *Golov A.G.* Memuary A.M. Linevskogo kak istochnik po istorii kraevedeniya Karelii 1920–1930 gg. // Uchenye zapiski MGPU. Istoricheskie nauki [Memoirs of A.M. Linevsky as a source on the history of local lore of Karelia in the

- 1920s-1930s // Sci. notes of Murmansk State Pedagog. Univ. Historical Sciences] / Murmansk State Pedagog. Univ. Murmansk, 2007. Issue 7. P. 233–240.
8. *Shafanskaya K.V.* Literaturnyy kruzhok A.M. Linevskogo (1929–1930 gg. [A.M. Linevsky's literary circle (1929–1930)] // Local History readings: Materials of the II sci. conf. Petrozavodsk: National library of the Republic of Karelia, 2009. P. 7–10.
9. *Filimonchik S.N.* Pisateli Karelii i vlast' v 1930 godu [Writers of Karelia and power in the 1930s] // Balagurov Readings: Proc. of the Vth interregional conf. on local lore. Summary Posad: Center of Pomor culture, 2017. P. 58–67.
10. *Gorokhovik E.V.* Belomor'ye v zhizni Aleksandra Linevskogo: (k 115-letiyu so dnya rozhdeniya) [Belomorye in the life of Alexander Linevsky (to the 115th birth anniversary)] // Balagurov Readings: Proc. of the VIth inter-regional conf. on local lore. Belomorsk: Center of Pomor culture, 2018. P. 40–49.
11. *Mikhailov E.P.* Zabytyy issledovatel' chuvashy [The forgotten Explorer of the Chuvash]. Chuvash National Museum. People. Events. Facts: Almanac. Cheboksary: Avalkhi, 2001. P. 81–84.
12. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kareliya* [National archive of the Republic of Karelia] (Further – NARK). F. P-3262. Op. 2. D. 8/164. L. 2–26.
13. *Linevsky A.M.* Chuvashi // *Etnograficheskoye slovar'* [The Chuvash // Ethnographic dictionary]. Vol. 48. Moscow: Publ. House of the Russian bibliographic Inst. "Granat", 1929. P. 679–683.
14. *Linevsky A.M.* Revolyutsiya i chuvashi // *Obnovlennaya derevnya* [Revolution and the Chuvash // Renewed village]. Leningrad: State Publ., 1925. P. 120–137.
15. *Linevsky A.M.* Komsomol Chuvashii // *Komsomol v derevne* (Revolutsiya i komsomol) [The Komsomol of Chuvashia // The Komsomol in the countryside (Revolution and the Komsomol)]. Moscow-Leningrad: State Publ., 1926. P. 109–116.
16. *Ssorin-Chaykov N.* Ot izobreteniya traditsii k etnografii gosudarstva: Podkamennaya Tunguska, 1920-e gody // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [From the invention of tradition to the Ethnography of the state: Podkamennaya Tunguska, 1920s // J. of social policy research]. 2011. Vol. 9. № 1. P. 7–44.
17. NARK. F. P-3262. Op. 1. D. 22/201. L. 2–94.
18. *Nauchnyy arkhiv Karel'skogo Nauchnogo Tsentra RAN* [Sci. Archive of the Karelian Sci. Centre, RAS]. F. 26. Op. 1. D. 1–7.
19. *Peputov N.* Tseny na produkty // *Karelo-Murmanskiy kray* [The price of food // Karelian-Murmansk region]. 1927. № 6. P. 26–27.
20. NARK. F. R-3262. Op. 1. D. 44/724. L. 2–13.
21. NARK. F. R-3262. Op. 2. D. 5/127. L. 2–16.
22. *Linevsky A.M.* K voprosu o petroglifakh Karelii (Besovy Sledki, Besov Nos i Peri Nos) // *Sbornik Leningradskogo obshchestva kul'tury finno-ugorskikh narodnostey* [On the problem of petroglyphs of Karelia (Besovy Sledki, Besov Nos and Peri Nos) // Collection of the Leningrad society of culture of Finno-Ugric peoples]. Vol.1. Leningrad: LOIKFUN, 1929. P. 53–95.
23. *Ravdonikas V.I.* Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera [Rock images of lake Onega]. Part 1. Moscow-Leningrad, 1936. 212 p.
24. *Linevsky A.M.* Dvadsatye gody. Vospominaniya [The Twenties. Memories] // *Sever* (The North). 1967. № 6. P. 96–102.
25. *Linevsky A.M.* Petroglify Karelii [Petroglyphs of Karelia]. Petrozavodsk: Karelian State Publ., 1939. 194 p.
26. *Markovskaya E.V.* Nikolay Nikolaevich Vinogradov, kak sotrudnik Karel'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (1932–1937 gg.) [Nikolai N. Vinogradov as an employee of the Karelian research Institute (1932–1937)] // *Ryabinin Readings–2007*. Petrozavodsk, 2007. P. 198–199.
27. *Kuz'minykh S.V., Shchavetov S.P.* Vospominaniya Aleksandra Yakovlevicha Bryusova «Na tropakh arkheologii» [Memoirs of Alexander Ya. Bryusov «On the paths of archeology» // *Russian archaeological Yearbook*. 2012. № 2. P. 636–704.
28. *Linevsky A.M.* Listy iz kamennoy knigi // *Vsemirnyy sledopyt* [The leaves of the stone book // World tracker]. 1930. № 3–4.
29. *Linevsky A.M.* Materialy k obryadu otpuska v pastushestve Karelii (Letnekonetskaya vol. Karel'skoy ASSR.) // *Etnograf-issledovatel'* [Materials for the holiday rite in the pastoral state of Karelia (Letnekonetsk volost of the Karelian ASSR) // *Ethnographer and researcher*]. 1928. № 23. P. 41–45.
30. *Linevsky A.M.* Rol' etnografa v sovetskom stroitel'stve // *Sovetskoe stroitel'stvo* [The role of the ethnographer in the Soviet construction // *Soviet construction*]. 1929. № 8. P. 112–114.
31. *Korolkova L.V.* Leningradskoe obshchestvo issledovateley kul'tury finno-ugorskikh narodnostey. Dela. Lyudi i sud'by // *In situ: Sb. k 85-letiyu prof. A.D. Stolyara* [The Leningrad society of researchers of culture of the Finno-Ugric peoples. Affairs. People and destinies // *In situ: Collection for the 85th anniversary of Prof. A.D. Stolyar*]. St. Petersburg, 2006. P. 421–432.
32. *Linevsky A.M.* Petroglify Karelii. (Naskal'nye izobrazheniya 3000-letney davnosti) [Petroglyphs of Karelia (3000-year-old rock images) // *Karelo-Murmansk region*. 1928. № 12. P. 18–21.
33. *Linevsky A.M.* Morskoy i ozerno-rechnoy promysly v drevney Karelii // *Ekonomika i statistika Karelii* [Sea and lake and river fish-

- eries in ancient Karelia // Economy and statistics of Karelia]. 1929. № 3. P. 108–122.
34. *Linevsky A.M.* Ob okhotnich'ikh sueveriyakh // Okhotnik [About hunting superstitions // Hunter]. 1929. № 3. P. 30–31.
35. *Linevsky A.M.* Promysel na losya i olenya za 3000 let do nas [Moose and deer hunting 3000 years before us] // Hunter. 1929. № 9. P. 28–33.
36. *Brachev V.S.* «Delo istorikov». 1929–1931 gg. [“The case of historians”. 1929–1931]. St. Petersburg, 1997. 113 p.
37. *Savvateev Yu.A.* Stepan Andreevich Makar'yev: zhizn' i deyatel'nost' (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vepsy: istoriya, kul'tura i mezhetnicheskie kontakty [Stepan A. Makaryev: life and work (to the 100th birth anniversary) // The Veps history, culture and interethnic contacts]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1999. P. 10–41.
38. *Makaryev S.A.* Nauchno-issledovatel'skie raboty v Karelii v 1929 godu [Research work in Karelia in 1929] // Krasnaya Kareliya [Red Karelia]. 1929. № 113 (4).
39. *Kareliya: Ezhegodnik Karel'skogo gosudarstvennogo muzeya za 1928 god* [Yearbook of the Karelian State Museum for 1928]. Vol. 1. Petrozavodsk, 1930. 153 p.
40. *Linevsky A.M.* Ocherki po istorii drevney Karelii [Essays on the history of ancient Karelia]. Petrozavodsk: State Publ. House of the Karelo-Finnish SSR, 1940. 130 p.

Статья поступила в редакцию 27.05.2020

УДК 930.253:94(574)"199"
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-69-74

**Г.У. АХМЕТШИНА*, С.К. КАБЫЛТАЕВА*,
И.Л. ЖЕРЕБЦОВ****

**ВКЛАД АРХИВОВ
В РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО
АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

**Евразийский национальный университет
имени Л.Н.Гумилева,
г.Нур-Султан, Казахстан*

***Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, Россия*

guldena_82@mail.ru

**G.U.AKHMETSHINA*, S.K.KABYLTAEVA*,
I.L.ZHEREBTSOV****

**THE CONTRIBUTION OF ARCHIVES TO THE
DEVELOPMENT OF THE SOURCE BASE
OF HISTORICAL RESEARCH IN THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
IN THE FIRST YEARS
OF INDEPENDENCE (ON MATERIALS
OF THE NATIONAL ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)**

**L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

***Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar, Russia*

Аннотация

В статье на материалах Национального архива Республики Казахстан показана деятельность архивов Республики Казахстан в первые годы существования независимого государства, направленная на изучение национальной истории. Исследованы официальные документы, хранящиеся в национальных архивных фондах Республики Казахстан. Отмечена важная роль архивистов в формировании источниковой базы для изучения национальной истории. Освещены разработка и осуществление специальных государственных программ по систематизации материалов об истории казахского народа, показаны мероприятия, направленные на кардинальное переосмысление многих проблем истории Казахстана, проводившиеся в начале 1990-х гг.

Ключевые слова:

Казахстан, независимость, Национальный архив, документ, фотодокумент, поисковые группы

Abstract

The paper uses the materials of the National archive of the Republic of Kazakhstan to show the activities of the archives of the Republic of Kazakhstan in the first years of the existence of an independent state, aimed at studying national history. Official documents stored in the national archives of the Republic of Kazakhstan were studied. The important role of archivists in the formation of a source base for the study of national history is noted. The author highlights the development and implementation of special state programs to systematize materials about the history of the Kazakh people, shows the activities aimed at radical rethinking of many problems of the history of Kazakhstan, held in the early 1990s.

Keywords:

Kazakhstan, independence, National archive, document, photo document, search groups

С первых лет после обретения Республикой Казахстан государственного суверенитета руководители страны уделяли особое внимание вопросам национальной истории, ее целенаправленному и системному изучению, популяризации исторических данных среди всех групп населения. В Конституции Республики Казахстан было отмечено, что историческое культурное наследие принадлежит народам, проживающим в Казахстане. Важная роль в изучении прошлого принадлежит архивам, вносящим фундаментальный вклад в формирование источниковой базы исторических исследований. Архивы как хранители неисчерпаемых исторических знаний, исторической памяти стран и народов позволяют исследователям проследить преемственность исторических эпох, людских поколений, разрозненных и

разновременных событий. В настоящей работе авторы рассматривают важнейшие стороны работы основных государственных архивов Республики Казахстан в первые годы независимости, связанные с выявлением и сохранением источниковой базы изучения национальной истории.

В фондах Национального архива Республики Казахстан хранятся данные о работе архивных учреждений за годы независимости. Их анализ позволяет выявить основные задачи, направления и основные результаты работы архивов. Уже в самые первые годы независимости деятельности архивов уделялось особое внимание. Об этом свидетельствует, например, план развития архивного дела в Республике Казахстан на 1992 г., содержащий обширный перечень поставленных перед архивистами непростых задач. В нем подчеркивалось, что «основными задачами архивных учреждений республики на 1992 г. являются: проведение необходимого комплекса работ по обеспечению сохранности документов, связанного со значительным увеличением архивного фонда республики, за счет поступления документов бывших партийных архивов; осуществление мероприятий по совершенствованию состава принятых документов, их государственному учету, созданию к ним научно-справочного аппарата, организации использования этой категории документов в соответствии с действующими в государственных архивах правилами и нормами; выполнение обязанностей по организации непрерывного пополнения архивного фонда республики, имея в виду при этом, главным образом, упорядочение и прием в государственные архивы и их филиалы документов с истекшими сроками ведомственного хранения, увеличения достигнутых темпов в этой работе с использованием возможностей, открывшихся в связи с передачей в ведение Государственной архивной службы зданий бывших партийных архивов» [1, л. 6]. Предстояло также сохранить темпы работы по созданию страхового фонда копий документов государственных архивов и изыскать необходимые средства для ее осуществления, в том числе для организации при госархивах малых лабораторий по микрофотокопированию.

Уже первые результаты работ показывают, что архивное дело активно развивалось. Только за 1992 г. архивными учреждениями республики было принято 150 тыс. дел, в том числе 9,3 тыс. научно-технических и аудиовизуальных документов, подготовлено 265 тыс. дел для сдачи в государственное хранение. Столь значительное увеличение архивного фонда республики связано с передачей партийных архивов в общий архив, в связи с чем расширился информационный фонд, в научный оборот вошел комплекс ранее неизвестных документов, появилось больше возможностей для дальнейшей работы с партийными документами предприятий и организаций.

В Национальном архивном фонде хранится информация о содержании чрезвычайно важной выставки фотодокументов тематико-экспозиционного характера «Наша Родина – Казахстан», подго-

товленной в г. Алматы ко Дню независимости в декабре 1992 г. Выставка состояла из трех разделов: «Источник казахской государственности», «Колонизация края и взаимоотношения народов в развитии экономики и культуры республики», «Переселение народов эпохи тоталитаризма и формирование их дружбы» [2, л. 10].

В сентябре 1992 г. в Алматы был организован Конгресс зарубежных казахов. Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Казахстан получило необходимые инструкции для участия в этом крупнейшем мероприятии. Главный архив начал поиск необходимых документов в средствах массовой информации, в частности, для публикации материалов по проблеме переселения казахов за рубеж. Эти документы должны были содержать информацию о казахих, переехавших в Китай, Иран, Афганистан и другие страны во время восстания 1916 г., коллективизации, голода 1920-х гг., Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Предусматривался выпуск сборника найденных документов: «Подготовка сборника документов об оттоке казахов за рубеж и их возврате на свою историческую Родину является актуальной, ибо до настоящего времени этот вопрос квалифицировали, как измена Родине, а людей, покинувших свое Отечество, называли врагами Советской власти. Истинные причины приезда казахов за границу, карательные методы подавления сопротивления коренного населения тщательно скрывались от общественности. Документы, отражающие эти события, были за семью замками, находились на секретном хранении. Только благодаря тем демократическим изменениям, которые произошли в жизни нашего общества, дали возможность открыто говорить о голоде, дать правильную оценку процессу коллективизации и другим, ранее замалчиваемым вопросам» [3, л. 2], эти документы стали доступны исследователям.

В целях выявления документов данного типа всем областным и региональным архивам было дано поручение провести соответствующую работу. Госархивом Восточно-Казахстанской области [3, л. 28] были найдены сведения о казахих, переехавших в соседнее Китайское государство из Зайсанского и Зырянского районов и обвинявшихся органами НКВД в том, что они являлись «врагами народа». В 1931 г. были зарегистрированы протоколы Зайсанского райисполкома, обвинительные постановления [3, л. 29–35]. По Зырянскому району обнаружены картотека уголовного дела и документы по обвинительному делу: протокол допроса, постановление, опросный лист, документы по результатам обвинительного заключения [3, л. 37–54]. Подобные материалы были обнаружены также в архивах Восточно-Казахстанской, Талдыкорганской, Мангистауской, Павлодарской, Семипалатинской областей; они были направлены в головное архивное учреждение. В архивах Гурьевской, Жамбылской, Карагандинской, Жезказганской, Костанайской, Кокчетавской, Тургайской областей сведения о казахих, переехавших за границу, не были найдены, однако и

собранные воедино (причем впервые, именно в связи с первым съездом казахов зарубежья) весьма информативные источники представляют собой основательную базу, вполне достаточную для проведения фундаментального исследования указанного вопроса. Мероприятия по осуществлению этого проекта стали одними из первых важных вкладов в развитие архивного фонда Республики Казахстан и формирование источниковой базы исторических исследований.

Другим чрезвычайно важным шагом стала организация во второй половине 1993 г. журнала-альманаха «Алаш-Мирас» («Народное наследие»). Его издание было нацелено на публикацию архивных документов, раскрывавших «белые пятна», малоизученные страницы истории Казахстана. Отметим, что публикации архивных документов осуществлялись и ранее. Так, еще в 1991 г. в Актюбинской области был издан сборник «Из истории Актюбинской области» (присланный государственным архивом этой области в редакцию журнала «Алаш-Мирас») [4, л. 12].

Специально для журнальных публикаций архивы Республики Казахстан начали целенаправленную работу по поиску необходимых данных. Уже в первые месяцы выпуска журнала «Алаш-Мирас» в его редакцию поступило множество материалов из различных архивных учреждений Казахстана. Например, Центральный государственный архив современной истории Республики Казахстан собрал и передал в журнал следующие материалы: «К вопросу о деятельности младобухарской организации в г. Перовске» (перевод с узбекского), «Казачество Казахстана. Информация Казкрайкома ВКП(б) за 1926 г.» (на русском языке), «Казахская организация МОПР в годы Отечественной войны» (на русском языке) [4, л. 2].

Западно-Казахстанская область была одной из многонациональных областей страны. Здесь в первой половине XX в. селились жители Армении, Литвы, Латвии, Польши, Германии, чехи и словаки. Западно-Казахстанское областное управление архивов и документации направило в журнал ряд данных, раскрывающих трагические страницы истории региона (о Гражданской войне, голоде в «Малом Казане»), а также другие разнообразные материалы из своих фондов (записи мечети и церковные книги г. Уральска, документы о событиях периода Великой Отечественной войны, об изменениях в освоении целинных земель и др.).

В архиве Атырауской области были найдены следующие материалы, направленные в «Алаш-Мирас» с краткой аннотацией: «Материалы по конфискации баев, служителей религиозного культа по Денгизскому району за 1928 год», «Казахский государственный союзный трест “Казнефтьстрой”», «Гурьевское 3-е строительное управления аэродромного строительства НКВД СССР», «Материалы переселенческого отдела Гурьевского облисполкома за 1939-41 гг.» [4, л. 13–14].

Государственным архивом Костанайской области по документам своих фондов были представлены сведения о голоде 1922–1923 гг. («Отчет Кус-

танайского губкома, комиссии помощи голодающим, о положении губернии и деятельности с начала голодной компании по июль 1922 г.», «Выписки из протоколов заседаний губисполкома, губкомголода, губОНО, райисполкомов, о помощи голодающим», о конфискации «байских» и «кулацких» хозяйств в 1928–1930 гг. («Списки и дела по конфискации байских хозяйств, протоколы комиссий по конфискации», большинство документов на арабской графике, «Материалы районных комиссий по лишению и восстановлению в избирательных правах граждан»), о репрессиях 1936–1956 гг. [4, л. 27].

Материалы прислали и другие архивы. Госархив Алматинской области направил список дел на трех страницах [4, л. 3–6], отдел архивов и документации Акмолинской области – список дел на четырех страницах [4, л. 7–11], госархив Жезказганской области – список дел на шести страницах [4, л. 15–21], госархив Павлодарской области – список дел на 36 страницах [4, л. 29–64], госархив Северо-Казахстанской области – список дел на четырех страницах [4, л. 65–69], госархив Семипалатинской области – список дел на трех страницах [4, л. 70–74], госархив Тургайской области – список дел на трех страницах, архивный отдел Шымкентского областного совета народных депутатов – список дел на пяти страницах [4, л. 77–82].

В 1994 г. Управление архивов и документации Южно-Казахстанской области проделало значительную работу для сбора материалов в связи со столетием со дня рождения Т. Рыскулова*. Архивистам удалось найти документы, связанные с различными сторонами деятельности Т. Рыскулова, среди которых письмо председателя Сырдарьинского облисполкома от 6 января 1923 г. с резолюцией Т. Рыскулова, письмо Т. Рыскулова как председателя Сырдарьинского регионального исполнительного комитета в связи со строительством Турксибжелезной дороги от 21 марта 1929 г. и др. [5, л. 1–16]. Перечень разнообразных материалов областного архива, касающихся Т. Рыскулова и С. Кожанова**, составил 21 страницу [5, 17–38].

Управление архивов и документации акимата Актюбинской области в том же 1994 г. представило в журнал «Алаш-Мирас» серию копий документов по периоду Гражданской войны. Так, ценную информа-

* Рыскулов Турар (1894–1938) — казахский государственный деятель, участник национально-освободительного восстания народов Центральной Азии, дипломат, яркий представитель казахской интеллигенции, борец за права тюркских народов. Создатель общества «Бухара» (Революционный союз Казахской молодежи), председатель Мусульманского бюро Туркестанской коммунистической партии (1919), ЦИК и СНК Туркестанской АССР, полпред Коминтерна в Монголии, заместитель председателя СНК РСФСР. Репрессирован, по-смертно реабилитирован.

** Кожанов (Ходжанов) Султанбек (1894 — 1938) — казахский государственный, хозяйственный и общественный деятель, учёный, журналист, борец за права тюркских народов. Народный комиссар внутренних дел и просвещения Туркестанской АССР, первый заместитель председателя ЦИК Туркестана, член руководства Туркестанской (Средне-Азиатской) и Казахской организаций РКП(б) и ВКП(б), инструктор ЦК ВКП(б). Репрессирован, по-смертно реабилитирован.

цию по истории Актюбинского фронта содержат следующие источники: приказ № 6 от 14 марта 1919 г. президиума исполкома Актюбинского уездного совета под лозунгом «Свобода, равенство и братство», выписка из протокола № 58 от 30 марта 1919 г. об объединении обществ потребителей и национализации банков в г. Актюбинске, выписка из протокола №8 от 3 августа 1918 г. «Об удалении офицерских чинов из государственных учреждений», протокол №22а от 19 октября 1918 г. «Вопрос о заложниках контрреволюционеров и черносотинцев» во время боев с белогвардейцами в Актюбинске [5, л. 39–46]. Архивистами были собраны и весьма ценные материалы об истории казачьих поселков, расположенных в Северном, Северо-Восточном и Северо-Западном регионах Казахстана в 1920-е гг. [5, л. 47–62].

Костанайское областное управление архивов и документации направило в редакцию журнала из своих фондов данные о проводившейся в регионе политике «военного коммунизма», а также обнаруженные в архивных фондах документы о причинах и последствиях голода в Костанайской губернии в 1920–1922 гг. [5, л. 106–120]. Госархивом Северо-Казахстанской области из своих фондов представлен первый список мечетей и иных храмов региона, составленный исполкомом Акмолинского губернского совета в январе 1921 г., а также сведения о деятельности мечетей в г. Петропавловске [5, л. 89–99].

Наряду с документальными материалами для специализированного издания «Алаш-Мирас» архивисты различных регионов Казахстана использовали документальные источники для подготовки собственных публикаций в периодической печати. Например, в областной газете «Кызылординские вести» 7 августа 1996 г. была напечатана статья А.Кокулакова и Г.И.Актореевой «Уничтоженные как класс», посвященная трагическим страницам истории Кызылординской области и написанная на основе данных Кызылординского областного архива [5, л. 100–105].

25–29 сентября 1995 г. в г. Алматы состоялась республиканская научно-практическая конференция, посвященная 200-летию архивного дела в Республике Казахстан. Документы, связанные с организацией и проведением данной конференции, хранятся в фондах Национального архива Республики Казахстан [6, л. 105]. Здесь представлена программа конференции, список членов президиума, среди которых были представители архивных управлений Азербайджана, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Молдовы, Польши, России (в частности, Татарстана), Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, а также протокол заседаний конференции и тексты статей казахстанских ученых.

Еще 28 мая 1991 г. Кабинет министров Республики Казахстан издал постановление «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны, а также выполнявших свой интернациональный долг», в соответствии с которым в республике была проведена огромная работа по тща-

тельному поиску соответствующих документов. Ведущую роль в этом процессе играли архивные учреждения, где хранятся довоенные и военные документы.

В преддверии 50-летия Победы архивисты страны провели большую научную и популяризаторскую работу – участвовали в организации областных и региональных научно-практических конференций, подготовке докладов, фотодокументальных выставок.

В 1995 г., в год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, архивы республики особенно активно занимались сбором материалов о солдатах, ушедших защищать Родину из различных областей Казахстана для подготовки Книги памяти погибших и без вести пропавших на фронте. Архивисты всех областей Казахстана наладили тесные контакты с местными военными комиссариатами и Советом ветеранов. Были рассмотрены все данные в хозяйственных книгах, фондах военных комиссариатов, военных госпиталей, печатных изданий. В результате этой деятельности были выпущены Книги памяти каждой области.

В составе поисковых групп архивисты продолжали поисковые работы в государственных архивах ближнего зарубежья: Санкт-Петербургской, Минской, Подольской, Витебской, Рижской и Крымской, Донецкой, Курской, Орловской, Смоленской, Новгородской областях. В ходе работы составлен список жертв и пропавших без вести, который – с соответствующими пояснениями, аннотациями и комментариями историков-архивистов – публиковался на страницах многих областных газет («Индустриальная Караганда», «Целиноградская правда», «Знамя труда», «Семей таңы» и др.). Информация об этом также хранится в Национальном архиве Республики Казахстан [7; 8, л. 94].

В 1996 г. в Казахстане широко отмечалось 150-летие великого поэта Жамбыла Жабаева (в русскоязычном варианте – Джамбула Джабаева). Документы, касающиеся подготовки мероприятий, связанных с празднованием, хранятся в фондах Национального архива Республики Казахстан [9, л. 26]. Кроме того, в 1996 г. Главным управлением архивов и документации Республики Казахстан был составлен календарь знаменательных дат Республики Казахстан [10, л. 121]. Основой для создания подобных календарей являлись, естественно, архивные документы. Календарь включил все значимые события в истории Казахстана, общественно-политической и культурной жизни республики, а также сведения о деятелях общества, науки, культуры, искусства, спорта. Этот календарь в дальнейшем помог архивистам планировать работу и, в частности, публикаторскую деятельность по конкретным проблемам истории Казахстана.

Таким образом, архивы Республики Казахстан в первые годы независимости проводили активную и разностороннюю работу по выявлению, систематизации, изучению и популяризации различных документальных материалов об истории страны, особенно о тех ее аспектах, которые в предыдущую эпоху были мало исследованы или не ис-

следованы вовсе, либо прежние оценки которых требовали корректировки или коренного пересмотра. Разумеется, в одной статье сложно осветить все стороны работы архивов республики, и изучение становления и развития архивного дела независимого Казахстана, роли архивистов в исследовании ключевых проблем государства будет продолжено. На это нацелена, в частности, реализуемая по инициативе главы государства программа «Архив-2025», актуальной задачей которой является объективная оценка состояния архивного дела и информирование общественности о проделанной архивистами работе.

Литература

1. *Национальный архив Республики Казахстан* (далее – НАРК). Ф. 14. «Протоколы заседаний коллегии Главархива с 27 января по 30 ноября 1992 года». Оп. 1. Д. 1. Папка 1.
2. НАРК. Ф. 47. «Тематико-экспозиционный план фотодокументальной выставки «Наша Родина – Казахстан»». Оп. 1. Д. 36. Папка 4.
3. НАРК. Ф. 41. «Документы по оттоку казахов за рубеж, выявленные архивными учреждениями Республики Казахстан к Конгрессу иностранных казахов в Алма-Ате». Оп. 1. Д. 34. Папка 4.
4. НАРК. Ф. 41. «Документы архивных учреждений Республики Казахстан, освещающие «белые пятна» истории Казахстана (перечни, выявленные документы для журнала «Алаш-Мирас»)». Оп. 1. Д. 74. Папка 8.
5. НАРК. Ф. 41. «Документы архивных учреждений Республики Казахстан, выявленные для публикации в журнале «Алаш-Мирас»». Оп. 1. Д. 123. Папка 15. Л. 1–16.
6. НАРК. Ф. 41. «Документы по подготовке и проведению республиканской научно-практической конференции, посвященной 200-летию архивного дела в Казахстане». Оп. 1. Д. 103. Папка 20.
7. НАРК. Ф. 41. «Информация о работе архивных учреждений Республики Казахстан по подготовке Книг памяти о погибших и без вести пропавших при защите Родины и документы к ней». Оп. 1. Д. 167. Папка 20. 96 л.
8. НАРК. Ф. 41. «Обзор о работе архивных учреждений Республики Казахстан по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и документы к нему». Оп. 1. Д. 166. Папка 20.
9. НАРК. Ф. 41. «Документы по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 150-летию Жамбыла Жабаева (план проспекта сборника документов, тематико-экспозиционный план фотодокументальной выставки, аннотации к фотокомплекту)». Оп. 1. Д. 220. Папка 25.
10. НАРК. Ф. 41. «Календарь памятных и знаменательных дат Республики Казахстан на 1996 год и документы к нему». Оп. 1. Д. 170. Папка 20.

References

1. *Nacionalnyy arkhiv Respubliki Kazakhstan* [National archive of the Republic of Kazakhstan (further – NARK)]. F. 14. «Protokoly zasedanii kollegii Glavarhiva s 27 yanvarya po 30 noyabrya 1992 goda» [“Minutes of meetings of the Board of the Main archive from January 27 to November 30, 1992”]. Op. 1. D. 1. Folder 1.
2. NARK. F. 47. «Tematiko-ekspozitsionny plan fotodokumentalnoi vystavki “Nasha Rodina – Kazakhstan” [“Thematic and exposition plan of the photo-documentary exhibition “Our Motherland – Kazakhstan”]. Op. 1. D. 36. Folder 4.
3. NARK. F. 41. «Dokumenty po ottoku kazakhov za rubezh, vyyavleniye archivnymi uchrezhdeniyami Respubliki Kazakhstan k Kongressu inostrannykh kazakhov v Alma-Ate» [“Documents on the outflow of the Kazakhs abroad identified by the archival institutions of the Republic of Kazakhstan for the Congress of foreign Kazakhs in Alma-Ata”]. Op. 1. D. 34. Folder 4.
4. NARK. F. 41. «Dokumenty arhivnykh uchrezhdenii Respubliki Kazakhstan, osveschayushchie “belye pyatna” istorii Kazakhstana (perechni, byyavlennye dokumenty dlya zhurnala “Alash-Miras”) [“Documents of archival institutions of the Republic of Kazakhstan, covering the “white spots” of the history of Kazakhstan (lists, identified documents for the magazine “Alash-Miras”)]. Op. 1. D. 74. Folder 8.
5. NARK. F. 41. «Dokumenty arhivnykh uchrezhdenii Respubliki Kazakhstan vyyavleniye dlya publikatsii v zhurnale “Alash-Miras” [“Documents of archival institutions of the Republic of Kazakhstan identified for publication in the journal “Alash-Miras”]. Op. 1. D. 123. Folder 15. L. 1–16.
6. NARK. F. 41. «Dokumenty po podgotovke i provedeniyu respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyaschiennoi 200-letiyu arhivnogo dela v Kazakhstane» [“Documents on the preparation and holding of the Republican scientific and practical conference dedicated to the 200th anniversary of Archival Affairs in Kazakhstan”]. Op. 1. D. 103. Folder 20.
7. NARK. F. 41. «Informatsiya o rabote arhivnykh uchrezhdenii Respubliki Kazakhstan po podgotovke Knig Pamyati o pogibshih i bez vesti propevshih pri zaschite Rodiny i dokumentov k nei [“Information about the work of archival institutions of the Republic of Kazakhstan on the preparation of Books in memory of the dead and missing in the defense of the Motherland and documents to it”]. Op. 1. D. 167. Folder 20. 96 l.
8. NARK. F. 41. «Obzor o rabote arhivnykh uchrezhdenii Respubliki Kazakhstan po podgotovke i provedeniyu meropriyatii, posvyaschennykh 50-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi boine 1941-1945 gg. i dokemuntuy k nei [“Review of the work of archival institutions of the

- Republic of Kazakhstan on the preparation and holding of events dedicated to the 50th anniversary of Victory in the Great Patriotic war of 1941-1945 and documents to it"]. Op. 1. D. 166. Folder 20.
9. NARK. F. 41. "Dokumenty po podgotovke i provedeniyu meropriyatii, posvyaschennyh 150-letiyu Zhambyla Zhabaeva (plan prospect sbornika dokumentov, tematiko-ekspozicionny plan fotodokumentalnoi vystavki, annotacii k foto-komplektu)" ["Documents on the preparation and holding of events dedicated to the 150th anniversary of Zhambyl Zhabayev (plan prospectus of a collection of documents, thematic and exposition plan of the photodocumentary exhibition, annotations to the photo set)"]. Op. 1. D. 220. Folder 25.
10. NARK. F. 41. "Kalendar' pamyatnyh i zname-natelnyh dat Respubliki Kazakhstan na 1996 god i dokumenty k nemu" ["Calendar of memorable and significant dates of the Republic of Kazakhstan for 1996 and documents to it"]. Op. 1. D. 170. Folder 20

Статья поступила в редакцию 25.08.2020

УДК 94(47)"1838/1860"

DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-75-82

И.И. ЛЕЙМАН

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА
В СЕРЕДИНЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ
"ВОЛОГОДСКИХ ГУБЕРНСКИХ
ВЕДОМОСТЕЙ" ЗА 1838–1860 гг.)**

*Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина,
Институт языка литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

irinaleyman@gmail.com

I.I. LEYMAN

**CHARITABLE ACTIVITIES OF PROVINCIAL
MERCHANTS IN THE MIDDLE OF THE XIX
CENTURY (BASED ON MATERIALS OF THE
"VOLOGDA PROVINCIAL GAZETTE" FOR
1838–1860)**

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar*

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления благотворительной деятельности представителей купеческого сословия Вологодской губернии во второй трети XIX в.; основным источником материалов стали публикации в «Вологодских губернских ведомостях» за 1838–1860 гг. Представлена общая характеристика купеческого сословия с распределением по городам губернии. Отмечено, что особую роль местные купцы играли в сфере образования и тюремного хозяйства. Более подробно дана характеристика попечительской деятельности купечества в отношении церкви, сферы здравоохранения, детских приютов. Приведены примеры пожертвований купцов на срочные нужды городов, связанные с ликвидацией последствий чрезвычайных происшествий.

Ключевые слова:

купечество, благотворительность, Вологодская губерния, Вологодские губернские ведомости

Abstract

The paper examines the main directions of charitable activities of representatives of the merchant class of Vologda province in the second third of the XIX century; the main source of materials were publications in the "Vologda Provincial Gazette" for 1838-1860. The general characteristics of the merchant class with distribution by cities of the province are presented. It is noted that local merchants played a special role in the field of education and prison economy. The paper describes in more detail the patronage activities of merchants in relation to the Church, healthcare, and orphanages. Examples of donations from merchants for urgent needs of cities related to the elimination of the consequences of emergencies are given.

Keywords:

merchants, charity, Vologda province, Vologda Provincial Gazette

До середины 1990-х гг. благотворительная деятельность представителей купеческого сословия в XIX – нач. XX вв. практически не изучалась, однако в последние два десятилетия данная тема стала весьма популярной. Особенно много научных исследований и публикаций посвящено благотворительности и меценатству купечества Москвы, центральных губерний Российской империи, а также Урала и Сибири [1–9].

Материалов о купечестве Европейского Севера России представлено в значительно меньшем объеме. Одной из первых попыток комплексно осветить благотворительную деятельность купцов северных территорий европейской части России яв-

ляется книга Е.И. Овсянкина, посвященная истории архангельского купечества [10]. Среди основных направлений благотворительности местных купцов автор называет поддержку народного образования, создание богаделен, помощь церквям и монастырям. Интересно замечание Е.И. Овсянкина о том, что торговцы из Немецкой слободы Архангельска в благотворительности практически не участвовали: часть своих средств они регулярно переводили в западные страны, а имущество обычно завещали родственникам [10, с. 179].

В книге М.А. Мацука и В.В. Шаньгиной [11] отдельный параграф посвящен торговым людям Коми края и содержит материалы по истории формирования купеческого сословия, о торгово-экономической деятельности местных купцов и об известных представителях купеческих династий.

Публикаций конкретно о благотворительной деятельности купеческого сословия Европейского Севера России сравнительно немного [12–15]. Н.К. Гуркина на материалах губерний Европейского Севера России рассматривает особенности, основные направления и формы благотворительной деятельности в российской провинции. Наибольшее внимание в статье уделено роли церкви; наряду с этим отмечен вклад региональных властей, чиновников, купечества, интеллигенции. Автор отмечает, что «провинциальное купечество, традиционно поддерживающее церковь и неимущие слои населения, на рубеже веков подключилось к одному из главных направлений благотворительной работы в регионе – всесторонней помощи учащимся и образованию в целом» [12, с. 117]. С этим, однако, трудно согласиться: представители купеческого сословия как минимум с середины XIX в. принимали самое активное участие в попечительстве над учебными заведениями различных городов Вологодской губернии, о чем свидетельствуют публикации в местных периодических изданиях.

О.В. Полоцкая пишет о благотворительной деятельности купцов уездного города Тотмы в кон. XIX – нач. XX в. [14, 15].

Указанные публикации, однако, не создают целостной картины об основных направлениях благотворительной деятельности купечества Вологодской губернии во второй трети XIX в., когда законодательная база, регулировавшая права и обязанности купеческого сословия, получила свое оформление и затем практически неизменно действовала до начала 1860-х гг. [10, с. 99–106]. Постараемся отчасти восполнить данный пробел на базе материалов «Вологодских губернских ведомостей».

Важно отметить, что данное периодическое издание как важный источник информации о развитии благотворительности в провинции уже отмечалось исследователями. В частности, Р.Ш. Цинпаева, анализируя опубликованный в 1883 г. В.И. Межовым библиографический указатель книг и статей по теме благотворительности, отмечает, что основным источником информации по категории «Приходские попечительства и церковные братства» являются не столько церковные издания, сколько губернские ведомости (более 80% всех

публикаций по данной теме) [16, с. 2–3]. Кроме того, автор считает, что подобные издания наиболее интересны для изучения, так как они, «не имея перед собой задачу регулярно освещать вопросы развития благотворительности, рисуют наиболее объективную картину интеграции феномена благотворительности в социокультурную жизнь российского общества XIX века» [16, с. 2].

Положение об издании губернских ведомостей в каждой губернии «по мере удобства и местной надобности» было утверждено в 1830 г.; основная цель – «облегчить канцелярии в производстве дел сокращением переписки, и вместе с тем доставить средство, как Присутственным местам, так и частным людям получать сведения к исполнению и соображению их относящиеся» [17, с. 213]. В Вологодской губернии данное издание стало выходить с 1838 г. В первые несколько лет его объем был небольшой, а тематика материалов – довольно узкая. Однако уже с 1843 г. ситуация начинает кардинально меняться: «Вологодские губернские ведомости» всё чаще публикуют на своих страницах не только законодательные и нормативные акты, статистические данные, но и предназначавшиеся широкому кругу читателей историко-этнографические, публицистические, рекламные и т.п. материалы. В их числе представлен довольно большой объем разнообразной и, порой, уникальной информации о различных сторонах жизни провинциального купечества.

В Вологодской губернии в середине XIX в. купеческое сословие было представлено во всех городах: согласно данным статистики за 1847 г., в купцы было записано 1 569 чел., их них в 1-ю гильдию 37 чел. (2,4%), 2-ю гильдию – 101 чел. (6,4%), 3-ю гильдию – 1 431 чел. (91,2%) [18, с. 254; 19, с. 264; 20, с. 280; 21, с. 308; 22, с. 334; 23, с. 355; 24, с. 378; 25, с. 396; 26, с. 436; 27, с. 476; 28, с. 488; 29, с. 499]. Эта пропорция в целом соответствовала общероссийской: в 1847 г. из 40 993 купцов в стране в 1-ю гильдию входило 849 чел. (2%), во 2-ю гильдию – 2 398 (5,9%), в 3-ю гильдию – 37 746 чел. (92,1%) [30, с. 529].

В 1847 г. купцы 1-й гильдии числились в Вологде (23 чел.), Никольске (7 чел.), Вельске (5 чел.), в Устюге (1 чел.) и Верховажском посаде (1 чел.) [18, с. 254; 20, с. 280; 24, с. 378; 27, с. 476; 29, с. 499]. Купцы 2-й гильдии проживали в Устюге (41 чел.), Вологде (38 чел.), Грязовце (17 чел.), Лальске (3 чел.), Верховажском посаде (2 чел.) [18, с. 254; 21, с. 308; 27, с. 476; 28, с. 488; 29, с. 499]. Купцы 3-й гильдии присутствовали во всех городах Вологодской губернии [18, с. 254; 19, с. 264; 20, с. 280; 21, с. 308; 22, с. 334; 23, с. 355; 24, с. 378; 25, с. 396; 26, с. 436; 27, с. 476; 28, с. 488; 29, с. 499]. Наибольшее число купцов было записано в Устюге (388 чел. или 24,7% от общего числа купеческого сословия губернии), Грязовце (319 чел. или 20,3%) и Вологде (285 чел. или 18,8%) [18, с. 254; 21, с. 308; 29, с. 499]. Наибольшая доля купцов по отношению к общему числу жителей была в Кадникове (16%), Грязовце (13%), Красноборске (11%) [19, с. 264; 21, с. 308; 27, с. 476]. Менее 2 % купцов (по отношению к общему числу населения города) проживало в Вельске

(1,5%), Усть-Сысольске (1,5%), Яренске (0,6%) [20, с. 280; 25, с. 396; 26, с. 436].

Основным занятием представителей купеческого сословия, согласно материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг., была, прежде всего, торговля (содержание лавок, участие в ярмарках, транспортировка товаров внутри губернии и за ее пределы), а также кредитование, оказание страховых услуг, сдача в аренду недвижимости (домов, квартир, лавок). Купцы занимали различные должности в структуре городского самоуправления (в том числе должность городского головы). Велика была роль купечества и в социокультурном развитии провинциальных городов: объектами благотворительной деятельности и попечительства купцов чаще всего становились образовательные учреждения, тюрьмы, церковь, детские приюты, больницы. Кроме того, купечество принимало участие и в сборе средств на срочные нужды населенных пунктов для ликвидации последствий пожаров, на ремонт дорог и т.п.

Особой поддержкой купеческого сословия пользовались образовательные учреждения губернии, среди которых были гимназия в Вологде, уездное училище в Грязовце, двухклассные училища для девиц в Тотье и Усть-Сысольске, приходские училища в Лальске и Верховажском посаде. Представители купеческого сословия непременно входили в состав членов Вологодского губернского тюремного комитета, где занимались всеми основными вопросами функционирования тюремного хозяйства и содержания арестантов в различных городах Вологодской губернии. Ввиду большого объема материала анализ данных направлений благотворительной деятельности купцов должен стать предметом отдельных статей.

Представители купеческого сословия активно участвовали в поддержании благосостояния церкви. Одной из распространенных форм были денежные пожертвования. Так, в 1839 г. вологодский купец 2-й гильдии Василий Колесов «представил в Градскую Думу для обращения в Вологодском Городовом заемном Банке Государственными ассигнациями 6 000 рублей безвозвратно и вечно, с тем, чтобы проценты с оного ежегодно выдавать на поддержание церквей и священно-церковнослужителей» [31, с. 156–157]. В 1842 г. купец Василий Черкасов со своей женой передал Вологодской духовной консистории 285 руб. серебром «навсегда с тем, чтобы получаемые с оного капитала проценты были употребляемы Лальского Воскресенского собора священно-церковнослужителями и церковным старостой на поддержание вновь устроенного им в 1840 году при том соборе собственным их иждивением придела во имя Св. Великомученика Иоанна Воина» [32, с. 80]. В 1844 г. купец Алексей Торговкин пожертвовал в Христорождественскую церковь г. Тотьмы, пострадавшую от сильного пожара 1843 г., деньгами в сумме 57 руб. и вещами на 150 руб. серебром [33, с. 465]. В 1844 г. в Вологодское духовное попечительство о бедных духовного звания в числе прочих внесли денежные пожертвования купцы, среди которых были уже упомянутые ранее

вологодский городской голова Алексей Витушешников, Василий Грудин, Николай Скулябин, Степан Гурылев, Павел Гудков, Василий Колесов, Степан Белозеров и др. [34, с. 267–268].

Помимо денежных пожертвований купцы преподносили в дар предметы церковного обихода. Так, в вологодском Успенском Софийском соборе, согласно описанию 1849 г., были иконы, пожертвованные «сторонними вологодскими купеческими домами Колесова и Шапкина, украшенные богатыми ризами», а иконы первого яруса еще в 1825 г. «были подновлены ... по благочестивому желанию купца Самойлова» [35, с. 50–51].

В описании великоустюгского Успенского собора 1851 г. также упоминаются предметы, появившиеся в нем стараниями представителей купеческого сословия: «балдахин сделан в 1839 году усердием устюгской 2-й гильдии купеческой дочери Анны Александровны Жилиной»; пелена из бархата, шитая золотом, и соборное облачение из «крестового темно-зеленого бархата, переданные собору в 1840 году великоустюгским купцом 2-й гильдии Павлом Максимовичем Жилиным»; «семисвешник медный посеребренный через огонь отличной работы, пожертвован в 1840 г. любимским купцом Василием Михайловичем Пеговым»; соборное облачение «из богатого серебряного фризета с широкими золотыми газами» и «Евангелие для воскресных дней, в листе, обложено всё серебром и вызолочено ... на корню его вычеканены изображения одиннадцати Апостолов ... серебра в нем 8 фун. 43 зол., сделано из казенного серебра и золота», переданные великоустюгским купцом и почетным гражданином Дмитрием Васильевичем Алениным, сыном бывшего протоиерея этого собора; палица, полученная от жены купца и почетного гражданина Марии Александровны Алениной; «набедренный приложен от купеческой жены Анны Александровны Воробьевой»; Евангелие 1802 г., обложенное чеканным серебром и позолоченное, весом около двух пудов, пожертвованное устюгской купеческой вдовой Анной Яковлевной Курочкиной [36, с. 259–263].

В 1857 г. никольский купец 1-й гильдии Нил Кузнецовский пожертвовал в Подосиновскую Рождественскую церковь церковные одежды на сумму 400 руб. серебром [37, с. 75].

Интересен тот факт, что в период Крымской войны пожертвования местных купцов осуществлялись и в пользу походных церквей: так, в 1854 г. грязовецкий купец 3-й гильдии Гудков «принес в дар для походных церквей действующей армии, перешедшей через Дунай», три позолоченных серебряных креста с мощами и 50 руб. серебром в пользу воинов, «пострадавших при переходе через эту реку» [38, с. 209].

Нередки были и более затратные вложения купеческого сословия, связанные со строительством и ремонтом церковных зданий. В г. Тотье Богоявленский храм на Соборной горе в свое время был воздвигнут «усердием одного тотемского купца Ливерия Колычева», потратившего на это около 10 тыс. руб. ассигнациями. В 1812 г. была принята перестройка храма, однако после пожара

1815 г. храм был освящен только в 1830 г. Работы по восстановлению обошлись в сумму до 70 тыс. руб. ассигнациями и были осуществлены «от усердного приношения тотемских купцов и, чрез их посредство, сибирских жителей» [39, с. 532].

Большой вклад в благосостояние церкви делали купцы, занимавшие должность церковных старост, причем нередко в течение нескольких сроков подряд. К примеру, в кон. 1830 – нач. 1840-х гг. при содействии церковного старосты купца Николая Булдакова, служившего при великоустюгском Успенском соборе «четыре трехлетия сряду», появились «покровов и воздухов лучших ... пять перемен», шитых «устюгскими мастерицами золотом, высоким швом, с отличным искусством», «на двух переменах вышиты образа шелками и местами унизаны жемчугом весьма крупным», один старинный, а «прочие все сделаны в 1838 и 1840 годах» [36, с. 262]. Еще более серьезные изменения произошли в благоустройстве Благовещенской церкви г. Вологды в 1830-х гг., когда три «сряду трехлетия» ее старостой был вологодский купец 3-й гильдии Николай Лопотовский. При его «неусыпной бдительности и ревностном попечении» была сделана и окрашена новая крыша; на колокольню поставлен шпиль; отлиты новые колокола; церковь обнесена каменной решетчатой оградой; в теплой и холодной церкви сделаны новые «благовидные» иконостасы; написаны новые иконы, часть из которых была украшена жемчужными, а часть – серебряными ризами; сооружен новый придел во имя Святителя Митрофана – Воронежского Чудотворца; приведена в «лучшее состояние» церковная утварь; ризница пополнена «многими и лучшими вещами»; заведена «богатая плащаница». Все обновления происходили за счет взыскиваемых старостой пожертвований (более 18 тыс. руб.) и его собственных средств (более 12 тыс. руб.). За свои труды Николай Лопотовский получил благодарность от имени епархиального начальства и был представлен к награждению «установленною для старост церковной медалью» [40, с. 109–110].

Представители купеческого сословия часто выступали в роли попечителей городских больниц. Так, в 1851 г. никольский купец 1-й гильдии Николай Грибанов был избран попечителем Устюгской городской больницы [41, с. 395]. Пребывание в должности попечителя больницы требовало от купцов разного рода вложений в развитие учреждения. К примеру, попечитель Тотемской городской больницы купец Серебряков с 1853 по 1859 г. осуществил «особым пожертвованием разного рода белья» и обустроил «за свой счет заборов и ворот при больничном доме, всего на сумму примерно 201 руб. 82 коп., сверху ежегодного приношения по 100 руб.», за что получил благодарность губернского начальства [42, с. 12]. В 1852 г. попечитель Вологодской городской больницы купец Гудков пожертвовал паровую и серно-паровую ванну стоимостью 20 руб. серебром [43, с. 32–33]. Кроме того, он же передал Совету больницы «образ Спасителя в серебряной ризе с золоченым венцом, в деревянном золоченном иконостасе и портрет Государя Импе-

ратора, во весь рост, писанный на холсте масляными красками, принимая на свой счет устройства приличного для онаго рамы, а также исправление с позолотою зеркала для присутствия Совета, всего на сумму 500 руб. серебром» [43, с. 32].

Были и другие формы участия купцов в сфере здравоохранения. Интересный факт связан с Ношульской пристанью, куда в период навигации и отправки товаров к Архангельску прибывали сезонные рабочие. В Ношуле в 1850 г. «в отвращении болезней для рабочего класса» открывалась «на счет торгующего купечества больница», заведовал которой усть-сысольский уездный врач Римашевский. Весной 1850 г. в Ношуле «господствующими болезнями были горячка и лихорадка», а число больных составило 73 чел., из которых от болезни скончались только двое [44, с. 356].

6 декабря 1843 г. в «священный для всех русских день Тезоименитства Его Императорского Величества» в Вологде был открыт детский приют, воспитанниками которого стали 50 детей [45, с. 516–517]. В этом весьма значимом для города и губернии событии также была велика роль представителей купеческого сословия. Почетным старшиной приюта стал купец 1-й гильдии Николай Скулябин (в это же время он являлся директором и казначеем Вологодского губернского тюремного комитета). В первый год существования приюта продовольствие для детей, «самое лучшее и здоровое», он обеспечивал за собственный счет; в 1844 г. «принял на себя безвозмездное продовольствие детей приюта вологодский 1-й гильдии купец, градский голова А.О. Витушешников» [45, с. 518].

В 1843 г. Николай Скулябин, кроме того, пожертвовал приюту «разные книги, таблицы складов и для чтения по Ланкастеровой методе и несколько гравированных рисунков, обделанных в картон под стеклом, по части Священной и Естественной истории», а также 80 белых фартуков для детей [45, с. 518; 46, с. 531]. Вологодский купец 2-й гильдии, казначей приюта В.И. Грудин «построил на свой счет почти всю одежду на 50 детей и принял на себя платеж половины суммы за страх дома на все контрактное время» [45, с. 518]. Вологодский купец П.И. Гудков «принес в дар приюту серой нанки на блузы на всех 50 детей» [45, с. 518].

Вложения в приют делали не только местные купцы, но и бывшие в городе или губернии проездом. Так, в 1843–1844 гг. денежные пожертвования в пользу приюта внесли купцы, приезжавшие на Ношульскую пристань Усть-Сысольского уезда «из разных мест для отправления своих товаров к Архангельскому порту» (об открытии приюта они узнали от усть-сысольского земского исправника Волкова). В частности, пожертвования сделали усть-сысольский купец Степан Лыткин (2 руб.), судоправитель никольского купца 1-й гильдии Ильи Грибанова (7 руб.), доверенный вятского 1-й гильдии купца Петра Гусева (14 руб.), доверенный архангельского 2-й гильдии купца Михаила Корчажинского (7 руб.) и др. [46, с. 362–363]. Интересно, что сам купец Илья Грибанов в 1845 г., проезжая через Вологду по пути в Великий Устюг, посетил детский

приют и «был изумлен вообще порядком и чистотой в сем заведении и успехами находящихся в приюте детей», после чего пожертвовал в пользу приюта 100 руб. серебром [48, с. 223]. В целом, на протяжении 1840–1850-х гг. приют существовал «исключительно одними пожертвованиями» [49, с. 104].

В середине XIX в. замечательной традицией детского приюта, «с Высочайшего соизволения носившего название Александринского», были ежегодные торжества 23 апреля, в день «Тезоименитства Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны», и 6 декабря, в «Высокопоздравительный день Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора Николая Павловича» [49, с. 103; 50, с. 203; 51, с. 518; 52, с. 163]. В честь этих событий в приюте при участии высоких гостей (обычно среди них были начальник губернии, члены Губернского попечительства детских приютов, архимандрит Спасо-Прилуцкого монастыря, ректор семинарии и др.) традиционно проходил молебен и торжественный обед [49, с. 103; 50, с. 204; 51, с. 518–519; 52, с. 163]. Обед был организован на средства купцов, входивших в число попечителей приюта. Так, 23 апреля 1854 г. «почетный старшина и казначей приюта, вологодский купец В.И. Грудин угощал детей на собственный счет обедом, состоявшим из ухи, пирога с рыбою и сладкого пирога, весьма хорошо и даже роскошно приготовленных» [50, с. 204]. 6 декабря того же года обед был организован на средства почетного старшины детского приюта купца 1-й гильдии Алексея Осиповича Витушешникова; после обеда «детям от того же старшины розданы были конфеты» [51, с. 519]. 23 апреля 1855 г. обедом, «весьма хорошо и даже роскошно приготовленным», детей снова угощал почетный старшина и казначей приюта, купец В.И. Грудин [52, с. 163–164]. 23 апреля 1857 г. обед «из трех вкусных блюд» для детей обеспечил член попечительства, городской голова, купец 2-й гильдии Н.А. Белозеров; после обеда «в обильном количестве розданы были детям пряники и конфеты» [49, с. 103–104].

Помимо постоянной поддержки различных сфер жизни городов Вологодской губернии, местное купечество передавало деньги и на срочные нужды. Так, довольно большие пожертвования были сделаны местными купцами для восстановления г. Тотьмы после сильного пожара 1843 г. К примеру, тотемский купец Вахрушев, почти сразу после пожара, «несмотря на преклонные лета, отправился ... на Нижегородскую ярмарку, единственно с тем намерением, чтобы убедить известных ему своими недостатками купцов оказать возможное по их средствам пособие погоревшим тотемским жителям» [53, с. 425–426]. Таким образом, в пользу тотемских жителей он смог собрать 4 193 руб. 5 коп. и добавил от себя еще 306 руб. 95 коп. ассигнациями [53, с. 426].

Тотемский купец Платон Фирсов, постоянно проживавший и ведший торговлю в Кяхте, «любя всеми силами души свое место своего рождения», практически сразу после пожара пожертвовал по 2 тыс. руб. ассигнациями «для беднейших тотемских жителей» и «в пользу городской ратуши», по 1 100

руб. ассигнациями «на поправки церквей» и «семействам, лишившимся домов», 500 руб. – «для раздачи беднейшим жителям». Затем он передал еще 4 тыс. руб. ассигнациями от «известных ему кяхтинских торговцев», которых убедил «оказать пособие жителям Тотьмы» [53, с. 426; 54, с. 446–447]. Как было напечатано в «Вологодских губернских ведомостях» в 1843 г., «нет в Тотьме таких вдов и сирот, кои бы не пользовались щедрыми даяниями этого редкого человека» [53, с. 426]. В 1845 г. Платон Фирсов пожертвовал 1 355 руб. серебром на восстановление обгоревшего общественного каменного дома, в котором располагалась до пожара городская ратуша [55, с. 20]. Позднее, в 1851 г., он передал тотемской городской ратуше свой каменный двухэтажный недостроенный дом с двумя флигелями [56, с. 57].

В целом, в 1843 г. многие жители Вологодской губернии внесли пожертвования в пользу пострадавших от пожара жителей Тотьмы, в том числе купцы Вологды, Грязовца, Кадникова, Верхояжского посада [57, с. 433–438].

Представители купеческого сословия делали вложения и в транспортную инфраструктуру губернии. Так, в 1843 г. лальский купец 2-й гильдии Алексей Сумкин внес деньги на «устройство дороги и водопускных канав» в заштатном г. Лальске, а устюжский купец 2-й гильдии, городской голова Алеев, «при постройке находящегося в г. Великом Устюге главного моста», пожертвовал 101 руб. 95 к. серебром [58, с. 4; 59, с. 47–48]. В 1848 г. устюжский купец Александр Цыбасов и купеческий сын Павел Петров «из крепостной их земли уступили в казну место под постройку Ускорского почтового дома на берегу реки Двины без всякого за сие вознаграждения» [60, с. 12].

Таким образом, на примере материалов «Вологодских губернских ведомостей» мы видим, что роль купеческого сословия выходила далеко за торгово-экономические рамки. По сути, без поддержки купцов не обходилась ни одна социально значимая сфера городской жизни. Безусловно, это влияние было заметнее в Вологде, Грязовце и Устюге, где численность купцов была наибольшей в губернии. Но даже там, где проживало менее 5% от общего числа купцов Вологодской губернии (Лальск, Тотьма, Усть-Сысольск и др.), вклад последних был весомой поддержкой городского хозяйства и общественной жизни.

Литература

1. Булгакова О.В. Роль купеческого сословия и благотворительности в становлении и развитии Томска // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. №4 (12). С.170–173.
2. Гарунова Н.Н. Роль кизлярских купцов в формировании образовательно-культурной среды и благотворительности в контексте развития региона в XIX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. №1. С.16–20.

3. *Колодий Г.Н.* История благотворительности в Сибири: тенденции и закономерности (на примере строительства общественных зданий в Иркутске) // Вестник БГУ. 2015. №2 (2). С.151–158.
4. *Медведев Ю.В.* Московское купечество и благотворительность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 1995. №1. С.3–13.
5. *Мельников С.Л.* Благотворительная деятельность провинциального купечества во второй половине XIX века в контексте изменения ценностных диспозиций // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. №2. С.97–108.
6. *Мырзыханов Е.Н.* Общественная, благотворительная и меценатская деятельность купца-предпринимателя в конце XIX в. и в начале XX в. (на примере Акмолинской области) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2018. №2 (19). С.12–18.
7. *Репина Н.В.* Благотворительность купечества Костромской губернии в середине XIX – начале XX века // Вестник КГУ. 2012. №1. С.324–327.
8. *Скубневский В.А.* Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. №435. С. 155–160.
9. *Успенский В.Б., Мазеева М.В., Шиханов П.А.* Из истории благотворительности и меценатства в Ярославском крае // Ярославский педагогический вестник. 2004. №3 (40).
10. *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000.
11. *Мацук М.А., Шаньгина В.В.* Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. Сыктывкар, 1996.
12. *Гуркина Н.К.* Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2016. №11 (95). С.111–119.
13. *Завьялова О.Н.* Благотворительность как социальное служение купечества (по материалам духовных завещаний вологодских купцов) // Роль бизнеса в трансформации российского общества-2010. Пятый Международный научный конгресс: сборник тезисов докладов. Московская финансово-промышленная академия. М., 2010. С.82–84.
14. *Полоцкая О.В.* Благотворительная деятельность тотемского купечества в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2015. №3 (31). С.57–65.
15. *Полоцкая О.В.* Коллективный портрет провинциального купечества на рубеже XIX – начала XX вв. (на примере города Тотмы Вологодской губернии) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): Сборник материалов Международной научной конференции/ Под общей редакцией В.А. Веременико, ответственный редактор С.В. Степанов. СПб., 2018. С.176–182.
16. *Цинпаева Р.Ш.* Периодическая печать как зеркало российской благотворительности второй половины XIX века // Genesis: исторические исследования. 2018. №10. С.1–6.
17. *Высочайшее утвержденное положение об издании Губернских ведомостей.* №4036. 27 октября 1830 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. V. Отделение II. 1830 г. СПб., 1831.
18. *Вологодские губернские ведомости.* Отдел второй. Часть неофициальная. 1847. №26.
19. *Вологодские губернские ведомости.* Часть неофициальная. 1847. №27.
20. – “ – – ” – 1847. №29.
21. – “ – – ” – 1847. №32.
22. – “ – – ” – 1847. №34.
23. – “ – – ” – 1847. №36.
24. – “ – – ” – 1847. №38.
25. – “ – – ” – 1847. №40.
26. – “ – – ” – 1847. №43.
27. – “ – – ” – 1847. №47.
28. – “ – – ” – 1847. №48.
29. – “ – – ” – 1847. №49.
30. – “ – – ” – 1848. №46.
31. *Вологодские губернские ведомости.* Часть официальная. 1839. №21.
32. – “ – – ” – 1842. №12.
33. – “ – – ” – 1844. №39.
34. – “ – – ” – 1845. №17.
35. *Вологодские губернские ведомости.* Часть неофициальная. 1849. №5.
36. – “ – – ” – 1851. №24.
37. *Вологодские губернские ведомости.* Часть официальная. Отдел второй. 1857. №7.
38. – “ – – ” – 1854. №20.
39. *Вологодские губернские ведомости.* Часть неофициальная. 1847. №52.
40. *Вологодские губернские ведомости.* Часть официальная. 1839. №15.
41. *Вологодские губернские ведомости.* Часть официальная. Отдел второй. 1851. №47.
42. – “ – – ” – 1859. №2.
43. – “ – – ” – 1852. №4.
44. *Вологодские губернские ведомости.* Часть неофициальная. 1850. №31.
45. – “ – – ” – 1844. №50.
46. *Вологодские губернские ведомости.* Часть официальная. 1843. №51.
47. – “ – – ” – 1844. №28.
48. – “ – – ” – 1845. №14.
49. *Вологодские губернские ведомости.* Часть неофициальная. 1857. №17.
50. – “ – – ” – 1854. №18.
51. – “ – – ” – 1854. №50.
52. – “ – – ” – 1855. №18.
53. – “ – – ” – 1843. №43.
54. – “ – – ” – 1843. №45.

55. *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. 1845. №2.
56. *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел первый. 1851. №9.
57. *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. 1843. №41.
58. – “ – – ” – 1843. №1.
59. – “ – – ” – 1843. №7.
60. *Вологодские губернские ведомости*. Часть официальная. Отдел второй. 1848. №2.

References

1. *Bulgakova O.V.* Rol' kupecheskogo sosloviya i blagotvoritel'nosti v stanovlenii i razvitiit Tomsk [The role of the merchant class and charity in the formation and development of Tomsk]. Bull. of Tomsk State Univ. Cultural studies and art history. 2013. No. 4 (12). P. 170–173.
2. *Garunova N.N.* Rol' kizlyarskikh kuptsov v formirovanii obrazovatel'no-kul'turnoy sredy i blagotvoritel'nosti v kontekste razvitiya regiona v XIX v [The role of Kizlyar merchants in the formation of educational-cultural environment, and philanthropy in the context of regional development in the XIX century]. Bull. of Dagestan State Univ. Series 2: Humanities. 2016. No. 1. P. 16–20.
3. *Kolody G.N.* Istoriya blagotvoritel'nosti v Sibiri: tendentsii i zakonomernosti (na primere stroitel'stva obshchestvennykh zdaniy v Irkutsk) [The history of philanthropy in Siberia: trends and regularities (on the example of constructing public buildings in Irkutsk)]. Bull. of BGU. 2015. No. 2(2). P. 151–158.
4. *Medvedev Yu.V.* Moskovskoye kupechestvo i blagotvoritel'nost' [Moscow merchants and charity]. Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 5. History: Abstract journal. 1995. No. 1. P. 3–13.
5. *Melnikov S.L.* Blagotvoritel'naya deyatel'nost' provintsial'nogo kupechestva vo vtoroy polovine XIX veka v kontekste izmeneniya tsennostnykh dispozitsiy [Charitable activities of the provincial merchants in the second half of the 19th century in the context of changing the value of dispositions]. Bull. of Udmurt Univ. Series “History and Philology”. 2008. No. 2. P. 97–108.
6. *Myrzakhanov E.N.* Obshchestvennaya, blagotvoritel'naya i metsenatskaya deyatel'nost' kuptsa-predprinimatel'ya v kontse XIX v. i v nachale XX v. (na primere Akmolinskoy oblasti) [Public, charitable and patronage activity of the merchant-entrepreneur in the late XIX – early XX century (on the example of Akmol region)]. Topical issues of our time: science and society. 2018. No. 2 (19). P. 12–18.
7. *Repina N.V.* Blagotvoritel'nost' kupechestva Kostromskoy gubernii v seredine XIX nachale XX veka [Charity of the merchants of the Kostroma province in the middle of the XIX–beginning of the XX century]. Bull. of Kostroma State Univ. 2012. No. 1. P. 324–327.
8. *Shubnevsky V.A.* Blagotvoritel'nost' predprinimateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [Charity of Altai entrepreneurs in the second half of the XIX – early XX centuries]. Bull. of Tomsk State Univ. 2018. No. 435. P. 155–160.
9. *Uspensky V.B., Mazaeva M.V., Shikhanov P.A.* Iz istorii blagotvoritel'nosti i metsenatstva v Yaroslavskom kraye [From the history of charity and patronage in the Yaroslavl region]. Yaroslavl Pedagogical Bull. 2004. No. 3 (40).
10. *Ovsyankin E.I.* Arkhangel'sk kupecheskiy [Arkhangelsk as a merchant town]. Arkhangelsk. 2000.
11. *Matsuk M.A., Shan'gina V.V.* Torgovlya i puti soobshcheniya v Komi kraye v XIX v. [Trade and communication routes in the Komi territory in the XIX century]. Syktyvkar, 1996.
12. *Gurkina N.K.* Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX–XX vekov [Charity and philanthropy in the Russian provinces at the turn of XIX–XX centuries]. Administrative consultation. 2016. No. 11 (95). P. 111–119.
13. *Zavyalova O.N.* Blagotvoritel'nost' kak sotsial'noye sluzheniye kupechestva (po materialam dukhovnykh zaveshchaniy vologodskikh kuptsov) [Charity as a social service of the merchants (based on the materials of the spiritual testaments of the Vologda merchants)]. The role of business in the transformation of Russian society-2010. Fifth Intern. Sci. Congress: collection of abstracts / Moscow Academy of Finance and Industry. Moscow, 2010. P. 82–84.
14. *Polotskaya O.V.* Blagotvoritel'naya deyatel'nost' totemskogo kupechestva v kontse XIX – nachale XX veka [Charitable activities of the Totma merchants in the late XIX – early XX centuries] // Questions about the history and culture of the Nordic countries and territories. 2015. No. 3(31). P. 57–65.
15. *Polotskaya O.V.* Kollektivnyy portret provintsial'nogo kupechestva na rubezhe XIX – nachala XX vv. (na primere goroda Tot'my Vologodskoy gubernii) [Collective portrait of provincial merchant class at the turn of the XIX – early XX centuries (on the example of the city of Totma, Vologda province)]. Private and public in the daily life of the Russian population: history and modernity (regional aspect): Collection of materials of Intern. Sci. Conf. / Eds. V.A.Veremenko, S.V. Stepanov. St.Petersburg, 2018. P. 176–182.
16. *Tsinpaeva R.Sh.* Periodicheskaya pechat' kak zerkalo rossiyskoy blagotvoritel'nosti vtoroy poloviny XIX veka [Periodicals as a mirror of Russian charity in the second half of the XIX century] // Genesis: historical research. 2018. No. 10. P. 1–6.
17. *Vysochayshe utverzhdennoye polozheniye ob izdanii Gubernskikh vedomostey* [The highest approved provision on the publication of Provincial Gazette (Gubernskie vedomosti)]. No. 4036. October 27, 1830 // Complete collection

- of laws of the Russian Empire. Part II. Vol. V. 1830. St.Petersburg, 1831.
18. *Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]*. Unofficial part. 1847. No. 26.
19. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 27.
20. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No.29.
21. *Ibid.* Unofficial part. 1847. NO. 32.
22. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 34.
23. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 36.
24. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 38.
25. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 40.
26. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 43.
27. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 47.
28. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 48.
29. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No. 49.
30. *Ibid.* Unofficial part. 1848. No. 46.
31. *Ibid.* Official part. 1839. No. 21.
32. *Ibid.* Official part. 1842. No. 12.
33. *Ibid.* Official part. 1844. No. 39.
34. *Ibid.* Official part. 1845. No. 17.
35. *Ibid.* Unofficial part. 1849. No. 5.
36. *Ibid.* Unofficial part. 1851. No. 24.
37. *Ibid.* Official part. Part 2. 1857. No. 7.
38. *Ibid.* Unofficial part. Part 2. 1854. No. 20.
39. *Ibid.* Unofficial part. 1847. No.52.
40. *Ibid.* Official part. 1839. No. 15.
41. *Ibid.* Official part. Part 2. 1851. No.47.
42. *Ibid.* Official part. Part 2. 1859. No. 2.
43. *Ibid.* Official part. Part 2.1852. No. 4.
44. *Ibid.* Unofficial part. 1850. No. 31.
45. *Ibid.* Unofficial part. 1844. No.50.
46. *Ibid.* Official part. 1843. No. 51.
47. *Ibid.* Official part. 1844. No. 28.
48. *Ibid.* Official part. 1845. No. 14.
49. *Ibid.* Unofficial part. 1857. No. 17.
50. *Ibid.* Unofficial part. 1854. No. 18.
51. *Ibid.* Unofficial part. 1854. No. 50.
52. *Ibid.* Unofficial part. 1855. No. 18.
53. *Ibid.* Unofficial part. 1843. No. 43.
54. *Ibid.* Unofficial part. 1843. No. 45.
55. *Ibid.* Official part. 1845. No. 2.
56. *Ibid.* Official part. Part 1. 1851. No. 9.
57. *Ibid.* Official part. 1843. No. 41.
58. *Ibid.* Official part. 1843. No. 1.
59. *Ibid.* Official part. 1843. No. 7.
60. *Ibid.* Official part. Part 2. 1848. No. 2.

Статья поступила в редакцию 02.11.2020

РЕЦЕНЗИИ

СЫКТЫВКАР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ / КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ: И.Л.ЖЕРЕБЦОВ, О.И.АЗАРОВ, Б.Р.КОЛЕГОВ, А.Д.НАПАЛКОВ, А.П.ОБЕДКОВ, М.Б.РОГАЧЕВ, М.В.ТАСКАЕВ. Сыктывкар, 2020. 664 с.

SYKTYVKAR IN THE PAST AND PRESENT / TEAM OF AUTHOR: I.L.ZHEREBTSOV, O.I.AZAROV, B.R.KOLEGOV, A.D.NAPALKOV, A.P.OBEDKOV, M.B.ROGACHEV, M.V.TASKAEV. Syktyvkar, 2020. 664 p.

История малой родины является краеугольным камнем национального самосознания. Ведь только тот может понимать и любить свой народ, кто хорошо знаком с прожитым и пережитым им. Именно поэтому история города, района, где ты родился и прожил первые годы своей жизни (а порой и всю жизнь) всегда привлекает внимание, причем не столько ученых, писателей, общественных деятелей, сколько самых простых людей. Не является в этом плане исключением земля Коми и ее столица – город Сыктывкар. Об этом свидетельствует огромный интерес к научно-популярным, краеведческим, справочным и иным работам, как о древней, так и о близкой нам по времени истории Республики Коми, ее городов и районов.

Что касается главного города региона, то впервые попытка дать более или менее связанное изложение истории столицы Коми Республики была предпринята сравнительно недавно, только в 80-х гг. минувшего столетия. Именно тогда вышло в свет академическое издание «История Сыктывкара», подготовленное учеными-историками Коми филиала АН СССР [1]. Эта книга стала явлением в научной и общественной жизни республики. Ее авторы сумели дать целостное, а главное, систематическое изложение исторического пути Усть-Сысольска–Сыктывкара. В течение значительного времени данная работа была единственным научным изложением исторического прошлого столицы республики. Конечно, позднее вышел и ряд других книг, освещающих различные стороны жизни (правда, только дореволюционной) столицы «зырянского края» [2].

Однако с тех пор прошло уже несколько лет. За это время выявлялись новые источники, менялась методология исторических исследований. В подготовленных в последние годы в республике научных статьях, монографиях, научно-популярных изданиях учеными региона вводились в научный оборот богатейшие сведения по истории и культуре края. Да и в жизни самой страны произошли серьезные перемены, которые выявили определенную ограниченность существовавшей отечественной историографии (особенно ее методологии), заставили пересмотреть некоторые утвердившиеся, но страдающие явной идеологизированностью оценки, высветили «белые пятна» отечественной истории. Все это вызвало настоятельную потребность подготовки и издания нового обобщающего труда по истории Усть-Сысольска–Сыктывкара. Конечно, в какой-то степени имевшийся пробел заполняли интересные публикации, подготовленные в республике за последние годы [3 – 5]. Но их появление только

лишний раз подтверждало важность нового прочтения истории города.

Поэтому выход в свет книги «Сыктывкар в прошлом и настоящем», приуроченной к 240-летию столицы не выглядит случайным. Авторы издания – известные в республике ученые (И.Л. Жеребцов, О.И.Азаров, Б.Р.Колегов, А.Д.Напалков, А.П.Обедков, М.Б.Рогачев, М.В.Таскаев), которые имеют несомненные заслуги в воссоздании картины прошлого нашего региона. Впрочем, они основывают свой труд не только на собранных ими материалах, но и на исследованиях других исследователей–историков, археологов, этнографов, филологов.

Такой (заметим, полностью оправдавший себя) подход позволил учесть в данной книге опыт новых публикаций и научных открытий ученых и краеведов, сделанных в последние годы.

Явным достоинством издания является и то, что она написана доступным языком, что делает её чтение не только полезным, но и интересным.

Сразу бросается в глаза и прекрасное полиграфическое исполнение книги: большой формат, хорошая бумага, отчетливая печать, значительное количество (более 600) иллюстраций, карт (в том числе и цветных) и т.д. Все это, когда берешь в руки увесистый том, создает хороший настрой. А это уже немаловажный фактор. Таким образом, приведенные в издании сведения подкреплены иллюстративным материалом (фотографиями, картинками и т.д.), по которым мы можем судить об облике города в различные периоды его истории.

Если обратиться к содержанию, то важно заметить, что книга «Сыктывкар в прошлом и настоящем» охватывает все хронологические периоды истории города. Она состоит из восьми разделов: «Когда города еще не было...», «Столица Зырянского края (Усть-Сысольск с 1780 до 1914 года)», «От первой мировой к революции и гражданской... (1914 – первая половина 1920 года)», «Из Усть-Сысольска – в Сыктывкар (1920–1940 годы)», «Сыктывкар в годы Великой Отечественной войны», «Послевоенный Сыктывкар (вторая половина 1940-х – середина 1950-х годов)», «Сыктывкар: от семилетки строительства коммунизма – к пятилеткам развитого социализма (конец 1950-х – 1991 годы)», «Сыктывкар на рубеже веков (1992–2020 годы)».

Необходимо отметить, что благодаря введению в научный оборот значительного количества новых источников авторам удалось восполнить целый ряд пробелов, имевшихся в описании истории города. Так, ряд сюжетов, таких, как деятельность органов местного самоуправления, церкви, разви-

тие городского хозяйства, вопросы социальной работы, получили качественно иное освещение. Весьма интересны и страницы, посвященные повседневной жизни горожан.

При этом авторский коллектив, в целом, сумел избежать давления политической конъюнктуры, оценки, содержащиеся в издании, выглядят вполне взвешенными и объективными.

Не обойдены вниманием и процессы, связанные с культурным развитием столицы Коми края (историей науки, просвещения, религии и т.п.), социальной сферы (здравоохранение и т.д.).

Важно акцентировать внимание на том, что авторы издания (будучи опытными учеными-обществоведами) прекрасно осознают, что история складывается, прежде всего, из действий людей, определенных личностей. Именно поэтому они не поспешили на биографические материалы (и это, на наш взгляд, весьма правильный методологический прием). Ведь благодаря этим страницам мы можем узнать о людях, внесших значительный вклад в развитие столицы Коми республики: деятелях, в различные годы возглавлявших городскую администрацию, писателях, художниках и иных работников культуры, проживавших и творивших в Усть-Сысольске–Сыктывкаре.

Несомненно, весьма любопытными и много говорящими станут для вдумчивого читателя и помещенные в книгу заметки из газет («Зырянская жизнь», «Югд туй», «За новый Север», «Красное знамя»). Они своеобразным, но довольно доступным образом передают нам колорит определенных периодов истории города.

Интересным и полезным представляется и заключающий издание список литературы по истории Сыктывкара.

Конечно, мы понимаем, что в таком большом деле нельзя обойтись без определенных недостатков.

Не будем касаться досадных опечаток и неточностей, которые прокрались в издание. Если же касаться более серьезных просчетов, то, прежде всего, хотелось бы заметить, что нередко авторы увлекаются описанием собственно городской истории, забывая, что она является неотъемлемой частью истории республики и истории страны. В результате порой размывается общий фон происходивших в городе событий. И далеко не всегда ясно, почему то или иное историческое явление все же произошло в столице Коми. Например, говорится о возникновении в городе в начале XX в. отделений политических партий (эсеров и т.п.). Однако читателю (особенно не слишком хорошо знакомому с некоторыми событиями отечественной истории) не совсем понятно, откуда и когда эти партии появились в России, какие взгляды они пропагандиро-

вали и т.п. Наверное, хотя бы очень коротко, об этом можно было сказать.

Если еще раз затронуть оформление тома, то, как уже отмечалось, оно выполнено на высоком уровне. Единственное, в чем можно упрекнуть редакцию: некоторые иллюстрации столь малы, что читателю сложно понять, что на них изображено.

Кроме того, трудности, переживаемые страной и Республикой Коми, не могли не сказаться на реализации этого начинания. Так, хочется посетовать на небольшой (даже для сегодняшних времен), всего 1300 экземпляров, тираж издания.

Однако, несмотря на все недоработки и сложности в осуществлении данного проекта, долгожданное событие все же произошло – столица республики получила новое прочтение своей истории. Небольшой авторский коллектив сделал большое дело. Выход этого тома – событие неординарное. В том числе и в области исторической науки. Думается, что эта книга займет подобающее место среди исторических изданий, что вышли у нас в республике в последние годы. Так, она найдет полезное применение в учебном процессе при преподавании Коми истории в средней школе, техникумах и ВУЗах. Но она интересна не только для учащихся и педагогов, ученых-историков, но для широкого круга людей, любящих родной край, его столицу, желающих знать ее историю.

И власти города и республики должны позаботиться, чтобы новое прочтение истории Усть-Сысольска–Сыктывкара поступило бы в самую отдаленную библиотеку региона: городскую, районную, сельскую, школьную. И была бы доступна всем: от руководителя до школьника.

Литература

1. *История Сыктывкара* / Гл. ред. И.Б. Берхин. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980. 288 с.
2. *Рогачев М.В., Цой А.И.* Усть-Сысольск: страницы истории. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. 160 с.
3. *Рогачев М.В.* Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2010. 248 с.
4. *Роцевский М.П., Роцевская Л.П.* Градоначальники Сыктывкара в портретах. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003. 144 с.
5. *Город Сыктывкар.* Энциклопедия. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 408 с.

д.и.н. О.В.Золотарев,
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им.П.Сорокина».

ОРЛОВ А.Ф. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ РУССКИХ И НЕКОТОРЫХ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ РЕК, ГОРОДОВ, ПЛЕМЕН И МЕСТНОСТЕЙ. М.: Издательская группа «Точка», 2020. 368 с.

ORLOV A.F. ORIGIN OF THE NAMES OF RUSSIAN AND SOME WESERN EUROPEAN RIVERS, CITIES, TRIBES AND LOCALITES. M.: Publishing Group«Point», 2020. 368 p.

Работа Александра Федоровича Орлова, ученого, специалиста лесного хозяйства, Статского советника Императорской России, награжденного личным дворянством за долгие годы безупречной службы, является уникальным источником по истории, этнографии и топонимии. Более 30 лет он собирал оригинальные материалы по топонимике северного края России во время многочисленных служебных поездок по Архангельской и Вологодской губерниям. В 1907 г. в Вельской типографии была издана первая книга его многолетнего труда «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей». Позже Александр Федорович продолжил накапливать новые и перерабатывать имеющиеся материалы с целью издания второй книги. К концу 30-х гг. прошлого столетия он подготовил две новых рукописи, но в силу несоответствия идеологии того времени

– цитаты из Библии в предисловии, размышления о первопричинах всеобщего пьянства и нищеты северных народностей, соображения по поводу нелицеприятных черт части русского населения, цитирование историков царского периода и т.д. – был вынужден отложить публикацию до лучших времен.

Работа А.Ф. Орлова «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей» (Вельск, 1907) содержит редчайшими этнографическими материалами, гидронимическими легендами и преданиями. Основная часть исследования посвящена изучению речных названий Севера и западноевропейской части, в частности, одной из главнейших водных артерий России – Волге.

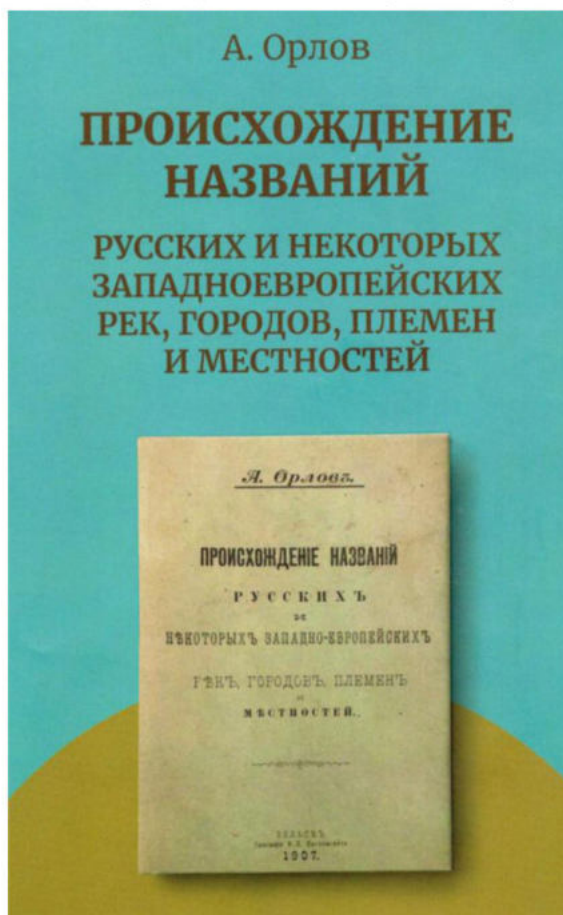
В первой главе детально представлена классификация гидронимической лексики. Унификация произведена на основе повторяющихся элементов.

По этому принципу выделены наименования на -*га*, -*э*, -*ма*, -*м*, -*ба* и др. Названия на -*ва* автор считает вотяцкими и зырянскими, на -*га* – лопарскими, на -

ма – вотяцкими, на -*ша*, -*са*, -*сса* – мордовско-черемисскими, остальные, как утверждает автор, возникли «путём фонетических видоизменений». Верно отмечено, что ударение в субстратных топонимах локализовано на первом слоге, названия рек имеют окончание -*а*, озёр – -*о* (*Волга* – *Волго*, *Сума* – *Сумо*, *Кена* – *Кено*), зафиксированы интересные наблюдения в области фонетики, ср. -*га* > -*жа*, -*ж* (*Пучега* – *Пучеж*), -*ба* < -*ма*, -*ва*.

Выводы автора о том, что все реки европейской части России и большинство значительных рек Западной Европы получили свои названия от предков финских народностей, являются достаточно спорными. Вопрос об общем древнейшем слое в топонимике русского Севера и Западной Европы возник в связи с существованием на этих территориях географических названий, которые обнаруживают полное

звуковое соответствие или близкое сходство в формантах и основах. Ср. аналогичные параллели в топонимике русского Севера и Сибири, выявленные М.А. Кастреном, который сопоставлял тюркское название Енисея *Kem* с финско-карельскими *Kem* > *Kemi* > *Kymi* [1, с. 120]. Многочисленные соответствия такого рода приведены в работах и других исследователей, считающих эти соответствия доказательством существования общего древнейшего пласта в топонимике Севера и Сибири, но по-разному решающих вопрос о его лингвоэтнической принадлежности. К примеру, А.В. Попов считал, что общие севернорусско-сибирские субстратные компоненты образуют древнейший «чудской» (= угорский) пласт [2, с. 134, 135, 138]. Б.А. Серебренников относил их то к доурало-алтайским [3, с. 114–115], то к угорским [4, с. 136–138]. Факт существования многочисленных схождений в топонимике Севера и

Сибири сам по себе представляет значительный интерес. Ряд исследователей предложили термин для обозначения древнейшего страта – «палеоевразийский». Сторонники этой гипотезы относят всю массу гидронимов с внешне совпадающими окончаниями на всей громадной территории Евразии к «палеоевразийскому» страту. Несмотря на то, что в топонимике могут быть отражены следы таких древних недифференцированных языковых общностей, как финская, угорская и тем более финно-угорская и уральская. В топонимическом субстрате, как правило, фиксируются реликты более поздних языков или языковых групп. Лишь отдельные названия особенно значительных рек, озер или гор могут восходить к глубокой индоевропейской или финно-угорской древности, но и этот теоретический постулат трудно доказуем.

В 50 – 60-е гг. XX столетия немецким индоевропеистом Хансом Краэ в научный обиход был введен термин «древнеевропейские гидронимы», или «древнеевропейская гидронимия». Понятие, обозначаемое этим термином, получило дальнейшее развитие в работах его ученика и последователя Вольфганга П. Шмидта. Распространение древнеевропейских имен интерпретируется и воспринимается как результат их возникновения в период, предшествующий образованию отдельных индоевропейских языков. Географические реалии (богатство водных ресурсов и пригодные для обработки равнины) позднейших восточнославянских территорий позволяют считать вероятным, что уже в доиранский период, т. е. приблизительно 2 тыс. лет до н.э., носители индоевропейского языка могли достичь восточноевропейские пространства и маркировать на своем языке такие важные географические объекты, как реки. Не исключено, что ранние названия могли носить крупные реки, например, Волга, Ока, Дон и их большие притоки. В связи с этим следует иметь в виду и то, что в более позднее время под влиянием носителей других языков древние гидронимы могли изменять свою форму вследствие добавочной дифференциации (ср., Днепр и Днестр). Включение гидронимов в состав индоевропейских (т. е. периода до развития отдельных индоевропейских языковых ветвей) возможно только при строгом соблюдении определенных лингвистических критериев: а) существование сопоставимых названий с учетом территории; б) структуры названия; в) семантики; г) исторических и археологических данных.

При изучении древнеевропейской гидронимии большую роль играет балтийский ареал, где данный гидронимический страт представлен особенно концентрированно: многим древним названиям рек центральной и северной Европы обнаруживаются соответствия именно на территории Балтики.

Наконец, необходимо считаться с объективным фактом, что топонимика Севера в значительной степени связана с уральскими языками, а топонимика Западной Европы – с балтийскими.

Вторая часть книги А.Ф. Орлова посвящена происхождению названия города Москва и поиску естественных причин возникновения ойконимов. Про название столицы России написано огромное коли-

чество статей различного характера. Некоторые ученые рассматривают в известном ойкониме лексему коми происхождения. Хотя до сих пор нет археологических, исторических и других свидетельств относительно пребывания в этом регионе населения, говорившего на коми языке, его диалектах. Даже если рассматривать шире – древние пермяне, то их тоже там никогда не было. К тому же версия, согласно которой *моск* – корова, *ва* – вода, некорректна уже потому, что *моск* в коми и вообще пермской гидронимии в значении «корова» не фиксируется. В коми языке *корова* обозначается словом *мӧс*, этот компонент встречается в гидронимии, но только в значении «источник, родник, ключ». Ближе к истине версия, и на это намекает в работе А. Орлов, что это название восходит к прибалтийско-финским народам. Древняя территория Москвы-реки – это их «вотчина». В связи с этим сравните точку зрения украинского ученого-топонимиста О.Б. Ткаченко. Согласно ему, название Москва связано с древними мерянами (летописное финно-угорское племя). *Моска* из языка мерян обозначает «конопля». А в быту, в хозяйстве конопля широко использовалась. *Куа* – это курья, залив. Значит, *Москва* – это место, залив, где замачивали эту самую коноплю. Возможно, что этот признак номинации лег в основу названия реки Москва. Но и это лишь одна из версий, хотя и вполне правдоподобная. Возможно, название Москва восходит к более древним временам, к праязыку, когда финно-угорская общность еще не распалась на различные ветви. Но доказать или опровергнуть это мы пока не можем.

Совершенно справедливо А.Ф. Орловым отмечено, что крупные населенные пункты получили свои наименования от гидронимов, на берегу которых расположены. Такой вид номинации, метонимический перенос по смежности, в топонимии достаточно известен, ср. река Москва – город Москва, река Печора – город Печора, река Ангара – город Ангарск, река Пышма – город Верхняя Пышма, река Самара – город Самара и др. Иногда, очень редко, фиксируются случаи обратной номинации, т. е. гидроним получает свое наименование от ойконима [5, с. 35]. Чаще такой вид называния характерен незначительным водным объектам.

В третьей части предлагаемой читателю книги автор затрагивает вопросы, относящиеся к числу важнейших вопросов древнерусской истории. С ним отчасти связано решение проблемы образования Русского государства, проблемы происхождения русского народа, решения норманнской теории. На основе многочисленных примеров доказывает взаимосвязь названия населенного пункта и гидронима. Иногда, в силу отсутствия одного из географических объектов, гипотетически предлагает их существование. Аналогичная методика исследования наблюдается и при изучении названий племен, зафиксированных в летописи. Здесь он предлагает свою версию их происхождения, связывая ее с речными названия «финского» происхождения. Спорно, что племена, получившие свои имена по рекам во времена образования Русского государства, принадлежат к славянской или, как утверждает А.Ф.

Орлов, к другой группе индоевропейских народов, к примеру, прафинскому языку. Не совсем, наверное, корректно считать возникновение названия Русь от одноименного гидронима. Хотя такие единичные случаи фиксируются. Ср., например, происхождение этнонима *коми* у Т. Уотилы от гидронима Кама, т.е. «камский человек; человек, проживающий в бассейне реки Кама» [6, с. 102]. В.И. Лыткин сравнивал этноним *йӧгра* с названием *Jongra «светлая (белая) река» [7, с. 197–206] и т.д.

Аналогичная точка зрения А.Ф. Орлова относительно появления имени *варяг*. Заметим, что по вопросу происхождения и значения слова «варяг» в разное время было высказано много различных версий. К примеру, С.М. Соловьёв отмечал, что «под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое Отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских» [8, с. 94]; М. Фасмер, сторонник норманнской теории, считал варягов выходцами из Скандинавии, рассматривал это слово как заимствованное из древнескандинавского языка со значением «союзники, члены корпорации» [9, с. 276] и др. Тем не менее не все исследователи признают скандинавско-германскую этимологию этого слова, скажем П.Я. Черных считал, что слово «варяг» попало в русский язык от аваров, которые так передавали искаженное в тюркском произношении имя франков, и означало в древней Руси нечто вроде «чужестранный воин (с севера или с запада), которому доверяют защиту князя, его семьи и его власти» [10, с. 63–76]. Есть и другие версии. Некоторые ученые верифицируют происхождение слова из санскрита, где русское «варяги» означает «люди от воды», «живущие около воды», «имеющие отношение к воде» и т. д.

С момента первого издания книги А.Ф. Орлова прошло более ста лет. За это время многое изменилось в топонимических, этнонимических исследованиях, как в общетеоретическом плане, так и в практическом. Естественно, что выявленные и про-

анализированные недостатки в исследовательской работе нельзя рассматривать как ошибки, они, скорее всего, являются одним из возможных вариантов интерпретации, соответствующих тому времени.

Литература

1. *Castrén M.A.* Ueber die Ursitze des finnischen Volkes. Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. Spb., 1862.
2. *Понов А.В.* К вопросу о хорографии и палео-этнографии Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Т. XLIX. Вып. 2: Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. Иркутск, 1926.
3. *Серебrenников Б.А.* Топонимические загадки Сибири // *Onomastica*. Vol. 1. Wroclaw- Krakow, 1959.
4. *Серебrenников Б.А.* К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимии на -ым (-ил) // *НУК*, LXX, 1. Budapest, 1968.
5. *Мусанов А.Г.* Географические названия Лузско-Летского района Республики Коми. Сыктывкар, 2006.
6. *Uotila T.E.* Syrjänische Chrestomatie mit grammatikalischem Abriss und etimologischem Wörterverzeichnis / T.E. Uotila. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1938.
7. *Лыткин В.И.* К этимологии слов угра и югра // *Этимология* – 1968. М., 1971. С. 197–206.
8. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён: в 6-ти т. СПб., 1851 – 1879. Кн.1. Т. 1. V. С. 94.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 2004. Т. 1.
10. *Черных П.Я.* К вопросу о происхождении имени «варяг» // *Учёные записки Ярославского педагогического института*. Вып. IV. 1944. С. 63–76.

к.филол.н. А.Г. Мусанов
сектор языка, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

*В настоящем номере журнала
«Известия Коми научного центра УрО РАН»
редколлегии особенно приятно
поздравить ответственного редактора
серии «История и филология» И.Л. Жеребцова с юбилеем.*

ИГОРЬ ЛЮБОМИРОВИЧ ЖЕРЕБЦОВ

24 ноября 2020 г. исполнилось 60 лет директору Института языка, литературы и истории, председателю Президиума Коми научного центра Уральского отделения РАН, председателю Ученого совета Национального музея Республики Коми, Почетному работнику науки и

техники Российской Федерации, заслуженному работнику Республики Коми, Почетному деятелю науки Республики Коми, доктору исторических наук Игорю Любомировичу Жеребцову.

И.Л.Жеребцов – один из ведущих специалистов России в области исторической демографии, основоположник широкомасштабных историко-демографических исследований на Европейском Севере; он внес значительный вклад в разработку основных проблем исторической демографии финно-угорских народов, изучение многовекового исторического опыта проживания человека в арктических и субарктических регионах России, учет которого необходим при разработке новой концепции демографического, социально-экономического и этнокультурного развития Российской Арктики, для определения основных направлений демографической политики России в целом.

Изучив воздействие естественно-географических условий на демографические процессы на различных этапах истории, И.Л.Жеребцов доказал связь между происходившими в этих процессах переменами и изменениями климата, сформулировал концептуальные основы подхода к анализу климатических изменений как важного фактора истории народонаселения, предложил в рамках теории демографических циклов рассматривать изменения климата как фактор, определяющий эти циклы. Провел сравнительное исследование историко-демографического развития финно-угорских народов, выявил существенную роль климатического фактора в их демографической истории. Показал, что миграции выходцев из Европейской России в Приуралье и за Урал стали следствием изменений климата, что освоение Сибири и Дальнего Востока изначально носило интернациональный по составу первоходцев характер. Раскрыл региональные особеннос-

ти демографических процессов на Европейском Севере России.

Важным и перспективным представляется используемый ученым комплексный междисциплинарный подход к исследованию историко-демографических проблем, при котором традиционные методы анализа исторических источников органично дополняются методами смежных наук – антропониимики, диалектологии, фольклористики, что позволяет получать дополнительные, весьма значимые научные результаты.

Кроме того, Игорь Любомирович плодотворно исследует и другие научные проблемы. Им была прослежена история административно-территориального деления Европейского Севера России, предложена новая концепция политической истории европейского Северо-Востока периода революций и Гражданской войны, выявлены основные этапы становления и развития гуманитарной науки в Коми.

Полученные И.Л.Жеребцовым научные результаты оперативно введены в международный научный оборот. Он (как автор или соавтор) опубликовал в России, Белоруссии, Великобритании, Венгрии, Германии, Индии, Казахстане, Молдове, Норвегии, Словакии, Туркмени, Финляндии, Швеции, Южной Корее и Эстонии более 400 работ, в том числе 18 монографий («От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века», 2014 г., «Коми национальное движение: от эсеров до наших дней», 2016 г., «GULAG: ideology and economy of forced labour in the XX century», 2017 г., «“Socialist city”: Idea and its realization in the Soviet Union 1920's and 1930's.», 2019 г., и др.), 12 энциклопедических изданий, около 40 других отдельных публикаций, статьи в журналах «Отечественная история», «Природа», «Мир России», «Жизнь национальностей», «Памятники Отечества», «Уральский исторический вестник», «Финно-угроведение» и др. Выступал с докладами на 47 международных и всероссийских научных форумах в Индии, Южной Корее, Финляндии, Словакии, Венгрии, Польше, Румынии, Болгарии, Эстонии, Казахстане, Туркмени, Белоруссии, Молдове, Абхазии, в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Вологде, Екатеринбурге, Ижевске, Йошкар-Оле, Казани, Краснодаре, Мурманске, Муроме, Новороссийске, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Салехарде, Саранске, Ульяновске и других городах России. И.Л.Жеребцов удостоивался

Государственной научной стипендии для выдающихся ученых России.

Как член бюро Научного совета по исторической демографии и исторической географии РАН, руководитель его Северной секции и главный редактор научного журнала «Историческая демография» (единственного по этой тематике на постсоветском пространстве), организатор регулярно проводящихся в Сыктывкаре с 2005 г. международных и всероссийских (с международным участием) научных конференций и симпозиумов по исторической демографии, Игорь Любомирович внес крупный вклад в координацию историко-демографических и историко-географических исследований в России и за рубежом, в определение основных направлений развития историко-демографической науки на Европейском Севере России, а руководимый им институт стал одним из признанных в России, странах Европы и Азии центров историко-демографических исследований.

И.Л. Жеребцов ведет большую научно-организационную работу. Как руководитель Уставной рабочей группы, в 2016–2018 гг. являлся одним из организаторов Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН», с сентября 2018 г. – председатель Президиума ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН». Под руководством И.Л. Жеребцова подготовлены проекты Устава и Концепции Программы развития Коми НЦ УрО РАН, ряда положений и других основополагающих документов, регламентирующих работу Федерального исследовательского центра и его подразделений.

Как член бюро Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Уральского отделения РАН, заместитель председателя Ассоциации финно-угорских научно-исследовательских институтов, член правления Российского комитета финно-угорских историков, внес большой вклад в укрепление научного сотрудничества гуманитарных институтов Уральского отделения РАН, научных учреждений финно-угорских регионов России, инициирование, руководство и выполнение крупных интеграционных научных проектов с участием нескольких институтов.

Под руководством ученого в 2005–2019 гг. выполнялись семь крупных научных проектов по Программам фундаментальных исследований ОИФН РАН и УрО РАН, грантам РФФИ и РГНФ, плановая академическая тема. Он организовал более 20 международных и всероссийских научных форумов, в том числе за последние пять лет девять конференций и симпозиумов. И.Л. Жеребцов – ответственный редактор 32 научных изданий, инициатор выпуска тематических серий «Повседневная жизнь российской провинции», «Новые источники по истории Европейского Севера России», «Научное наследие» и др. Он является ответственным редактором серии «История и филология» научного журнала «Известия Коми научного центра УрО РАН», членом редколлегии научных журналов «Ураль-

ский исторический вестник» (Екатеринбург), «Финно-угорский мир» и «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (Саранск), «Наследие» (Сыктывкар).

Исследования и организаторская работа И.Л. Жеребцова имеют большую практическую значимость. Как член Научно-консультационного совета при Главе Республики Коми, он вносит вклад в обеспечение эффективного взаимодействия органов государственной власти Республики Коми с научными организациями по вопросам совершенствования и реализации государственной научно-технической и инновационной политики в Республике Коми. За исследования, имеющие важное значение для социально-экономического развития Республики Коми, И.Л. Жеребцов дважды удостоен Премии Правительства Республики Коми, награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2002 г.», ведомственной медалью Федеральной службы государственной статистики «За заслуги в проведении переписи населения 2010 г.», Почетными грамотами Государственного Совета Республики Коми, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.

Игорь Любомирович активно сотрудничает с российскими и зарубежными высшими учебными заведениями, вносит большой вклад в подготовку кадров: руководит аспирантами, проводит научно-практические конференции молодых ученых и студентов. Более десяти лет он возглавляет Государственные экзаменационные и аттестационные комиссии в институтах Сыктывкарского государственного университета, регулярно выступает в качестве официального оппонента на защите докторских и кандидатских диссертаций в различных диссертационных советах, входил в состав регионального Диссертационного совета при Сыктывкарском госуниверситете. В качестве приглашенного профессора И.Л. Жеребцов читал лекции в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан), выступал перед студентами и преподавателями Белорусского государственного университета и Университета им. Матея Бела (г. Банска-Бистрица, Словакия). Он являлся научным руководителем десяти аспирантов и соискателей, а также зарубежным научным консультантом семи соискателей ученой степени доктора философии. Соавтор семи учебных пособий для школ и вузов «История Республики Коми», «Занимательно об истории и культуре Республики Коми», «Очерки по истории политических репрессий в Коми» и др.; его труды широко применяются в учебном процессе. Игорь Любомирович лауреат Государственной премии Республики Коми в области образования, награжден Почетной грамотой Министерства образования и высшей школы Республики Коми.

И.Л. Жеребцов плодотворно ведет просветительскую и популяризаторскую работу: опубликовал как автор и соавтор 27 научно-популярных

книг («Популярная история Республики Коми», «Комиретро: 95 лет истории Коми, от официальной до курьезной», «Дмитрий Батиев – создатель Коми автономии», «Всегда в строю, всегда в бою», «В начале всех начал», «В вихре революции. Политическая история Коми края I четверти XX века в лицах», «Коми исследователи-гуманитарии первой половины XX века», «Где ты живешь», «Рассказы для детей об истории Коми» и др., большое количество материалов в средствах массовой информации. Он – один из организаторов краеведческого журнала и двух культурно-просветительских обществ. Как председатель Ученого совета Национального музея Республики Коми, председатель Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние», член коллегии Министерства культуры, туризма и

архивного дела Республики Коми, Общественного совета г. Сыктывкара, попечительского совета Национальной библиотеки Республики Коми, руководит работой по координации культурно-просветительской деятельности различных учреждений и общественных организаций г. Сыктывкара и Республики Коми. Лауреат конкурсов научно-популярных статей РФФИ, за просветительскую работу награжден Почетными грамотами Российского союза ветеранов Афганистана, министерств культуры и национальной политики Республики Коми, администрации г. Сыктывкара и др.

Игорь Любомирович Жеребцов не только широко известный в республике и за ее пределами талантливый ученый, но и человек большого личного обаяния. Желаем Игорю Любомировичу успехов, здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности!

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

24 декабря 2020 г. исполняется 65 лет заведующему сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, кандидату исторических наук, заслуженному работнику Республики Коми Петру Павловичу Котову.

Петр Павлович родился 24 декабря 1955 г. в пос. Усть-Шоноша Архангельской области. В 1963–1973 гг. обучался в Усть-Шоношской средней школе, затем трудился на Усть-Шоношской лесоперерабатывающей базе объединения «Вельсклес», работал на заводе «Волгоцеммаш» (г. Тольятти). С 1974–1976–годы службы в Советской Армии.

С 1977 г. по 1982 г. обучался на историческом факультете Сыктывкарского государственного университета, после окончания был направлен на годовую стажировку в Ленинградский государственный университет. В 1983 г. поступил в аспирантуру Ленинградского университета, под научным руководством профессора А.Л. Шапиро подготовил исследование «Удельные крестьяне Русского Севера» и в октябре 1986 г. защитил его в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (по специальности 07.00.02 – Отечественная история).

С 1982 г. Петр Павлович трудился на историческом факультете (с 2015 г. – в Институте истории и права) Сыктывкарского государственного университета. В 1986–1997 гг. был ассистентом, старшим преподавателем и с 1992 г. – доцентом кафедры истории СССР (с 1991 г. –

кафедры отечественной истории), одновременно занимал должности декана и зам. декана исторического факультета и зам. заведующего кафедрой истории СССР и кафедры отечественной истории.

В 1993 г. П.П. Котову было присвоено ученое звание доцента. В 1998–2009 гг. он являлся зав. кафедрой отечественной истории, с 2009 г. по 2017 г. трудился в должности профессора кафедры истории России и зарубежных стран. В 2004–2005 гг. назначался председателем государственной аттестационной комиссии исторического факультета Вологодского университета.

На историческом факультете (Институте истории и права СГУ) П.П. Котов читал основной предмет «История России с древнейших времен до конца XVIII в.» и другие курсы. Издал учебное пособие «Удельные крестьяне Русского Севера. 1797–1863 гг.» и 14 учебно-методических разработок. Руководил различными практиками аспирантов, магистрантов и студентов; научными разработками молодых исследователей. Всего под его научным руководством защитили диссертации 17 аспирантов и 7 магистрантов, 153 специалиста – дипломные работы и 18 бакалавров – выпускные квалификационные работы. Многие из них за отличную учебу и научные успехи получали стипендии Президента и Правительства РФ, Главы РК и Ученого совета Сыктывкарского университета, имели гранты различных всероссийских и международных научных фондов.

По инициативе зав. кафедрой отечественной истории П.П. Котова в 2002–2003 гг. получили официальный статус две студенческие научно-исследовательские лаборатории. Начиная с 2002 г. и по настоящее время он выступает руководителем СНИЛ «История Европейского Севера России: социально-демографический аспект» (опубликовано более 120 научных трудов студентов и аспирантов).

На руководимой ученым кафедре эффективно действовала аспирантура. За 1998–2009 гг. кандидатами исторических наук стали 25 аспирантов и соискателей кафедры. Кафедра неоднократно выступала ведущим учреждением, а преподаватели кафедры – официальными оппонентами на защитах кандидатских и докторских диссертаций.

П.П. Котов был активным сторонником и помощником профессора Л.П. Роцевской, которая инициировала создание Диссертационного совета при Сыктывкарском университете. Он принимал непосредственное участие в формировании состава совета, подготовке и согласовании необходимых для деятельности Диссертационного совета документов. Петр Павлович являлся ученым секретарем Диссертационного совета при СыктГУ по специальности 07.00.02 – отечественная история на протяжении всего периода его деятельности (в 1995–2007 гг.). Всего в совете были успешно защищены 56 диссертаций.

В 2017 г. П.П. Котов перешел на работу в Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Он успешно прошел конкурс на замещение должности заведующего сектора отечественной истории и продолжает плодотворную научную деятельность и подготовку новых научных кадров в аспирантуре института.

П.П. Котов достаточно успешно занимается наукой. Основное внимание ученый уделяет разработке проблем истории удельной деревни. Он первым среди исследователей проанализировал демографические процессы в удельной деревне Севера, уровень натуральных повинностей, развитие отходничества и промыслов и ряд других проблем. При этом он внес важные уточнения при изучении некоторых вопросов истории северных удельных крестьян. В частности, им сделано значимое уточнение в оценке уровня податного бремени. В народнической и советской историографии считалось незыблемым, что основные денежные подати удельных поселян, как и крестьян других категорий, возвысились в разы. Тогда как ученый ввел понятия «номинальной и реальной стоимости податных окладов» и на основе их сравнения доказал, что в 1797–1863 гг. (период существования удельной деревни в России) указанные денежные сборы увеличились не более, чем на 45 %. По мнению исследователя, подобные уточнения верны и в отношении всех групп сельских жителей и по всем регионам страны.

В своих работах Петр Павлович обобщил проведение отмены крепостного права в удельной деревне от 26 июня 1863 г. Он впервые в отечественной историографии доказательно опроверг устоявшееся мнение о «благоприятном» решении

«земельного вопроса» для удельных крестьян пяти российских губерний «лесной полосы» и, напротив, доказал, что именно эти крестьяне потеряли по реформе 1863 г. свыше 90 % земельных угодий. При этом ученый не просто выказал ошибочность прежних выводов, но и выявил причины этих заблуждений.

В ходе исследования общественной записки П.П. Котов не только внес значимый вклад в разработку проблемы, но и на основе введения новых источников обосновал высокую степень объективности данных губернаторских отчетов о посевах урожая хлебов. Указанные выводы обобщены в монографии, посвященной оценке уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX в.

По результатам проведенных поисков в архивах Санкт-Петербурга, Вологды и Архангельска ученый сделал также важное для архитектурного облика г. Сыктывкара открытие – выявил существование полуподвального этажа в здании бывшего Духовного училища. Эти помещения давно не использовались, были засыпаны землей, здание «вросло» в землю, большинство вентиляционных шахт оказались скрыты. Однако, благодаря проведенной П.П. Котовым исследовательской работе, удалось сделать качественную реставрацию и восстановить исторический облик одного из красивейших исторических зданий Сыктывкара, действительно достойного для размещения в нем Национальной галереи Республики Коми.

П.П. Котов успешно проводит разработки по истории северных уездных городов, социального призрения, демографических проблем, дошкольного воспитания и вопросов развития здравоохранения. Одновременно он выступал научным руководителем серии изданий по истории выборов XIX–XX вв. в органы власти различного уровня в республике, вошел в число основных авторов известных изданий: путеводитель «Центральный государственный архив Республики Коми» (1994), «Атлас Республики Коми» (2001), «История Коми с древнейших времен до конца XX века» (2004) и ряда других.

Ученым опубликовано 180 научных работ, в том числе две монографии, три препринта, более 100 статей (26 в журналах из списка ВАК РФ). Научные достижения изложены в докладах на 11 международных, 30 всесоюзных и всероссийских и 65 региональных научных конференциях.

За большой вклад в науку Петр Павлович награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации и ряда министерств Республики Коми.

Коллеги, ученики сердечно поздравляют юбиляра и желают доброго здоровья и дальнейшей творческой жизни!

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «Известия Коми НЦ УрО РАН» серии «История и филология»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1000 знаков, резюме на русском языке) языках объемом до 1 п.л. (до 40 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения, рецензии и информационные обзоры объемом до 0,25 п.л. (до 10 000 знаков, включая пробелы). Статьи должны отражать ранее не опубликованные результаты завершённых и методически корректно выполненных оригинальных исследований в сфере исторических и филологических наук. Изложение материала должно быть ясным, лаконичным и логически выдержанным.

Направляя статью в журнал, автор(ы) соглашается(ются) с настоящими Правилами. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

К публикации также принимаются отзывы, рецензии и комментарии к опубликованным работам, информация о научных мероприятиях, информация о важных событиях научной жизни объемом до 0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы).

Представляемые статьи должны сопровождаться письменным направлением того научного учреждения, где была выполнена работа, а также экспертным заключением о возможности опубликования в открытой печати. В случае отсутствия возможности представить экспертное заключение, автор (авторы) статьи могут подать заявление в свободной форме на проведение экспертизы в ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Статья должна быть подписана всеми авторами (автором) с указанием (полностью) фамилии, имени, отчества, места работы (на русском и английском языках), служебного телефона и e-mail. Рекомендуется указать автора, который будет вести переписку с журналом.

В редакцию подается рукопись статьи в печатном (2 экз.) и электронном вариантах. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичны. Электронный вариант рукописи может быть прислан по электронной почте ответственному секретарю серии milohin@mail.ilkomisc.ru

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт - Times New Roman; размер кегля - 10 пунктов; межстрочный интервал - одинарный. Вставка символов - Symbol. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически, а не с помощью пробелов. Расстановка переносов - автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия(и) автора(ов) с выравниванием по центру, курсивом. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо арабскими цифрами указать их принадлежность. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Через один полуторный интервал далее следует краткая аннотация (8-10 строк), в которой кратко описываются основные выводы и результаты работы. После аннотации через полуторный интервал приводятся ключевые слова (до 10). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. Английская аннотация (объемом до 2000 печатных знаков) для читателей, не владеющих русским языком, должна стать объективным источником информации (корректным пересказом статьи). В тех случаях, когда текст статьи поделен на разделы, автор может подобным образом разделить и текст аннотации. Редакция проверяет качество английского текста и вносит необходимые правки. Во избежание разночтений автор в отдельном файле представляет русский текст, по которому был произведен перевод расширенной аннотации.

После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Электронный формат рисунков, фотографий, схем, таблиц, диаграмм необходимо присылать дополнительным файлом. Рисунки и фотографии должны быть: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы в порядке их появления в тексте и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Как следует из данных, приведенных в табл. 1...».

Таблицы должны быть составлены в соответствии с принятым стандартом. Текст в таблице набирается шрифтом Times New Roman. Сокращение слов в шапке таблиц не допускается. Пустые графы должны быть заменены условными знаками, которые объясняются в примечании. Если таблица

в статье одна, то порядковый номер не ставится и слово «Таблица» не пишется. Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Название таблицы

Таблица 1

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «Источники: Государственный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5.».

Рисунки представляются в качестве, пригодном для непосредственного воспроизведения. Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «Рис. 2. Карта административного деления Республики Коми».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом «Источники и литература» в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания в тексте в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Цитаты из источника оформляются как число в квадратных скобках, с указанием, страницы/страниц (листа/листов) цитируемого источника, разделяются между собой точкой с запятой (в случае отсылки на несколько источников в одной ссылке) - например: [1, с. 23], [7, с. 18-40, 21; 11], [19; 23, л. 12, 15 об.-16; 28, с. 115]. Автоматические сноски не допускаются.

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Научный отчет // Государственный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 4 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных списках под знаком «звездочка» (*).

8. После Списка источников и литературы размещается References - приставный список источников и литературы в транслите (на латинице) и в квадратных скобках перевод названия статьи и журнала на английский язык. References повторяет в полном объеме, с той же нумерацией Список источников и литературы на русском языке, независимо от того, имеются ли в нем иностранные публикации. Список литературы и References оформляются по нижеприведенным примерам (следует обратить особое внимание на знаки препинания).

9. Если в тексте есть сокращения, то после основного текста должен быть приведен список с их расшифровкой.

10. В конце статьи на русском и английском языках указываются: Сведения об авторах - фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), (для иностранных авторов - также страна), ученая степень, должность, место работы (полное и сокращенное название), служебный адрес, адрес электронной почты.

Образец оформления:

УДК

И.И.Иванов

Название статьи

Аннотация.....

Ключевые слова: слово, словосочетание, слово

I.I.Ivanov

Article title

Abstract...

Key words: word, phrase word

Текст текст текст [1]. Текст текст текст [2].

Источники и литература

1. Иванов И.И. Название статьи // Название журнала. 2005. Т.41. № 4. С. 18-26.

2. Петров П.П. Название книги. М.: Наука, 2007. Общее число страниц в книге (например, 180 с.) или конкретная страница (например, С. 75.).

3. Казаков К.К. Название диссертации: Дис. канд. истор. наук. М.: Название института, 2002. 164 с.

References:

1. Ivanjv I.I/ Nazvanie statti [Article title] // Nazvanie zhurnala [Journal title]/2005. T.41. № 4. S. 18-26.
2. Petrov P.P. Nazvanie knigi [Book title]. M.Nauka, 2007. Общее число страниц в книге (например, 180 p.) или конкретная страница (например, p. 75).
3. Kazakov K.K. Nazvanie dissertation [Dissertation title] Dis. kand. istor. nauk. M.: Nazvanie institute, 2002.164 p.

Список сокращений

ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук.

Сведения об авторе (-ах)

Иванов Иван Иванович (Город) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой государственного университета, 111111, г. Город, Ленинский проспект, 17, ivanov@mail.ru.

Редакция оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

Редакция принимает для опубликования статьи на английском языке (оригинальные, либо переведенные на английский язык профессиональным переводчиком). Такие рукописи следует сопровождать аннотацией, подписями к рисункам и названиям таблиц на русском языке.

Все статьи проходят рецензирование и, в случае необходимости, возвращаются авторам на доработку. Рецензирование статьи закрытое. Возможно повторное и параллельное рецензирование. Редакционная коллегия оставляет за собой право редактирования статьи. Статьи публикуются в порядке очередности, но при этом учитывается их актуальность и научный уровень. Редакционная коллегия сохраняет первоначальную дату поступления статьи, а, следовательно, и очередность публикации, при условии возвращения ее в редакционную коллегия не позднее, чем через 1 месяц после рекомендации о доработке. Корректуру принятой в печать статьи редакционная коллегия иногородним авторам рассылает по e-mail. Автор в течение 5-7 дней должен вернуть ее в редакционную коллегия лично или передать правку по указанному ниже электронному адресу редакционной коллегии.

Материалы, опубликованные в журнале «Известия Коми НЦ УрО РАН» серии «История и филология», размещаются в РИНЦ, а также на сайте ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН <http://illhkomisc.ru/library/nauchnye-zhurnal>

Статьям, опубликованным в журнале «Известия Коми НЦ УрО РАН» серии «История и филология», присваивается DOI.

В случае отклонения статьи присланные материалы не возвращаются.

Печатную версию статьи направлять простым письмом по адресу:

Ответственному секретарю редакционной коллегии

журнала «Известия Коми НЦ УрО РАН» серии «История и филология».

Милохину Дмитрию Владимировичу

167982, г.Сыктывкар, ул.Коммунистическая, д. 26,

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), каб. 516.

Тел : +79128656593

Электронную версию статьи направлять на e-mail: milohin@mail.illhkomisc.ru

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ
Коми научного центра
Уральского отделения РАН
Серия «История и филология»

Вып. 5(45)

Выпуск подготовили:

Ответственный редактор серии - д.и.н. И.Л.Жеребцов
Зам. ответственного редактора серии - к.и.н. И.О. Васкул
Зам. ответственного редактора серии - д.филол.н. Е.А.Цыпанов
Ответственный секретарь серии - к.и.н. Д.В.Милохин
Редактор Т.В.Цветкова
Компьютерное макетирование Е.Н. Старцева
Корректura английского перевода Т.А.Искакова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.
Компьютерный набор. Подписано в печать 09.11.2020.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 12. Уч.-изд.л. 12. Тираж 300. Заказ №38.
Свободная цена.

Подготовлено к изданию редакцией журнала «Известия Коми НЦ УрО РАН».
167982, ГСП, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24.
Отпечатано в редакционно-издательском отделе ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 48.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН».
167982, ГСП-2, Республика Коми, г.Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24.